

**Археологические
исследования
в Каракалпакии**

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Н. ДАВКАРАЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАКАЛПАКИИ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1981

В сборнике приводятся новые материалы раскопок на территории Каракалпакии, охватывающие период от палеолита до средневековья, рассматриваются вопросы хронологии неолита Устюрта, описываются различные системы фортификации древнего Хорезма. Обобщаются сведения о ремесле средневекового Хорезма, прослеживается его политическая история конца XI — 70-х годов XII в.

Для археологов, историков и всех интересующихся историей Средней Азии.

Ответственные редакторы:
кандидаты исторических наук
И. К. Косымбетов, В. Н. Ягодин

Рецензенты:
академик АН УзССР *С. К. Камалов*,
доктор исторических наук *Е. Е. Неразик*

А $\frac{10602-1593}{М 355 (04)-81}$ 111-80 0507000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1981 г.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИАРАЛЬСКОЙ ДЕЛЬТЫ АМУДАРЬИ

Изучение археологических памятников в дореволюционный период в основном сводилось к краткому их описанию, а чаще простому упоминанию и нанесению на географические и топографические карты.

Самые ранние сведения о памятниках приаральской дельты Амударьи приводятся в сочинении хивинского хана, историка XVII в. Абулгази. Воссоздавая события XVI—XVII вв., он пишет о развалинах городища Туккала, со стены которой была видна крепость Куня-Ургенч [1, с. 203, 207, 245].

Развалины Туккалы упоминаются в работах хивинских историков XIX в. Муниса и Агехи. По-видимому, эти данные заимствованы ими у Абулгази, так как в обоих сообщениях описывается междоусобная борьба за трон между сыновьями хивинского хана [2, с. 325—331].

В XVIII в. обширный материал о Хорезмском оазисе собрали Д. Гладышев и И. Муравин во время путешествия в 1740—1741 гг. из Орска в Хиву. Их маршрут проходил по приаральской дельте Амударьи. Отчеты об этом путешествии использовал П. Рычков, а полный текст с картой И. Муравина издал Я. Ханыков [3, с. 203—245].

Карта И. Муравина уже в 1755 г. нашла отражение в атласе Оренбургской губернии, выпущенном И. Красильниковым. Она интересна и для исторической географии. На ней приведены названия некоторых поселений низовьев Амударьи [46, с. 222].

В XIX в. получили дальнейшее развитие возникшие в конце XVIII в. торговые связи между среднеазиатскими ханствами и Россией, что способствовало научному изучению социально-экономической обстановки этих ханств. В рассматриваемый период накапливаются некоторые сведения об археологических памятниках, находящихся на территории приаральской дельты Амударьи.

Отдельные ее памятники были описаны во время хивинского похода 1873 г., в результате которого правый берег Амударьи отошел к России, а Хивинское ханство попало в зависимое от нее положение [4, с. 160]. Участники похода получили разработанную

П. И. Лерхом инструкцию для сбора научной информации. В ней, в частности, говорилось о необходимости сбора сведений о развалинах, которые нужно было нанести на географическую карту. Предписывалось собирать древние рукописи, монеты, записывать легенды и т. д. [5, с. 43—73].

Значительный вклад в изучение истории Хорезма и Хивинского ханства [13] внес русский востоковед П. И. Лерх. В его монографии были проанализированы многие сообщения средневековых географов и историков о Хорезме [51, с. 26—27].

В хивинском походе в составе туркестанского отряда участвовал известный ориенталист А. Л. Кун. Он много путешествовал по Хивинскому ханству, разобрал древние рукописи ханского дворца, описал некоторые археологические памятники низовьев Амударьи, среди которых особо отметил развалины Гяуркалы Ходжейлийской [6, с. 203—254].

В 1873 г. в приаральской дельте Амударьи производились гидрографическая и топографическая съемки под руководством полковника А. В. Каульбарса. На карте, приложенной к его монографии, нанесены некоторые городища приаральской дельты Амударьи [7].

В 1874 г. Русское географическое общество организовало Амударьинскую экспедицию с этнографо-статистическим отделом, возглавляемым полковником Л. Н. Соболевым [8, с. 22]. Сотрудники отдела уделяли большое внимание сбору данных по исторической географии, изучению исторических памятников и развалин городов [9, с. 1—8; 8, с. 70].

В письме Л. Н. Соболева вице-председателю Русского географического общества сообщается: «К востоку от Чимбая попадаются развалины городов, имеющие историческую важность. Так близ Ириджеп-кала в 10 верстах к востоку от Чимбая есть развалины города Ак-кала, в котором... жило узбекское племя масыд, ныне там не живущее, и который был взят Надыршахом в 40 г. XVIII в. В 30 верстах к востоку от Чимбая близ арыка Каукара (Даукара.— Н. Ю.) обозначен другой древний город Багдад, и этот город разрушен персидскими завоевателями» [52, с. 244].

Сотрудник этнографо-статистического отдела художник и писатель Н. Н. Каразин сделал зарисовки развалин древних городов [10, с. 651—691; 11, с. 186—229].

После хивинского похода и присоединения части территории Хивинского ханства к России появился ряд обобщающих работ по истории Хорезмского оазиса, написанных с привлечением средневековых письменных источников. К таким работам относятся книги Н. И. Веселовского [12], П. И. Лерха [13] и А. Л. Куна [14: 6].

После присоединения Правобережья Амударьи к России и создания Амударьинского административного отдела Туркестанского генерал-губернаторства интерес к древностям, находящимся на его территории, проявляли некоторые представители военной

администрации. Так, подполковник А. Гребенкин собрал среди местного населения сведения о городищах Токкала и Хайванкала, которые изложил в письме на имя начальника Амударьинского отдела полковника Н. И. Иванова. Поскольку это первое описание археологических памятников низовьев Амударьи, текст письма приведем полностью:

«Милостивый государь Николай Иванович.

Я так долго не отвечал Вам по заданным мне вопросам об Айван-кале и Тек-кале исключительно потому, что мне не хотелось давать Вам только те скудные сведения, которые я имел об этих крепостях. Чтобы разрешить их, я приказал найти людей, бывших в Айван-кале и знающих предание о Тек-кале. Много я расспрашивал о Теке и Айване, но слышанным мною рассказам не могу дать полной веры и потому сообщаю Вам только резюме из сообщенного мне, и именно только то, что все-таки имеет подобие правды.

Прежде всего я должен сказать, что ни название «Тек», ни «Айван» не суть первоначальных имен двух старинных крепостей, о которых идет здесь речь (впрочем это только мое личное мнение); эти названия им даны последующими жителями дельты — каракалпаками, на основании внешних особенностей. Та крепость, что стоит на арыке Джалпаке, обозначается высоким холмом, имеющим все признаки искусственной насыпи, и потому туземцы ее называли «Тек» (насыпь), прибавивши легенду о «диве», который, взяв в полу земли, насыпал ее. Крепость, лежащую между протоком Шуртамбаем и Иманджаткан (ближе к Кран-Тау), построенную на низкой местности, но имевшую до наводнения высокие стены, называли Айван (высокая).

Тек-кала возвышается на правом берегу арыка Джалпак, в настоящее время незначительного, но по оставшимся еще признакам бывшего в отдаленные времена многоводной рекой (ширина по оставшимся признакам берегов более 150 сажень). Высота Тек-калы более 60 фут.

Эта возвышенная крепость состоит из собственно крепости и цитадели. Крепостной вал венчает вершину холма; в восточной части холма крепости находится цитадель. Ворота (единственные) крепости выходят на реку и замечательно хорошо фланкированы. Кроме того, подошва холма с юга и востока обнесена валом. Между подошвой и валом (15 саж.) находится небольшое озеро. Реставрируя Тек-калу в изображении, ориентируясь по теперешнему виду, необходимо приходить к заключению, что она некогда была сильной крепостью: квадратное ее содержание около 7000 кв. сажень. По моему мнению, Тек-кала только сильная цитадель какого-то древнего города.

В 4—5 верстах от Теки находится каменоломня и обширное кладбище. Осмотренное мною кладбище не имеет памятников, которые раскрывали прошедшее. Теки изобилуют черепьями ка-

кой-то толстостенной обожженной глиняной посуды, изредка попадаются куски жженого кирпича.

Когда существовала крепость, остатки которой называются теперь Теки-кала, об этом предание умалчивает.

Айван-кала построена на низовине и теперь залитой водой Аму; в настоящее время Айван-кала обратилась в озеро, лет 10—12 тому назад она еще не была залита. Люди, видевшие ее в то время, говорят, что Айван была окружена более или менее развалившимся валом (дивали — стены), местами очень высоким. Площадь ее выше 30 танавов. Почти посредине крепости имелись развалины, как будто от базарных построек; вообще же вся площадь крепости была покрыта буграми такого вида, какого обыкновенно бывают бугры в среднеазиатских крепостях от развалившихся глиняных построек и на которые время уже наложило свою все изглаживающую руку. За стеною Айван, шагах в 1000, высилась отдельная высокая башня (серкеп). Предание, взятое из песен, говорит, что эта высокая крепость существовала еще при Ша-Темире (Тамерлан?). А серкеп — остаток от постройки против Айвана другой крепости, каким-то народцем, осаждавшим ее. Вода смыла вал Айван и серкеп. Говорят, что виднелся в Айвани стенной жженный кирпич и много кирпича нежженного».

Приведенное письмо было опубликовано в монографии А. В. Каульбарса [7, с. 451—452].

Некоторые сведения о городищах приаральской дельты Амударьи дают участники различных геологических и географических экспедиций, изучавшие низовья Амударьи. В. Лохтин, исследовавший вопрос о древних соединениях Амударьи с Каспийским морем, в своей работе использовал письменные источники [15, с. 45—46]. Геолог А. Гедройц пишет: «Развалины городов, лежащие как к западу, так и к востоку от Хивинского ханства, расположены поблизости арыков, отходящих или от Дарьялыка или непосредственно от Амударьи» [16, с. 90—95]. В его отчете указываются, в частности, развалины Мазлумхан-сулу вблизи Ходжейли, Куня-Ургенч, Токкала.

О древностях приаральской дельты Амударьи упоминает А. Д. Архангельский, проводивший геологические изыскания в низовьях Амударьи еще в дореволюционное время. На карте, приложенной к его работе, отмечены многие археологические памятники Каракалпакии, в том числе Мазлумхан-сулу, Гяуркала и Токкала [21, с. 91, 93].

В 1908 г. Среднюю Азию посетил приват-доцент Петербургского университета А. Н. Самойлович. Во время поездки по Хивинскому ханству он сфотографировал мавзолей Мазлумхан-сулу, развалины Гяуркалы близ Ходжейли [53, с. 27].

В первые годы Советской власти археологические памятники приаральской дельты Амударьи изучались отдельными экспедициями. В 1929 г. ленинградский этнограф А. Л. Милков на территории приаральской дельты Амударьи открыл городище Куюк-

кала и оссуарный могильник на возвышенности Кушканатау. Он собрал фрагменты керамики, алебастровых оссуариев и монеты и передал в Русский музей [17, с. 564]. В 1928—1929 гг. по заданию Государственной Академии истории материальной культуры впервые обследовал холмы у города Ходжейли, где находились развалины городища Гяуркала, мавзолея Мазлумхан-сулу и другие древности, А. Ю. Якубовский [17, с. 553]. Он установил предварительную периодизацию памятника и дал его первое научное описание. Проведенное им исследование подтвердило правильность предположения академика В. В. Бартольда об идентификации развалин Гяуркалы со средневековым Миздахканом [19, с. 164—168].

В. В. Бартольд [20, с. 204], а вслед за ним А. Ю. Якубовский [17, с. 557] обращали внимание на то, что сведения о Миздахкане имеются у хивинского историка XVII в. Абулгази и в хивинских хрониках XIX в. Муниса-Агехи [1; 2]. А. Ю. Якубовский доказал, что в обоих случаях речь идет не о действующей крепости, а о развалинах [17, с. 581].

В 1930 г. в Каракалпакии был открыт Комплексный научно-исследовательский институт, а в 1933 г. — Историко-краеведческий музей. В их создании большую помощь оказали ученые Москвы и Ленинграда [22, с. 85—87]. В 1932—1934 гг. сотрудники научно-исследовательского института и музея собрали сведения о землях древнего орошения, об обилии и хорошей сохранности находящихся на них развалин. Они отметили многочисленные находки древних монет в окрестностях совхоза Гульдурсун [23, с. 29].

Огромное значение для изучения археологических памятников Каракалпакии имело создание в 1937 г. Хорезмской археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры под руководством С. П. Толстова [23, с. 29]. Результаты исследований Хорезмской экспедиции способствовали решению крупных проблем древней и средневековой истории народов Средней Азии [18, с. 6—7].

Интенсивным изучением археологических памятников приаральской дельты Амударьи отмечены послевоенные годы. В 1945 г. были обследованы археологические памятники к востоку от Тахтакупыра. Здесь была открыта значительная группа памятников XIX в. и городище Курганча. На памятнике был собран подъемный керамический материал, заложен шурф и снят схематический план. На основе полученных данных С. П. Толстов предварительно датировал городище IV—V вв. н. э. [24, с. 83—85]. Участник этого отряда Я. Г. Гулямов отнес возникновение Курганчи к II—IV вв., вторичное обживание — к VI в., а прекращение жизни в крепости — к VII в. [25, с. 112—113].

В 1946 г. отряд Хорезмской экспедиции обследовал археологические памятники в западной части приаральской дельты Амударьи. На Топраккале Кунградской и Гяуркале Ходжейлийской

был собран подъемный керамический материал, сняты схематические планы [26, с. 630].

С 1947 г. выявлением и первоначальным описанием археологических памятников дельты занимался Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской экспедиции, возглавляемый Т. А. Жданко. Его участники обследовали городище Хайванкала, собрали подъемный керамический материал и сняли схематический план памятника. На основе анализа подъемного керамического материала С. П. Толстов предварительно датировал городище Хайванкала VII—X вв. и высказал предположение о возможной тождественности его с известным по средневековым источникам городом Кердером [27, с. 182—190; 26, с. 637]. Я. Г. Гулямов локализовал средневековый Курдер (Кердер) на месте г. Чимбая [25, с. 150].

В 1961 г. городище Хайванкала изучал В. Н. Ягодин. Ссылаясь на дорожные средневековых географов ал-Макдиси, ал-Истахри и археологические материалы, полученные при раскопках, он вслед за С. П. Толстовым отождествляет городище Хайванкала с г. Кердером средневековых авторов [28, с. 57—75].

О. Г. Большаков, занимающийся проблемами средневековых городов, высказывает сомнение в отождествлении некоторых средневековых городов Средней Азии, и в частности, Хорезма из-за отсутствия полной картины их расположения и размеров. По его мнению, локализация городов даже в северной малообжитой части Хорезма сомнительна [29, с. 174]. Он считает небесспорным отождествление С. П. Толстовым древнего Кердера с городищем Хайванкала [30, карта-вкладка]. О. Г. Большаков не соглашается и с предположением Я. Г. Гулямова, помещавшего Кердер на месте г. Чимбая. При этом исследователь указывает на неточности карты Я. Г. Гулямова, где Кердер помещен в 40 км северо-восточнее Чимбая [25, с. 130—133]. Однако О. Г. Большакову, видимо, остались неизвестны исследования В. Н. Ягодина, где на основе полевых данных и расположения археологических памятников приаральской дельты, сопоставлениях их с указаниями письменных источников глубоко проанализирован вопрос о локализации города, владения и канала Кердер [28, с. 72—73].

Керамический материал, собранный в 1947 г. этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции, нашел свое отражение в научных работах Н. Н. Вактурской и Е. Е. Неразик [31, с. 274; 32, с. 252—255]. Е. Е. Неразик выявила существенные отличия керамики Хайванкалы от других городищ Хорезма того же периода и установила ее близость к керамике степных северных соседей Хорезма [32, с. 255].

В 1950 г. этот же этнографический отряд обследовал городище Токкала. Собранный здесь подъемный материал позволил предварительно датировать памятник эпохой античности [33, с. 34].

Археологические материалы, собранные Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в послевоенные годы, были использованы в труде Я. Г. Гулямова, который изучал историю орошения и историческую топографию древнего Хорезма [25].

В 1956 г. Хорезмская экспедиция обследовала городище Куюккала в Чимбайском районе, провела раскопки этого памятника и находящегося поблизости оссуарного могильника [34, с. 32—34; 35, с. 241].

Раскопки позволили выявить три строительных периода. Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт возникновение городища вокруг цитадели относят к VI в., а верхний строительный период датируют VII в. Оссуарный могильник на возвышенности Кушканатау исследователи относят к VII—VIII вв. [36, с. 128—142]. На основе анализа собранного материала С. П. Толстовым было высказано предположение, что Куюккала — один из городов раннесредневекового владения Курдер [37, с. 116].

Систематическое археологическое изучение приаральской дельты началось с 1958 г., когда в это дело включился сектор истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института, затем продолжил его преемник сектор археологии и этнографии, а с 1969 г. — сектор археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР.

В 1958 г. осуществлен правобережный автомаршрут, продолжавший исследование памятников приаральской дельты, начатое Хорезмской экспедицией. Археологическому изучению и топографической съемке были подвергнуты такие памятники, как Токкала, Крантау, Порлытау, Дарыкала, Кусхана и ряд памятников XVIII—XIX вв., кроме того, вторично обследованы Хайванкала, Куюккала, Курганча и другие [38, с. 248—273]. Были выявлены античные слои на городище Токкала и материал соответствующего времени на возвышенностях Крантау и Порлытау [38, с. 255—265].

К памятникам степных племен VI—VIII вв., по мнению А. В. Гудковой и В. Н. Ягодина, относятся Куюккала, Хайванкала, Курганча и, по-видимому, вторично обжитый Крантау. Жизнь продолжается здесь и в IX—XI вв. [38, с. 248—273].

Городище Крантау В. Н. Ягодин идентифицирует со средневековым г. Вардараг, известным из письменных источников [28, с. 72].

В 1959 г. начаты стационарные раскопки на Токкале. Полученные материалы позволили выделить три этапа обживания. Керамика первого этапа отнесена ко II—I вв. до н. э., второй этап датирован концом III в. — началом IV в. н. э., последний — с VI в. до н. э. XIV в. [39, с. 43—59].

В 1960 г. исследовательские работы в дельте активизируются. На Токкале был обнаружен большой могильник; осуществлено два поисковых маршрута: один — на правобережье к востоку от Тахтакулыра по системе сухих русел Камышлы—Кандымузак.

На этом участке найден керамический материал эпохи бронзы. На сухом русле Камышлы, в 12—13 км к югу от Курганчи, обнаружено несколько стоянок с остатками кердерской керамики. В. Н. Ягодин датировал эти стоянки последней четвертью VII — первой половиной VIII в. [47, с. 8—12]. Собранный здесь нумизматический материал относится к концу VII — середине VIII вв. [48, с. 124].

Археологические исследования в низовьях Амударьи расширились в 1961—1962 гг. На Токкале продолжались работы на античной крепости, поселениях VII—VIII вв. и IX—XI вв., а также на могильнике VII—XI вв. Раскопки дали значительный материал, позволяющий решить многие важные проблемы древней и средневековой истории Хорезма и Средней Азии.

Существенным вкладом в археологическое изучение раннего средневековья Приаралья явилось открытие большого числа росписей и надписей на оссуариях рубежа VII—VIII вв. [41, с. 54—57; 42, с. 86—100; 54, с. 50—59; 55, р. 231—251]. На Куюккале вскрыт слой первого строительного периода, отнесенного к VII—VIII вв., и одновременно изучался оссуарный могильник, открытый А. Л. Милковым [38, с. 265—267].

В 1962 г. на городище Гяуркала В. Н. Ягодиным заложен стратиграфический разрез, вскрывший слои IV в. до н. э. — XIV в. [45, с. 189—196]. Предварительные исследования древнего некрополя на западном холме позволили датировать отдельные этапы его функционирования с небольшими перерывами от IV в. н. э. до VIII—XIII вв. [57, с. 94—107].

В 1963 г. повторно были обследованы Багдаткала и Курганча. На первом памятнике был снят схематический план, на втором — заложен шурф. Анализ керамического материала позволил В. Н. Ягодину датировать Курганчу VII—VIII вв., а Багдаткалу XI—XIII вв. и высказать предположение о наличии здесь слоев VI—VIII вв. [58, с. 8—9]. В результате раскопок в восточной части приаральской дельты Амударьи выделена новая раннесредневековая культура Хорезма, названная кердерской [58; 59; 62].

В 1964 г. продолжалось изучение некрополя Токкалы. Получена новая большая серия алебастровых оссуариев [43, с. 214—224; 56, с. 3—19].

С 1964 по 1966 г. проводились широкие исследования некрополя древнего Миздахкана [44]. Благодаря аэрофотосъемке всего археологического комплекса выявлены неизвестные ранее особенности его топографии [44, с. 6—8].

С 1965 г. начинаются стационарные раскопки одного из памятников кердерской культуры — городища Курганча, продолженные в 1966—1967 гг. За три сезона исследована топография памятника, установлена последовательность возникновения отдельных его частей, произведена аэрофотосъемка [47, с. 8—14]. В 1968 г. были продолжены раскопки на городище Токкала (на северо-восточном и северо-западном склонах холма) [49, с. 43—

62]. В 1969—1973 гг. продолжались исследования Курганчи. Собранный материал описан в различных работах В. Н. Ягодина [50, с. 55—58; 59, с. 298—301; 60, с. 410; 61, с. 51—52].

Исследования приаральской дельты Амударьи позволили определить основные хронологические этапы освоения человеком данного региона и исторической динамики приаральской дельты. Изучение здесь археологических памятников позволило осветить некоторые новые аспекты проблемы взаимоотношений земледельческого Хорезма с окружающими его степными племенами; выделить новую кердерскую археологическую культуру. Составление археологической карты дельты дает возможность разрабатывать вопросы, связанные с исторической топографией [62, с. 61—63].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абул-Гази Бахадурхан. Родословное дерево тюрков.— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете, т. XXI, вып. 5—6. Казань, 1906.
2. Мунис-Агехи. Фирдаус-уль-Икбал.— Материалы по истории туркмен и Туркмении (далее МИТТ), т. II. М.—Л., 1938.
3. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с ее окрестностями.— ЗРГО, кн. V. СПб., 1851.
4. История Каракалпакской АССР, В 2-х т., т. 1, Ташкент, 1974.
5. Лерх П. И. Вопросы, предлагаемые Императорским РГО при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним стран в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях.— ИРГО, IX, СПб., 1873.
6. Кун А. Л. От Хивы до Кунграда. Культура оазиса низовьев Амударьи.— Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. Ташкент, 1876.
7. Каульбарс А. В. Низовья Амударьи. Описания по собственным исследованиям в 1873 году.— ЗРГО по общей географии, т. IX. СПб., 1881.
8. Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. III. Ташкент, 1962.
9. Соболев Л. Н. Заметки об Амударье.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II. СПб., 1873.
10. Каразин Н. Н. В низовьях Аму.— «Вестник Европы», СПб., 1875, № 2.
11. Каразин Н. Н. В низовьях Аму.— «Вестник Европы», СПб., 1875, № 3.
12. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
13. Lerch P. Khiva oder Khärezm, seine historische und geographische Verhältnisse. SPB, 1873.
14. Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г.— ИРГО, т. X, СПб., 1874.
15. Лохтин В. Река Аму и ее древнее соединение с Каспийским морем. СПб., 1879.
16. Гедройц А. Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Амударьи.— ИРГО, т. XVIII, вып. 2, СПб., 1882.
17. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан.— Записки коллегии востоковедов, т. V. Л., 1930.
18. Сб. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
19. Бартольд В. В. История орошения Туркестана. Соч. в 9-ти т. Т. III. М., 1965.
20. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. 1. М., 1963.
21. Архангельский А. Д. Геологические исследования в низовьях Амударьи. М., 1931.

22. Камалов С. К. О документах Каракалпакской комиссии Академии наук СССР.— ВКФ, 1975, № 4.
23. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
24. Толстов С. П. Хорезмская археологическая экспедиция АН СССР 1945 г.— «Известия АН СССР», серия истории и философии. М., 1946, № 1, т. III.
25. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
26. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР.— ТХАЭЭ, т. I, М., 1952.
27. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. V, М., 1948.
28. Ягодин В. Н. К вопросу о локализации Кердера.— ВКФ, 1963, № 2.
29. Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
30. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
31. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма.— ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.
32. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода.— ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.
33. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, т. II, М., 1958.
34. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.— МХЭ, вып. I, М., 1959.
35. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
36. Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюккала в 1956 г.— МХЭ, вып. I, М., 1959.
37. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1955—1956 гг.— СА, 1958, № 1.
38. Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг.— МХЭ, вып. 6, М., 1962.
39. Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 году.— ОНУ, 1961, № 5.
40. Ягодин В. Н. Маршрутные исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
41. Гудкова А. В. Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг. (сообщение второе).— ВКФ, 1962, № 4.
42. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
43. Гудкова А. В. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм).— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
44. Ягодин В. Н. и Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
45. Ягодин В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
46. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
47. Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии).— В сб.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1972.
48. Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера.— В сб.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1972.
49. Бижанов Е. и Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г.— В сб.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1972.
50. Ягодин В. Н. Археологическое изучение городища Курганча.— В сб.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.

51. Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958.
52. Соболев Л. Н. Из письма Л. Н. Соболева к вице-председателю РГО, с. Чимбай, 1874 г. 30 мая.—ИРГО, т. X, СПб., 1874.
53. Самойлович А. Н. Отчет о поездке в Ташкент, Бухару и Хиву в 1908 г.—Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в исторических, археологических и этнографических отношениях, СПб., 1909, № 9.
54. Толстов С. П., Лившиц В. А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала.—СЭ, 1964, № 2.
55. Tolstov S. P., Livshitz V. A. Decipherment and interpretation of the Khwarezmian inscriptions from Tok-Kala.—Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. t. XII, fasc. 1—2, 1964.
56. Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры».—ВКФ, 1967, № 1 (27).
57. Ягодин В. Н. Новые материалы по истории религии Хорезма.—СЭ, 1963, № 4.
58. Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореф. канд. дисс. М., 1963.
59. Ягодин В. Н. Изучение раннесредневековой культуры Кердера.—Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
60. Ягодин В. Н. Раскопки городища Курганча.—АО—1969. М., 1970.
61. Ягодин В. Н. Устюрт и Приаральская дельта.—ОНУ, 1976, № 11.
62. Ягодин В. Н. Итоги и перспективы археологического изучения Приаральской дельты.—ВКФ, 1965, № 1.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА УСТЮРТА

Установление хронологии неолитических памятников Средней Азии и, в частности Устюрта [1; 2, с. 64—65; 3, с. 195—196; 4],— один из наиболее сложных и малоразработанных вопросов археологии. Решение его затрудняется рядом объективных причин, в связи с которыми датирование и установление хронологической последовательности явлений зачастую не выходят за пределы предположений [5, с. 70]. Значительную трудность также составляло до недавнего времени отсутствие достаточного материала, подъемный характер находок, их разрозненность [6, с. 87]. В то же время благодаря наличию территориально близких памятников с четко выраженным культурным слоем и радиоуглеродными датами можно анализировать с разных точек зрения и материалы с Устюрта.

За последние десять лет открыто несколько десятков стоянок, давших достаточный материал для того, чтобы провести некоторые обобщения в области хронологии неолита Устюрта. Появилась возможность постановки ряда вопросов, например, время начала неолита Устюрта, периодизация неолита по этапам.

Цель настоящего сообщения — постановка вопроса о хронологии, основанной на первом обобщении материалов с Устюрта.

В настоящее время нами выделены несколько районов неолита Устюрта [7, с. 74]. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Песчаный массив Картпайкум. Здесь обнаружено около 20 стоянок с кремневыми изделиями (Косбулак 1—7; Акчукур; Актайлак 1—3; Актобе 1—2; Косхатын, Таниберген) [8, с. 210—211; 9]. Стоянки расположены по периферийным частям массива и вдоль края песков на останцевых буграх, так называемых чокалаках. Стоянки не имеют культурного слоя. Керамика не сохранилась. Сырьевой материал для всех стоянок единый: «устюртского» типа дымчато-серый кремнь или окремненная порода. Материал со стоянок Картпайкум охватывает довольно значительный промежуток времени и условно разделен на хронологические группы.

К первой, наиболее ранней группе можно отнести стоянку Актайлак 1, скопление 1. Для нее характерны трапеции, долотовидные орудия и большое количество скребков, особенно на отщепах. Аналогичный материал зафиксирован в ранних слоях пещеры Джебел [10, с. 195]. Учитывая эти и другие признаки, основную массу находок со стоянки Актайлак 1, скопление 1 можно предвительно датировать VII или VI тысячелетием до н. э.

Ко второй группе можно отнести стоянки Акчукур, Актобе 1, Актайлак 1, скопление 5. Наличие в материалах этих стоянок крупных симметричных трапеций (с выемками по верхнему основанию) и других орудий указывает, что они относятся к раннему неолиту и датируются VI—V тысячелетиями до н. э.

К более позднему времени, видимо, относятся остальные стоянки, имеющие широкий хронологический диапазон IV—III тысячелетия до н. э.

Булакская котловина. Здесь обнаружено шесть отдельных стоянок с кремневым инвентарем: одна (Булак 1) на дне котловины и пять на ее склоне (Булак 2—6). Материал из этих стоянок относится к позднему неолиту, т. е. к концу IV—III тысячелетия до н. э. [1, с. 65].

Чурукский песчаный массив. Здесь зафиксировано около 20 стоянок и отдельные находки (Чурук 2—9) [11; 12, с. 473—474]. В 20 км к северу от Чурукского массива вокруг котловины Каракудук расположены четыре стоянки (Каракудук 1—4) [13], не отличающиеся по цвету сырьевого материала и технике изготовления кремневых изделий от стоянок Чурукского массива. Местонахождения здесь локализуются по краям массива и на отдельных буграх внутри его. Сырьевой материал аналогичен материалам вышеописанных стоянок. На некоторых стоянках встречаются кремни коричневатого-серого цвета и серый кварцит.

Материалы со стоянок Чурукского массива условно разделены на две хронологические группы. К ранней (в рамках неолита) группе можно отнести стоянки Чурук 2, скопления 1, 2, 3; Чурук 3, скопление 2; Чурук 7. Для них характерны асимметричные трапеции, аналогичные находкам со стоянки Актайлак 1, скопление 1. Эти и другие изделия из пластин позволяют датировать раннюю группу стоянок концом VII—VI тысячелетия до н. э. В более позднюю группу входят остальные местонахождения Чурукского массива, дата которых определяется IV—III тысячелетиями до н. э.

Аланский песчаный массив. Обнаруженная здесь большая серия неолитических памятников (Сумбетимер 1—7; Кыйсык-Шинграу 1—2; Алан 1—3; Жнес 1) [14, с. 493—494] расположена по берегам руслообразных понижений, открывающихся в глубокие карстовые провалы («аны»).

По характеру и расцветке сырьевой материал с Аланского массива отличается от кремня из других районов. Около половины орудий изготовлено из красновато-серого непрозрачного

кремня. В этом плане материал близок к узбойскому и балханскому, где широко использовался кремнь разного цвета. Стоянки с Аланского массива также разделены на две хронологические группы.

К ранней группе, видимо, следует отнести стоянки Сумбети-мер 1; Кыйсык-Шинграу 2, скопление 1. Здесь найдены крупные симметричные трапеции с выемками по верхнему основанию («рогатые» трапеции), аналогичные находкам из Юго-Западных Кызылкумов, датированным ранним неолитом [15; 16], что позволяет отнести их к тому же времени. Остальные стоянки Аланского массива близки к перечисленным мелким стоянкам с Устюрта. Хронологический диапазон более поздних групп можно определить IV—III тысячелетиями до н. э. и даже началом II тысячелетия до н. э.

Урочище Барлыбай. Стоянки и отдельные находки (Исатай 1—3, Келинберди и др.) обнаружены на небольших буграх на краю урочища Барлыбай. Сырьем для орудий здесь служил дымчато-серый и красновато-серый кремнь. В целом кремневая индустрия Барлыбая близка к индустрии многочисленных мелких стоянок Устюрта; наличие наконечников стрел кельтеминарского типа (Исатай 3) и других типичных неолитических орудий позволяет датировать их V—III тысячелетиями до н. э. [17]. Аналогии следует искать в материалах из четвертого слоя пещеры Джебел и на ранних памятниках кельтеминарской культуры.

Восточный чинк Устюрта. Найдены отдельные кремневые изделия во время археологических работ в местностях Дуана, Актумсук, Курганча, Аджибай, Судочье, Урга, Караумбет, Пулжай, Айбугир, Девкескен. Все они относятся к эпохе неолита [7, с. 70—72].

В результате исследований последних лет установлено, что неолитические памятники Устюрта расположены «гнездами». Они сосредоточены на ограниченной площади, в пределах замкнутых урочищ, солончаков, песчаных массивов, впадин и т. д. Такая концентрация памятников создает благоприятные условия для хронологической систематизации неолитических материалов Устюрта в целом. Новые материалы, значительные по объему и важные в научном отношении, позволили установить в общем виде основные этапы развития неолита Устюрта.

Первый этап — конец мезолита — начало неолита; второй — развитой неолит, третий — поздний неолит. Намеченная хронологическая шкала, охватывающая довольно значительный промежуток времени, имеет сугубо предположительный характер. Вкратце охарактеризуем особенности каждого этапа.

В основу анализа материалов первого этапа были положены некоторые общезвестные и твердо установленные данные об эволюции кремневого инвентаря неолитических памятников пустынных районов Средней Азии.

Одно из наиболее существенных для нас наблюдений касается хронологической последовательности бытования трапеций —

асимметричных и симметричных. Установлено, что симметричным трапециям предшествовали асимметричные. В этом убеждают материалы из пещеры Джебел [10, с. 197], где определена четкая стратиграфическая колонка развития материальной культуры, на основе которой могут быть определены подъемные сбо-

Таблица 1

Периодизация неолитических памятников Устюрта

Этап	Дата	Стойка и пункт		
		внутренние р-ны	Западный чинк	Восточный чинк
Третий — поздний неолит	IV—III — начало II тыс. до н. э.	Сам 1—4 (А. А. Формозов, Е. Б. Бижанов); Гулак 1—6; Косбулак 1—7; Белеули 1—2 (Е. Б. Бижанов, А. В. Виноградов); Актайлак 2—3; Актобе 2; Акчурук; Таниберген, Исатай 1—3; Келинберди; Сумбетимер 2—8; Кыйсык-Шинграу 1; Кыйсык-Шинграу 2, ск. 2; Алан 1—4; Жиек 1; Чурук 1; Чурук 3, ск. 1; Чурук 4—8; Каракудук 1—4 (Е. Б. Бижанов)	Депме 1—7; Кендерли 1—3; Казахлы, Чагала, Утебай 1—3; Карын-Жарык (А. В. Виноградов, В. В. Шолохов); Акбулак, Мертвый Култук, Бесини-рау; Когусем 1—2; Кендерли (Н. Д. Праслов, П. З. Настюков)	Актумсук, Курганча, Аджибай, Урга, Судочье, Караумбет, Пулжай (Е. Б. Бижанов); Могильник Каскажол. Курган 2 погребение 1
Второй — конец раннего неолита-развитой неолит	V—VI — начало IV тыс. до н. э.	Актайлак 1, ск. 4, 5; Косхатын; Чурук 2, ск. 3; Сумбетимер 1; Кыйсык-Шинграу 2, ск. 1; Сулама (Е. Б. Бижанов)	Дахлы (А. В. Виноградов), Сай-Утес (Н. Д. Праслов, П. З. Настюков)	
Первый ранний — неолит-конец мезолита	VII—VI — тыс. до н. э.	Актайлак 1, ск. 1; Актобе 2; Чурук 2, ск. 1—2; Чурук 3, ск. 2; Чурук 7; Сулама (Е. Б. Бижанов)		Сулама (Е. Б. Бижанов)

ры с Устюрта. Хронологическую последовательность бытования двух видов трапещий подтверждают материалы с плато. Они как бы определяют характер ранне-неолитических и неолитических памятников Устюрта. В этой связи отметим возможность взаимодействия на Устюрте двух или более мезолитических культурных

традиций. Одна из них проявляется в материалах стоянок Актайлак 1, Сумбетимер 1, Кыйсык-Шинграу 2, скопление 1, где обнаружены трапеции с симметричными выемками по верхнему основанию, так называемые «рогатые» трапеции. Другая культурная традиция прослеживается в материалах со стоянок, где найдены асимметричные трапеции иной ранненеолитической традиции, близкой культуре Прикаспия и Южного Приаралья. Некоторые из стоянок раннего этапа отчетливо демонстрируют обе технические традиции (Актайлак 1, скопление 1; Актобе 2; Чурук 2, скопление 1—2; Чурук 3, скопление 2; Сулама).

При подобном сопоставлении типологическое место геометрических орудий с Устюрта представляется вполне определенным. Учитывая все это и основываясь на анализе кремневого инвентаря, к первому этапу можно отнести стоянки с асимметричными трапециями (Актайлак 1, скопление 1; Актобе 2; Чурук 2, скопление 1—2; Чурук 3, скопление 2; Чурук 7; Сулама). Других изделий (таких, как пластины с притупленным краем, со скошенным концом), свойственных стоянкам первого и второго этапов, здесь больше, чем в материалах второго этапа. Встречаются резцы и долотовидные орудия, остряки.

Для данного этапа характерно большое количество скребков — концевых и особенно на отщепах. Последних в два раза больше, чем на втором этапе. Аналогичная тенденция наблюдается в ранних слоях пещеры Джебел, где преобладают скребки на отщепах [10, с. 194—195]. Находки наконечников стрел кельтеминарского типа единичны и не характерны для указанной хронологической группы, как впрочем и для Устюрта в целом. Однако кельтеминарские наконечники стрел и симметричные трапеции в неолите Средней Азии в ряде случаев не только соприкасаются, но и некоторое время сосуществуют [19, с. 143]. Наличие их на отдельных стоянках, очевидно, следует рассматривать как отражение связей населения Устюрта с Хорезмом и как позднюю примесь.

Редко встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел. Хронологически эта группа синхронна памятникам Дефе-Чеганак (северный холм), Чагыл [18, с. 83], Va, слою пещеры Джебел [10, с. 198] Восточного Прикаспия. Из северных аналогий отметим памятники Южного Урала и Зауралья [20, с. 25], а также Казахстана [21, с. 274—275]. Все эти памятники определяются обычно как ранний неолит или поздний мезолит и датируются VII, VI тысячелетием до н. э. К памятникам данного этапа относятся также находки со стоянок Сумбетимер 1; Кыйсык-Шинграу 2, скопление 1. Не исключено, что эти стоянки составляют отдельную группу. Здесь техника расщепления камня и изготовления орудий грубее и примитивнее, чем на остальных стоянках Устюрта. Много отщепов, небрежно сколотых массивных сечений, пластин неправильных очертаний и т. д. Эти материалы отличаются также расцветкой кремня от остальных стоянок Устюрта.

По сырьевым материалам и по технике обработки они близки к памятникам комплекса Балхан Восточного Прикаспия. Последний, как известно, аналогичен ранним слоям пещеры Джебел и относится к переходному времени от мезолита к неолиту [23]. Итак, на основании сравнительных данных этот этап можно отнести к концу мезолита и раннему неолиту, с которым генетически связаны более поздние этапы.

Второй этап — конец раннего неолита — развитой неолит. Материалы этой хронологической группы найдены во многих обследованных районах Устюрта. В кремневый инвентарь этого этапа, в отличие от более поздних неолитических комплексов входят симметричные трапеции (в том числе и «рогатые»), свойственные ранненеолитическим комплексам Средней Азии [23, с. 46; 24, с. 88; 25, с. 50]. Для данной группы характерны пластины с притупленными концами и спинкой, со скошенным концом, с выемками. Но их значительно меньше, чем на первом этапе. Сокращается также количество концевых скребков на отщепях.

Здесь также встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел. Хронологическое положение второй группы стоянок Устюрта среди неолитических памятников Средней Азии и Казахстана определяется достаточно уверенно — это время памятников типа Агиспе, Саксаульская I, Шулькун I — в Западном Казахстане, джейтунской культуры — в Туркмении, памятников дарьсайского типа в Кызылкумах и, наконец, время V—Va слоев Джебела. Все эти памятники демонстрируют финальный этап бытования геометрических микролитов (симметричные трапеции небольших размеров). На третьем этапе такие специфические виды орудий исчезают. Видимо, к данной эпохе можно отнести и материалы второго этапа неолита Устюрта. Абсолютную датировку рассматриваемой хронологической группы по аналогичным материалам можно установить в пределах VI—V тысячелетий до н. э. Сопоставление материалов стоянок позднего мезолита и раннего неолита показывает, что последние вырастают на базе поздне-мезолитического времени. Заметной грани между этапами не прослеживается, кроме отсутствия или появления некоторых специфических орудий. На втором этапе кремневый инвентарь продолжает позднемезолитические традиции, сохраняя пластинчатый микролитический облик.

Третий этап (поздний неолит). К нему отнесена часть материалов стоянки Актайлак I, скопление 2, 3, материалы которых перемешаны. Хронологический диапазон этой группы определяется очень широко: IV—III тысячелетия до н. э. [1, с. 70]. Кремневый инвентарь стоянок данного этапа в значительной мере продолжает традиции предшествующего времени, сохраняя пластинчатый микролитический облик. Пластины с притупленным краем, со скошенным концом, с выемками и резцовыми сколами встречаются реже, чем во втором этапе.

На третьем этапе полностью отсутствуют орудия геометрических форм, уменьшается количество концевых скребков и увеличивается число скребков на отщепах. Двусторонне обработанные наконечники стрел отличаются разнообразием форм и отделкой (особенно формой основания). Этот этап условно расчленен на три хронологические группы: к ранней группе можно отнести комплексы, в которых большинство орудий сделано из ножевидных пластин. Лишь на некоторых стоянках изредка попадаются двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с округлым или слабо выемчатым основанием и скребки на отщепах (Косбулак 5—7; Утебай; Чагала; Демме 7; Акбулак; Чурук 5; скопление 1, 2; Чурук 6; Чурук 8—9; Сумбетимер 2—8; Алан 3; Жиес 1; Исатай 2).

К более позднему времени относятся комплексы, где концевые скребки встречаются в сочетании со скребками на отщепах, с некоторым преобладанием последних. На ряде пунктов найдены единичные (за исключением стоянки Актайлак 1, скопление 2, где их насчитывается около 180 экз.), двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с выемкой в основании (Демме 1, 6; Мертвый Култук; Актайлак 1, скопление 2; Келинберди; Исатай 3). К наиболее позднему времени, вероятно, относятся такие стоянки, как Белеули 1—2, Кендерли, Казахлы, Булак 1, Карынжарык, Каракудук 1—4, Сумбетимер 1—5, Кыйсык-Шинграу 1, Алан 1—2, Сам 1, 2, 4.

Такова предварительная общая схема абсолютной и относительной хронологии неолитических материалов Устьурта. Дальнейшие исследования, возможно, позволят уточнить и дополнить вопросы хронологии неолита Устьурта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бижанов Е. Б., Виноградов А. В. Неолитические памятники Каракалпакского Устьурта.— ВКФ АН УзССР, 1965, № 2—3.
2. Виноградов А. В. Неолит Устьурта.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
3. Мелентьев А. Н. Разведка памятников древностей в Западном Казахстане.— В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
4. Праслов Н. Д., Настюков Н. З. Новые памятники каменного века на Западном чинке Устьурта.— УСА, вып. 1. Л., 1972.
5. Первые попытки хронологического расчленения неолитических памятников Устьурта были предприняты А. В. Виноградовым [2, с. 70]. В настоящее время необходимы дальнейшая разработка и новые разновременные материалы.
6. Нельзя не вспомнить в этой связи соображения А. А. Формозова о том, что, во-первых, подъемный материал с дюн можно использовать как определенную канву для создания археологии исследуемого района. И, во-вторых, сборы на дюнах дают важный материал о распространении различных типов орудий или керамики. (Формозов А. А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях.— КСИИМК, 1959, вып. 75.)
7. Полную технико-типологическую характеристику кремневого инвентаря рассматриваемых комплексов см. в кн.: Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устьурта. Ташкент, 1978.

8. Бижанов Е. Б. Неолитические памятники песков Картпайкум на Устюрте.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
9. Бижанов Е. Б. Новые материалы по неолиту Центрального Устюрта (песчаный массив Картпайкум).— ВКФ АН УзССР, 1977, № 2.
10. Окладников А. П. Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956.
11. Бижанов Е. Б. Неолитическая стоянка Чурук на Устюрте.— СЭ, 1965, № 2.
12. Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Разведка на Устюрте.— АО — 1972. М., 1973.
13. Бижанов Е. Б. Неолитические находки с Центрального Устюрта.— ВКФ АН УзССР, 1977, № 3.
14. Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б. Археологические работы на Устюрте.— АО — 1973. М., 1974.
15. Виноградов А. В. О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа (по материалам работ 1970 г.).— УСА, вып. 1. Л., 1972.
16. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов.— СА, 1977, № 4.
17. Бижанов Е. Б. Неолитические памятники с Юго-Западного Устюрта (урочище Барлыбай).— ВКФ АН УзССР, 1978, № 3.
18. Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
19. Коробкова Г. Ф., Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия (по материалам памятников Карабугаза).— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
20. Матюшин Г. Н. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья.— В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
21. Логвин В. Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области.— СА, № 4, 1977.
22. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, М., 1964, № 158.
23. Чалая Л. А. Стоянка Бешбулак 15 (Внутренние Кызылкумы).— УСА, вып. 2. Л., 1972.
24. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. В. Новые первобытные памятники в северо-восточном Приаралье.— В сб.: Проблема археологии Урала и Сибири. М., 1973.
25. Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.— КСИИМК, вып. XXV. М., 1949.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ЧУРУКСКОГО МАССИВА

(Северо-Восточный Устюрт)

Во время разведывательных работ на плато Устюрт в 1977 г. обнаружен ряд новых археологических памятников каменного века. Кремневые находки с этой территории были известны и ранее [1; 2; 3]. В отличие от них новые материалы, как показывают результаты их типологического анализа, относятся не только к неолиту, но и к мезолиту и, возможно, к концу палеолита. Введение новых данных в научный оборот представляет большой интерес. Полученные материалы дают возможность проследить эволюцию кремневого инвентаря населения Устюрта с эпохи позднего палеолита до неолита. Возможно, удастся выяснить истоки неолита Устюрта. И, наконец, новые материалы, заполняющие хронологические лакуны в памятниках каменного века Устюрта, представляют ценность для изучения культурных связей и даже перемещений населения в эпоху мезолита и неолита с юга на север, через территорию плато до Уральского хребта.

Охарактеризуем кратко каждый пункт.

Стоянка Чурук 10 расположена в 1 км к югу от колодца Чурук, на склоне котловины. Находки собраны на площади примерно 300×500 м. Локальные скопления отсутствуют. Сырьевой материал — светло-серый «устюртский» кремнь. Характерно, что в период позднего палеолита, мезолита и неолита для изготовления каменных орудий на Чурукском массиве использовался один и тот же материал.

Собранная на стоянке коллекция насчитывает 257 кремневых находок, в том числе, экз.: отщепы и обломки — 122, ножевидные пластины без ретуши — 52, нуклеусы — 9, изделия с дополнительной обработкой — 74. Среди неретушированных пластин встречаются образцы со следами сработанности; некоторые из них могли служить вкладышами ножей. Нуклеусы конической формы с негативами кругового снятия пластин (рис. 1, 11, 12). Есть и односторонние нуклеусы со следами снятия с них микропластин. Изделия с ретушью представлены в основном ножевидными пластинами с краевой ретушью (всего 38 экз., в том числе с ретушью со спинки — 21, с брюшка — 11, с противоположащей ретушью — 6).

В коллекцию входят пластина со скошенным концом (острие сломано), отретушированным со спинки, и с ретушью по боковым сторонам, с брюшка (рис. 1, 3), четыре пластины с прямосрезанным ретушью (обычно притупленным) концом. Ретушью обработаны также и боковые края пластин с брюшка, реже со спинки (рис. 1, 4). Изделий с резцовыми сколами два: крупная пластина с резцовыми сколами и по боковым краям (рис. 1, 5), а также микропластина с угловым резцовым сколом.

Орудия геометрических форм представлены асимметричными трапециями, у которых ретушью обработаны боковые края со спинки, а верхний край — с брюшка (3 экз., рис. 1, 1, 2). Значительную группу составляют концевые скребки (18 экз.). Скребок на отщепах обнаружено 7, концевые изготовлены из сечений крупных и средних пластин с дугообразным, обычно скошенным рабочим краем (рис. 1, 6, 7, 10). У некоторых ретушью обработаны и боковые края, обычно со спинки, реже с брюшка (рис. 1, 8). Скребки на отщепах (рис. 1, 9) округлой и подчетыреугольной формы, сделаны на небольших тонких заготовках, реже на пластинчатых отщепах, у которых отретушированы рабочие концы со спинки. В коллекции имеется обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы с выемкой в основании.

Стоянка Чурук 11 расположена в 0,8 км к юго-юго-востоку от колодца Чурук, на склоне котловины. Общая площадь распространения находок — 30×50 м. Эта стоянка намного богаче описанной выше, как по количеству найденных предметов, так и по составу кремневого инвентаря. Основная масса находок (995 экз.) — отщепы и обломки. Нуклеусов и сколов с них найдено 48. Это изделия призматической, конической, клиновидной и карандашевидной форм (рис. 2, 1—5) со следами снятия с них пластин. Кроме того, есть различных форм и размеров сколы с нуклеуса (рис. 2, 6).

Крупными сериями представлены сечения ножевидных пластин без ретуши (430 экз.), а также пластины с краевой ретушью (380 экз.), в числе которых 240 с ретушью со спинки, 12 — с брюшка и 48 с противоположащей ретушью. Формы и размеры ножевидных пластин, способ их обработки, а также сам факт наличия столь значительной серии изделий позволяет предполагать широкое применение вкладышевой техники и наличие составных вкладышевых орудий.

В коллекции насчитывается 27 сечений пластин с одним, реже с двумя резцовыми сколами углового и серединного типа (рис. 1, 31—32). У некоторых из них по боковому краю — ретушь со спинки, реже с брюшка. Выделяется крупная пластина с двумя резцовыми сколами по одному боковому краю, у которой оба конца обработаны ретушью со спинки, а боковые стороны — с брюшка (рис. 1, 32). По существу эта низкая вытянутая трапеция, использованная, видимо, позднее как угловой резец. Пластин с притупленным краем в коллекции 15 (рис. 1, 22,

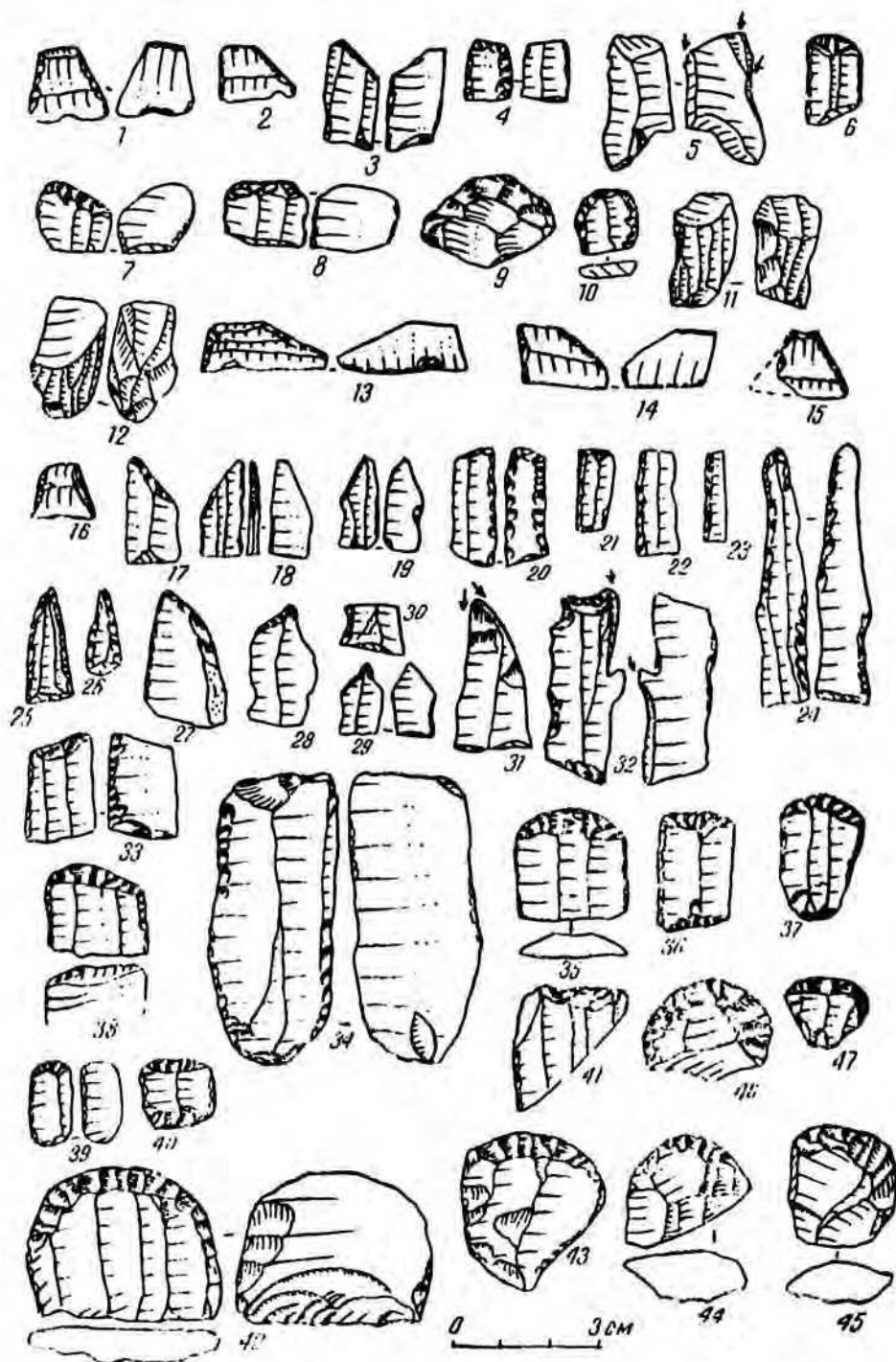

Рис. 1. Кремневые изделия со стоянок: Чурук 10 (1—12); Чурук 11 (13—47).

23). Среди них — орудия, оформленные ретушью и по торцам (рис. 1, 21). Пластин с притупленным ретушью концом — 5 (рис. 1, 20, 30). У них обработаны также боковые края, обычно с бьюшка, реже противоположной ретушью. Пластин со скошенным концом (у них, как правило, оформлены ретушью и продольные края) — 10 (рис. 1, 17—19). Среди них встречаются микропластины, обработанные аналогичным образом. Пластин с выемками (скобелей) — 2 (рис. 1, 30), прокол или сверл — 23. Последние изготовлены из неодинаковых по размерам пластин и различаются некоторыми деталями формы. Серию из 12 экз. можно отнести к типу плечиковых сверл (рис. 1, 28—29); имеются изделия стержневидные и треугольные (5 экз., рис. 1, 25, 26). К ряду сверл и проколов относятся развертки (6 экз.) из крупных пластин, обработанные крутой притупляющей ретушью по продольному краю (рис. 1, 24).

Орудия геометрических форм представлены трапециями: асимметричной, низкой, удлиненной (1 экз.), асимметричной, высокой (2 экз.) и мелкими, симметричными, низкими, иногда с ретушированными выемками по верхнему основанию (5 экз.) (рис. 1, 13—16).

Самую большую группу образуют скребки (128 экз., в том числе концевых — 66, на отщепах — 59, на пластинчатых отщепах — 3). Концевые скребки изготовлены из сечений пластин различной ширины и имеют дугообразный, иногда скошенный рабочий край. У некоторых орудий ретушью обработаны и боковые края, что вообще характерно для Устьурта (рис. 1, 35—43).

Среди скребков концевого типа встречаются двойные, у которых лезвие расположено на обоих концах пластин (рис. 1, 36, 37, 40). К этой группе орудий относится и концевой скребок, не выработанной формы, с ретушью по боковым краям, сделанный из широкой пластины (рис. 1, 34). Особо следует отметить концевой скребок из обломка маленького нуклеуса, так называемый нуклевидный скребок.

Скребок на пластинчатых отщепах — 3, все с дугообразным рабочим лезвием. Они разнообразны по форме и по расположению рабочего края. Чаще всего встречаются изделия полукруглой формы и подтреугольных очертаний. Они изготовлены в основном из крупных отщепов (рис. 1, 41—47). В эту группу входят и скребки с дугообразным лезвием, сделанные из обломков нуклеусов (рис. 1, 42—44).

В коллекции имеются четыре обломка двусторонне обработанных наконечников стрел, формы которых трудно определить.

Из украшений отметим пронизку из раковины *Dentalium*. На стоянке найдены фрагменты стенок лепных сосудов со вдавленным и прочерченным орнаментом. Из-за их фрагментарности время трудно определить.

Сравнительный типологический анализ состава кремневого инвентаря стоянок Чурук 10 и 11 позволяет отнести их к одной эпо-

хе. Если они и не одновременны, то сколько-нибудь значительного хронологического разрыва между ними не могло быть.

Датировка стоянок определялась по элементам изделий геометрических форм — трапеций. На обеих стоянках они представлены как симметричными, равносторонними, так и асимметричными вариантами.

Материалами исследования многослойных памятников в Прикаспии, а позднее раскопками сохранивших культурный слой стоянок равнин Средней Азии и Казахстана установлено, что период бытования симметричных трапеций следует за периодом, характеризующимся трапециями асимметричных очертаний. Особенно четко такая хронологическая последовательность прослеживается по стратиграфической колонке пещеры Джебел [4, с. 107].

Небольшие симметричные трапеции свойственны в Средней Азии в основном раннему неолиту [4, с. 107; 5, с. 64; 6], а в отдельных районах, возможно, бытуют и позже, в развитом неолите [7]. Симметричные, особенно асимметричные, трапеции по формам и характеру обработки разделяются на несколько вариантов, которые имеют и хронологическое значение. Так, на стоянках Чурук 10 и 11 зафиксировано три варианта асимметричных трапеций: 1) с короткой стороной, образующей острый угол с нижним основанием (рис. 1, 13); 2) с короткой стороной, образующей с нижним основанием угол, близкий к прямому (рис. 1, 2); 3) с короткой стороной, образующей с нижним основанием тупой угол (рис. 1, 14). Симметричные трапеции представлены обычным вариантом и изделиями с выемкой в верхнем основании (так называемые «рогатые» трапеции).

Асимметричные трапеции устьуртских стоянок имеют довольно широкие территориальные аналогии в ряде памятников Средней Азии и Казахстана. Известны соответствующие находки в Джебеле [4, с. 197], на стоянках Дефе Чаганак (южный холм) [8, с. 57], Евгеньевка в Кустанайской области [9] и на ряде памятников янгельской культуры в Южном Приуралье [10, с. 44—50]. Эти памятники, за исключением янгельских, относятся к раннему неолиту или, в крайнем случае, рубежу мезолита и неолита. В абсолютных датах это, видимо, будет VII—VI тыс. до н. э.

Среди симметричных форм трапеций встречаются и «рогатые». Исследованные ранее на Устьурте стоянки с трапециями с выемкой на верхнем основании имеют многочисленные аналогии в неолите Средней Азии и Казахстане и их хронологическая позиция установлена достаточно уверенно [3]. Ранне-неолитическим или неолитическим возрастом определяются подобные находки на стоянках Пеньки 1 [7, с. 66—67], Шулькум 1 [11, с. 88], изделия из V—Va слоев Джебела [4, с. 197]. Некоторые находки такого рода из Казахстана относят к мезолиту [12, с. 95]. Однако в свете радиоуглеродных дат, полученных недавно для стоянки Учаши 131 [13, с. 269], это вряд ли верно. Видимо, хронологически

данный вариант в целом соответствует памятникам с серийными находками симметричных трапеций — Джейтуну, Агиспе, Саксaulьской 1 и др. [14, с. 63—64; 15, с. 50], хотя не исключена и известная асинхронность отдельных комплексов. Так, в частности,

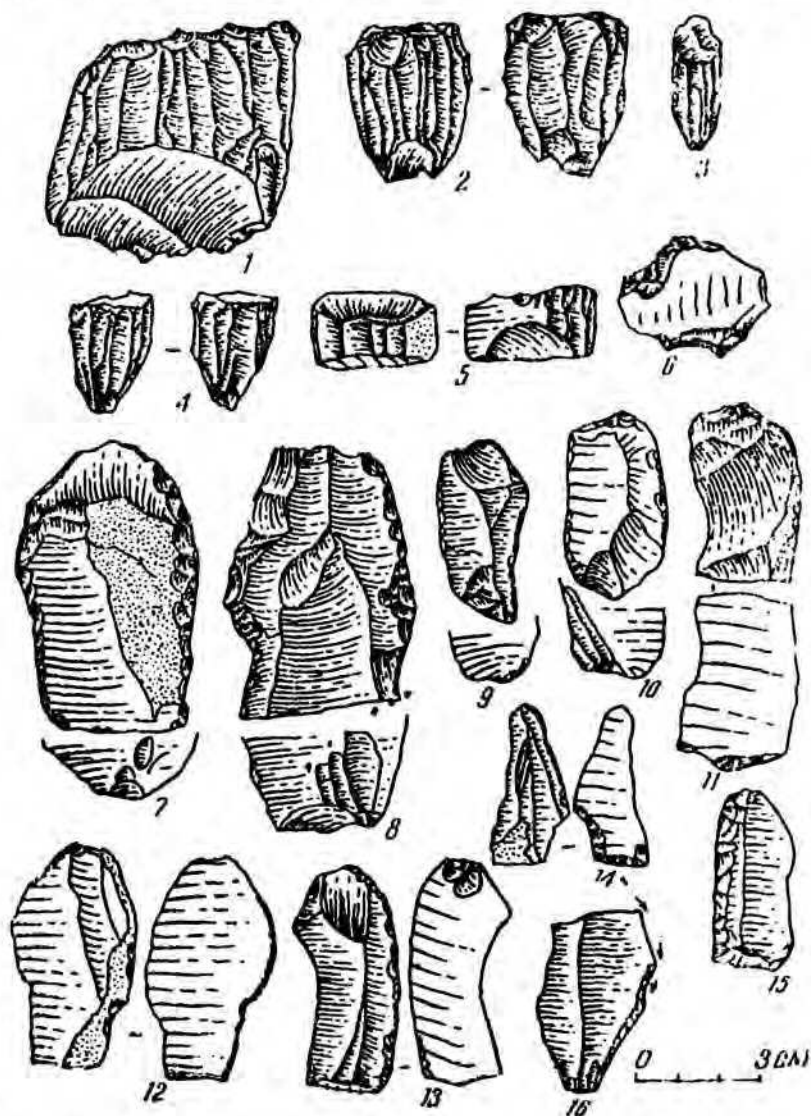

Рис. 2. Кремневые изделия со стоянок: Чурук 11 (1—6); Чурук 12 (7—16).

«рогатые» трапеции ряда устьюртских стоянок (Актайлак 1) более массивны, чем кызылкумские изделия и к тому же встречаются вместе с асимметричными образцами. Поэтому мы склонны считать их более ранними, чем аналогичные кызылкумские.

Иной кремневый инвентарь обнаружен на третьей из вновь открытых в Чурукском массиве стоянок — Чурук 12. Она находится в 1,2—1,3 км к югу от колодца Чурук в верхней части склона котловины. Находки концентрировались на ограниченном участке, площадью примерно 3×4 м. Стоянка выделяется наличием в кремневом инвентаре архаических черт, проявляющихся как в типах орудий, так и в технике их обработки.

Собранная на стоянке коллекция насчитывает 44 предмета, в их числе отщепы, пластины без ретуши, нуклеусы и заготовки для различных орудий. Среди заготовок отметим отщепы (3 экз.), у которых со спинки в различных направлениях сделаны сколы. Имеются также отщепы с ретушью по краям с брюшка, со спинки и со следами сработанности (2 экз.).

Нуклеусы представлены обломками (6 экз., рис. 3, 11—13), форму которых восстановить трудно, однако наличие правильных ножевидных пластин свидетельствует о том, что обитатели стоянки использовали призматические и конические нуклеусы.

В коллекцию входят крупные, удлиненные с четко выделенными параллельными гранями на спинке ножевидные пластины без ретуши (3 экз.) и пластины с тонкой мелкой ретушью (рис. 3, 8, 10). Другие орудия представляют остроконечники и острия — 2 экз., развертка — 1 экз., скребла — 4 экз., резцы — 3 экз., скребки различных типов — 12 экз. Остроконечники или острия — подтреугольной формы. Один из них с обработанным ретушью с брюшка основанием имеет также ступенчатую ретушь со спинки по одному боковому краю. С брюшка видны линейные следы сработанности (рис. 3, 1). Другой — на небольшом тонком отщепе, с мелкой ретушью по продольным краям со спинки (рис. 3, 9).

Развертка из массивной треугольной в сечении ребристой пластины, ее продольные края обработаны нерегулярной противлежащей ретушью (1 экз., рис. 3, 9).

Скребла — 4 экз., два изготовлены из крупных пластинчатых отщепов с нерегулярной, местами ступенчатой ретушью по боковым сторонам, служившим, вероятно, рабочими краями (рис. 3, 7, 8). Два других — на небольших отщепах с ретушированными боковыми краями. Один образец — подтреугольной формы с ретушированными выемками с брюшка (рис. 3, 14).

Резцы сделаны на обломках крупных отщепов и пластин: среднего типа — 2 экз., угловой — 1 экз. (рис. 3, 16).

Значительную группу инвентаря стоянки Чурук 12 составляют скребки; их несколько типов. Скребки на крупных правильно ограниченных треугольной и трапециевидной в сечении формы ножевидных пластинах с дугообразным рабочим лезвием и с ретушированными со спинки боковыми краями (рис. 3, 2, 3). Скребки на удлиненных крупных пластинчатых отщепах с ретушированными боковыми краями (рис. 3, 4—6), у некоторых боковые края с притупляющей и ступенчатой ретушью. К ним можно отнести

скребки бокового типа невыработанной формы на крупных треугольных в сечении пластинах с одним притупленным боковым краем (рис. 3, 15), скребки на крупных массивных отщепах удлиненных пропорций с овальным рабочим концом и ретушированными со спинки боковыми краями (рис. 3, 7). Характерно, что рабочим краем их служил не только верхний конец, но и боковые края.

По технико-типологическим признакам материал стоянки Чурук 12 существенно отличается от многочисленных материалов различных периодов неолита на Северо-Западном Устюрте. Среди кремневого инвентаря стоянки выделяются крупные, массивные формы скребков на пластинах и пластинчатых отщепах, а также правильные ножевидные пластины. Этот набор орудий (особенно правильные ножевидные пластины), по мнению некоторых исследователей, характерен для эпохи верхнего палеолита [16, с. 84]. Поэтому стоянку Чурук 12 можно отнести к позднепалеолитическому времени. Такую датировку подтверждает и отсутствие изделий геометрических очертаний, распространенных на следующих этапах каменного века в мезолите и неолите.

Находки на стоянке Чурук 12 могут быть синхронизированы с материалами девятого слоя пещеры Дамдам-Чашме 2 [12, с. 178], который соответствует нижним горизонтам грота Зарзи и слоя С Шанидара [18, с. 148]. Г. Е. Марков девятый слой отнес к раннему мезолиту и позднему этапу верхнего палеолита, датируя его XIII тыс. до н. э. [17, с. 122].

Таким образом, материалы трех новых стоянок Чурукского массива охватывают значительный хронологический отрезок каменного века — от конца верхнего палеолита до раннего неолита. Новые материалы дают возможность решить некоторые вопросы, связанные с эволюцией материальной культуры населения каменного века Устюрта, с путями заселения этой территории и сопредельных регионов.

Новые материалы, как уже отмечалось, включают Северо-Восточный Устюрт в зону распространения своеобразного варианта геометризированных изделий — «рогатых» трапеций. Вопрос распространения их на столь широкой территории Кызылкумов, Устюрта и Северного Казахстана требует своего объяснения.

В конце плейстоцена и начале голоцена, как считают многие исследователи, происходят миграции племен, живших в Южном Прикаспии, характерной чертой материальной культуры которых являлась пластинчатая микролитическая техника и, в частности, трапеции [19, с. 31; 20, с. 66]. Сопоставление передвижения указанных племен с путями распространения трапеций и пластинчатой индустрии показало, что они удивительно совпадают. Для эпохи мезолита один из таких путей — из Южного Прикаспия до Урала — намечен Г. Н. Матюшиным [21, с. 229]. Эта волна переселенцев, как справедливо считает исследователь, стала одним из основных компонентов мезолитической культуры Урала [21,

с. 241] и, видимо, Северного Казахстана и Устьюрта, о чем свидетельствуют геометрические микролиты близких форм — трапеции южноприкаспийского типа.

Возможно, в эпоху позднего мезолита и раннего неолита южноприкаспийские племена расселялись через территорию Устьюр-

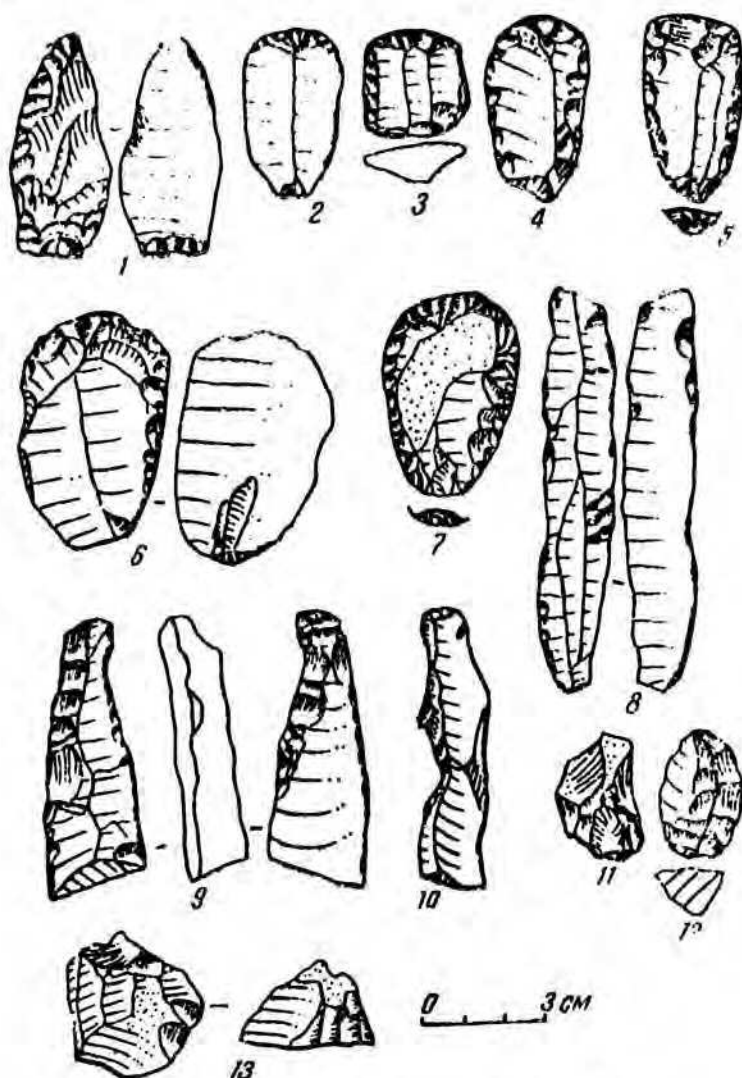

Рис. 3. Кремневые изделия со стоянки Чурук 12.

та и, далее — на восток по Амударье в Кызылкумы, Северный Казахстан.

Правда, пока неизвестно, где первоначально появились «рогатые» трапеции — на Устьюрте или в Южном Прикаспии. Возможно, в основе данного типа лежат трапеции с ретушью по верх-

нему основанию, известные среди находок пещер Дамдам-Чешме 2 и Джебел. В этом случае истоки неолита Устюрта, Кызылкумов и Северного Казахстана надо искать именно в прикаспийском мезолите. Причем, вряд ли это единственный источник сложения неолита Устюрта. В последние годы здесь, как мы видели, найдены памятники, относящиеся к позднему палеолиту или мезолиту. Население, оставившее такие памятники, видимо, непосредственно участвовало в формировании устюртской неолитической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бижанов Е. Неолитическая стоянка Чурук на Устюрте.—СЭ, 1965, № 2.
2. Ягодина В. Н., Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Разведка на Устюрте.—АО—1972, М., 1973.
3. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
4. Окладников А. П. Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.—Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956.
5. Массон В. М. Поселение Джейтун.—МИА, Л., 1971, № 180.
6. Виноградов А. В. О распространении ранненеолитических комплексов дарьсайского типа (по материалам работ 1970 г.).—УСА, Л., 1971, вып. 1.
7. Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки I и 2.—В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане, Алма-Ата, 1972.
8. Коробкова Г. Ф., Крижевская М. Д., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия (по материалам памятников Карабугаза).—В сб.: История, археология и этнография Средней Азии, М., 1968.
9. Логвин В. Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области.—СА, 1977, № 4.
10. Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.—СА, 1969, № 4.
11. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в северо-восточном Приаралье.—В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири, М., 1973.
12. Алпысбаев Х. А. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана.—В сб.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
13. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов.—СА, 1977, № 4.
14. Массон В. М. Поселение Джейтун.—МИА, 1971, № 180.
15. Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.—КСИИМК, М.—Л., 1949, вып. XXV.
16. Паничкина М. З. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армени.—КСИИМК, М., 1951, вып. 84.
17. Марков Г. Е. Грот Дамдам-Чашме 2 в Южном Прикаспии.—СА, 1966, № 2.
18. Braïdwood R. F., Howe B. Prehistoric Investigations in Iragi Kurdistan. Ghicago, 1960.
19. Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении.—ИАН ТуркмССР, 1953, № 2.
20. Марков Г. Е. Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите.—ИМКУ, 1975, вып. 12.
21. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала, М., 1976.

ГОРОДИЩА АЯЗКАЛА 1 И БУРЛЫКАЛА

(К изучению фортификации древнего Хорезма)

После организации в 1937 г. Хорезмской экспедиции во главе с С. П. Толстовым началось развернутое археологическое изучение древнего Хорезма. Одним из первых памятников, обследованных ею, явилось городище Аязкала 1. А. И. Тереножкин обследовал крепостные стены и внутренний двор крепости, снял схематический план и собрал подъемный материал. Памятник датирован первыми веками н. э. [1, с. 173—174, 190]. Однако в другой статье на основании тех же материалов археологических разведок А. И. Тереножкин относит городище к первым векам до н. э. [2, с. 54].

В 1939 г. архитектор В. И. Пилявский и художник Н. П. Толстов провели детальные архитектурные обмеры и перспективные зарисовки памятника. С. П. Толстов датировал городище II—IV вв. н. э., исходя, в основном, из положения о том, что «полуовальные башни не характерны для античных крепостей Хорезма и сближаются с формами афригидских укреплений» [3, с. 167; 4, с. 102—103, рис. 39—41, табл. 25, 4—5; 9, с. 190].

В 1946 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции на крепости собран подъемный материал [5, с. 629]. Я. Г. Гулямов относил городище Аязкала 1 к первым векам н. э. Он считал, что Аязкала 2 и Аязкала 1 функционально связаны между собой и рассматривал городище Аязкала 2 как поселение гарнизона, составлявшего основное ядро защитников крепости Аязкала 1 [9, с. 102].

Городище Бурлыккала открыто Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1946 г. при авиаразведках. Оно было описано в дневниках и сфотографировано [5, с. 629; 9, с. 45]. В 1947 г. снят план городища, сделаны разрезы на стене, проведены шурфовка и сбор подъемного материала, который продолжался в следующем году. Городище датировано С. П. Толстовым IV в. до н. э.—I в. н. э. [10, с. 101]. Я. Г. Гулямов отнес его «к позднекангюйскому времени» [6, с. 99].

Городище Аязкала 1 расположено на севере Бирунийского района Каракалпакской АССР на плоской вершине холма, сложенного мраморизированными известняками девонского возраста.

Холм поднимается до 100 м и является продолжением Султану-издагских гор. Склоны его с юга, запада и севера — обрывистые. С востока к крепости примыкает возвышенное плато.

Памятник имеет форму прямоугольника размером 182,5×152 м, ориентированного сторонами по странам света (рис. 1, а). Двойные стены поставлены на материке и сохранились в отдельных местах на высоту более 10 м. Толщина внешней стены в основании — 2,4 м, внутренней — 1,7—2,1 м. Наружная стена наклонена к ос-

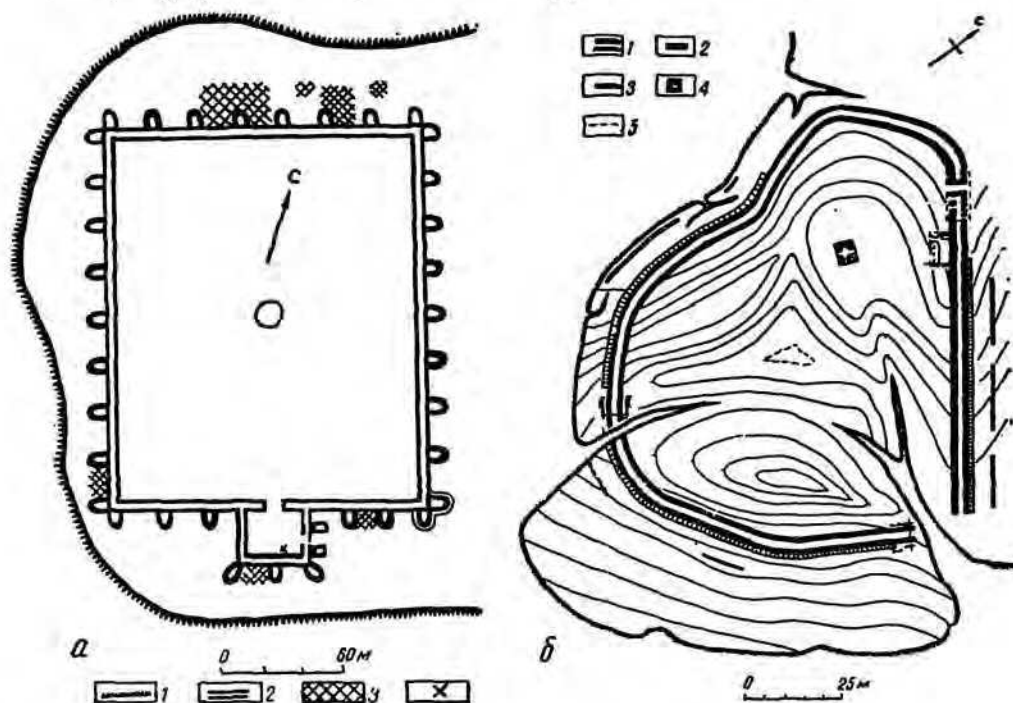

Рис. 1. Планы городищ Аязкала 1 и Бурлыккала:

а—городище Аязкала: 1—обрывы возвышенности; 2—крепостные стены; 3—штабели неиспользованного кирпича; 4—место нахождения наконечника стрелы. б—городище Бурлыккала: 1—крепостные стены; 2—приставная ремонтная стена; 3—барьерная стенка; 4—сигнальная башня; 5—границы раскопанных участков.

нованию на 86°. На Койкрылганкале наклон составляет 85° [7, с. 277, рис. 110, с. 282, рис. 113, б].

Стены построены из сырцовых кирпичей размером 37—41×37—41×10—13 см, положенных на глиняном растворе толщиной 2—8 см с большой примесью самана. В кладке видны кирпичи размером 32×32×10, 34×34×12 и 46×46×11 см. На кирпичах встречаются тамги в виде двух параллельных полос и одной круговой. Между стенами по всему периметру — глухой коридор шириной 2,5 м без стрелковых бойниц и, видимо, без световых люков, перекрытый коробовым сводом (рис. 2, 2). Высота его — 1,87 м. Кирпич свода трапециевидный, размером 30—33 см (высота), 20—22 см (длина верхнего основания), 18—19 см (длина

нижнего основания), 10—11 см (ширина). В глину, из которой он изготавливался, добавлено значительное количество самана. Для прочности свода и сцепления кирпичей друг с другом на одной из постелей имеется 3—4 ряда углублений от пальцев рук, идущих сверху вниз. Для расклинки сводов применялись плоские каменные плитки. Изнутри он, вероятно, обмазывался глиной.

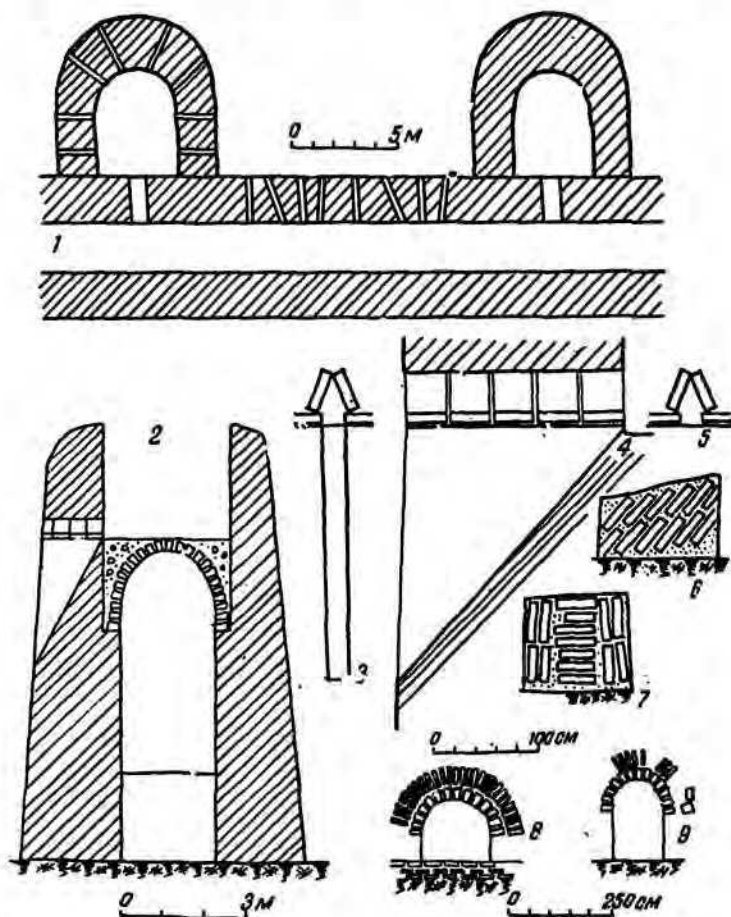

Рис. 2. Городище Аязкала 1. Детали к плану:

1—план расположения бойницы в крепостной стене и башне на северной стене; 2—разрез стены; 3—выходное отверстие бойницы; 4—разрез бойницы; 5—выходное отверстие; 6—7—фасады штабелей кирпича; 8—вход в северной стене укрепления; 9—вход в северной стороне ворот.

В галерее памятника нами не отмечено сочетания техники поперечных отрезков с клинчатой. Мнение В. Л. Ворониной и М. С. Лапирова-Скобло о наличии в галерее сводов в два переката не подтверждается нашими данными [7, с. 286; 8, с. 95].

В междустенном коридоре — забутовка под пол толщиной до 2,5 м из щебня и строительного мусора.

В северной стене, непосредственно за второй башней от северо-восточного угла, расчищен проход шириной 1,55 м и высотой 1,42 м [4, с. 104, рис. 41]. Его пол поднят над материком на три кирпича (рис. 2, 8). Первый ряд арки, перекрывающий проход, выведен из трапециевидных кирпичей, указанных ниже стандартов, второй — из обычного стенового кирпича. По уровню пола можно считать, что проход вел в глухой междустенный коридор.

Въезд находится в южной стене крепости и защищен предвратным прямоугольным сооружением с проходом в восточной стене. В боковых сторонах ворот — проходы, ведущие в глухой междустенный коридор или на стрелковую галерею над ним. Наиболее сохранился проход в северной стене (рис. 2, 9). Его ширина — 1,14 м, высота — 1,8 м. Он перекрыт сводом в два переката из трапециевидного и обычного кирпичей. Проход на всю длину был заложен сырцовым кирпичом. В закладке встречаются кирпичи размером $43 \times 23 \times 10$, $40 \times 40 \times 12$ и $43 \times 43 \times 15$ см. Длина прохода — свыше 5 м. Судя по разнице уровней полов данного прохода и междустенного глухого коридора, можно предполагать наличие лестниц, ведущих наверх. В южной стороне ворот находится аналогичный проход, прослеженный по пяте свода и завалу трапециевидных кирпичей на 3,25 м.

Стены укрепления усилены башнями полуэллиптической формы, отстоящих друг от друга на восточной и западной стенах на 13,8 м, на северной — на 11,5 м. Расстояния между башнями на южной стене различные (от 9 до 15 м) из-за предвратного сооружения. На углах башни расположены развилкой («ласточкин хвост»). Ширина башен — 8,4 м, их вынос — 8,15 м. Внутри башен находятся полуэллиптические помещения шириной 3,75 м и длиной 5,2 м. Юго-восточные угловые башни имеют внизу выступ шириной около 0,9 м и высотой 1,5 м от материковой поверхности. Юго-восточный угол самый низкий и, вероятно, утолщение в основании башен предохраняло их от разрушений. Аналогичное утолщение отмечено на городище V—II вв. до н. э. Чирикрат [16, с. 24, рис. 16—17]. Все башни при строительстве приставлялись к плоскости стены.

Входы в башни шириной 0,6—0,7 м ведут из стрелковой галереи, находящейся над глухим коридором, и хорошо видны только в нескольких местах. Проходы в башни сохранились не выше 1,6 м. Две башни на северной стене превышают уровень пола стрелковой галереи, все остальные возведены только на высоту цоколя, которая соответствует сводчатому коридору первого этажа в стенах. Это хорошо прослеживается на западной стене, где высота башен не превышает 1,5—2,5 м, в то время как стены крепости сохранились до 8—10 м. Никаких следов разрушения и завала около башен и стен нет. Их цоколи заполнены мелким камнем, песком и битым кирпичом.

На углах предвратного сооружения — обычные башни полу-

эллиптической формы, расположенные на продолжении биссектрисы угла.

Въезд в предвратное сооружение укреплен двумя прямоугольными башнями, находящимися на расстоянии 4,4 м друг от друга. Длина башен — 7,5 м, ширина — 6,5 м. Внутрибашенные помещения — прямоугольные, длиной 5,4 м, шириной около 2 м.

Верх стен над глухим сводчатым коридором прорезан стреловидными бойницами, отстоящими друг от друга в среднем на 1,5 м. Их ширина 0,13—0,20 м. Высота выходных отверстий колеблется от 2,9 до 3,5 м. Угол падения ложа бойницы составляет 48° или 54° (рис. 2, 3—5). Низ всех бойниц находится на высоте около 0,1 м от уровня пола стрелковой галереи, что позволяло при стрельбе из лука сократить мертвое пространство перед стеной до минимума. В верхней части они перекрыты обычными кирпичами, поставленными шалашиком. Бойницы обмазаны глиняным раствором с примесью самана. Обмазка зафиксирована, в частности, на городище Кургашинкала¹. На западной стене на всех кирпичах, перекрывающих бойницы, обнаружены знаки в виде четырех — пяти глубоких оттисков пальцев руки. Кирпичи с такими же знаками перекрывают некоторые бойницы на Койкырганкале² и Кургашинкале.

В каждой куртине на северной, западной и восточной стенах, за редким исключением, по семь бойниц. Особый интерес представляет куртина на северной стене между четвертой и пятой башнями, считая от северо-восточного угла, в которой 8 бойниц. Они расположены двумя группами по три бойницы. В каждой из групп по две бойницы косые. Такая группа использовалась одним стрелком. Расстояние между входными отверстиями — менее одного метра (рис. 2, 1).

Косые бойницы встречаются и на других крепостях Хорезма и его периферии, например, на Джанбаскале [4, с. 91, рис. 28] и Бабишмулле I [10, с. 160, рис. 89]. Косые бойницы отмечены на городище кушанского времени Зартепа [45, с. 48]. Здесь они также расположены между башнями. Наличие их в укреплении, где основная роль в обороне отводилась башням, остается неясным.

Судя по пятой башне на северной стене от северо-восточного угла, где находится 8 бойниц, оси четырех из них были параллельны внешней стене. Остальные бойницы защищали пространство перед башней. По всему периметру стен укрепления имеется 226 бойниц. В 37 башнях при условии наличия в каждой восьми бойниц насчитывается 296 бойниц. Этого количества было вполне достаточно для организации активной обороны. К тому же умелое использование рельефа местности при строительстве крепости делало ее почти неприступной. Расстояние от стен до пятидесяти—стометрового крутого обрыва — от 15 до 40 м.

¹ Данные архитектора Хорезмской экспедиции М. С. Лапирова-Скобло.

² Данные М. С. Лапирова-Скобло.

При обследовании городища в 1965, 1968 гг. около третьей — шестой башен на северной стене (считая от северо-восточного угла), у юго-западных башен на западной стене и предвратного сооружения и двух башен на южной стене обнаружены большие штабели заготовленного для строительства кирпича. Как выяснено двумя заложёнными шурфами у края штабелей, кирпичи лежат на материке, на подсыпке из чистого песка и пересыпаны им же. Они сложены вертикально или с небольшим наклоном (рис. 2, 6—7). Полное отсутствие раствора и особенности самого расположения кирпичей не позволяют видеть здесь кладку или завал стены. Недостроенные башни, заготовленный, но неиспользованный кирпич, отсутствие следов застройки внутри городища свидетельствуют о том, что укрепление не было достроено.

На северной стороне въезда в предвратное сооружение на обмазке закладки прохода — надпись из трех знаков в одну строчку и одного знака над ней (рис. 3, 1). Знаки прорезаны острием на глубину 2—3 мм по сырой глине. Знак над надписью В. А. Лившиц склонен считать тамгой — знаком «мастера», начальника строительства³. Аналогичная тамга замечена на одном из сосудов с городища Койкрылганкала [7, табл. 1, 17]. В надписи В. А. Лившиц видит три знака HMR, которые читаются как хорезмийские HAMR, т. е. «мягкий», «податливый», недостаточно твердый, «прочный» (ср. авестийское HAMRA, новоперсидское HARM, согдийское HMR—HAMR).

Надпись относится, видимо, к сводчатому помещению в толще стены ворот, которое построено «недостаточно прочно» и было вследствие этого заложено в момент строительства. «Мастер» был, вероятно, недоволен произведенными работами и сделал пометку после их завершения. Если это так, то надпись относится ко времени возведения укрепления.

Палеографически такое чтение наиболее вероятное, но не единственно возможное. В настоящее время палеографическая шкала для такого малоизученного письма, как хорезмийское, еще во многом неясна, ибо пока мало опорных точек для абсолютных датировок. Поэтому установить окончательную дату надписи по палеографическим данным не представляется возможным.

При расчистке внутрстенного коридора на южной стене предвратного сооружения обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы вытянутых пропорций. Лопасты опущены ниже втулки и немного обломаны (рис. 4, 4). Такие наконечники были характерны в IV—II вв. до н. э. для савроматов и саков Нижней Сырдарьи [17, с. 66, рис. 31, 2; 18, с. 346, табл. 52].

Подъемная керамика с городища немногочисленна и сильно фрагментирована. Она никогда не привлекалась для датировки и не издавалась.

³ Анализ надписей выполнен В. А. Лившицем.

Хумы и хумчи (рис. 4, 1—3) представлены венчиками, стенками и днищами. Округлые в сечении венчики хумов имеют короткую шейку и ярко выраженные 1—2 валика на плечиках. Поверхность отдельных фрагментов ниже выпуклого валика горизонтально каннелирована, что характерно для керамики архаического периода Хорезма [26, с. 175]. Фрагмент днища хумчи по

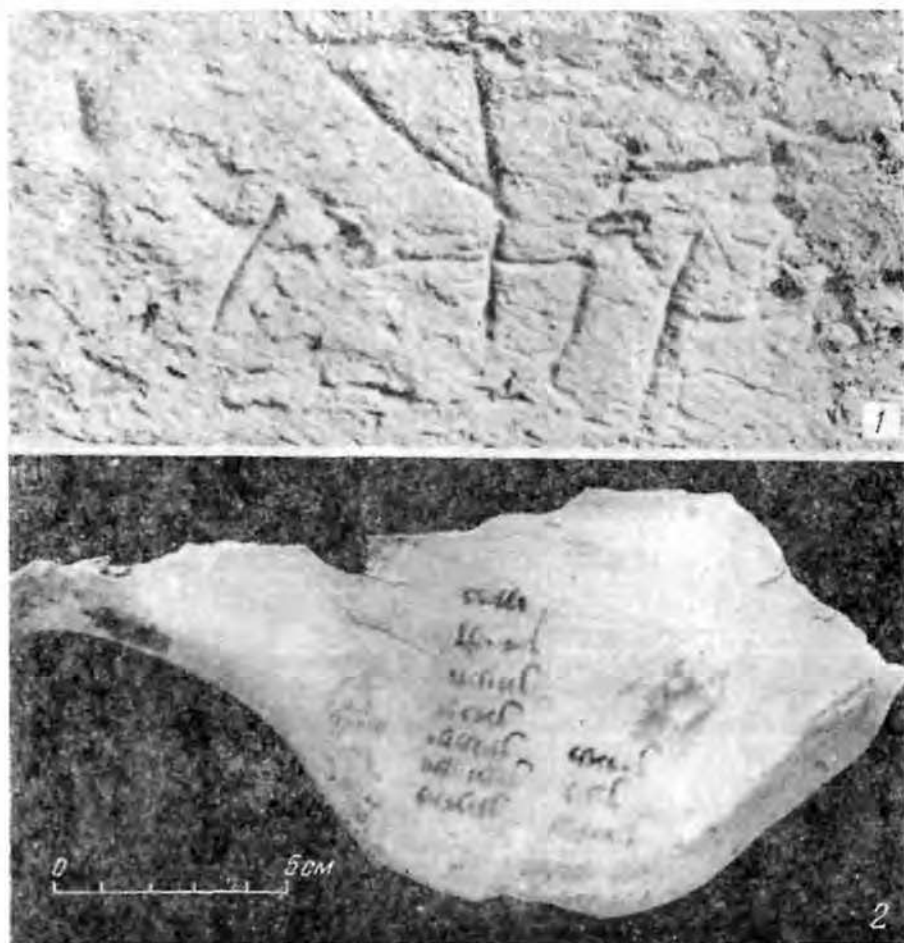

Рис. 3. Надписи с городищ Аязкала 1 и Бурлыккала:
1—Аязкала 1, надпись на северной стороне ворот; 2—Бурлыккала, надпись на кости из помещения 1.

форме наиболее близок керамике с городища Калалыгыр 2 [11, с. 77, рис. 6].

Керамика изготовлена из глины, получившей при обжиге ровный красноватый цвет. В тщательно приготовленном глиняном тесте посторонних примесей не видно. Внешняя поверхность расписывалась яркокрасным ангобом в виде кругов или волют. Осо-

бо следует отметить фрагмент плечика хума, «украшенного» мазками красного ангоба в виде пятен и потеков. Вся описанная выше керамика находит полные аналогии в материалах из нижнего горизонта Койкырганкалы и может быть датирована IV—III вв. до н. э. [7, с. 103—105, табл. 1, 1—5].

Таким образом, бронзовый наконечник стрелы IV—II вв. до н. э., подъемная керамика IV—III вв. до н. э. не подтверждают ранее принятую датировку. Новые данные, полученные при обследовании городища, позволяют отнести его к IV—III вв. до н. э. Особенности фортификации Аязкалы I не противоречат этой дате.

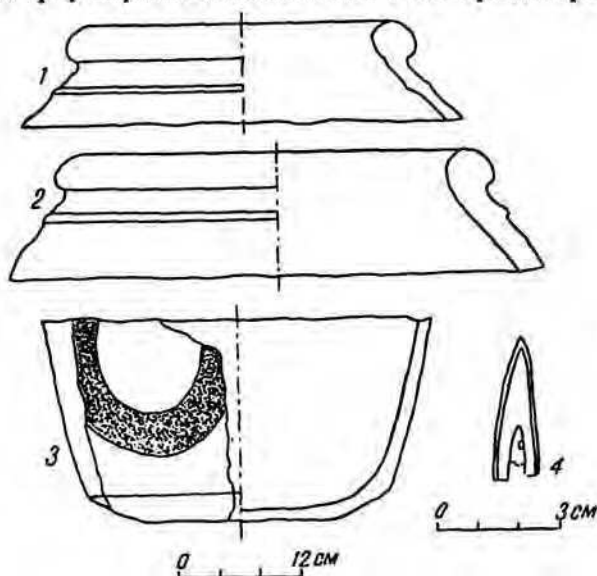

Рис. 4. Городище Аязкала I:

1—3—керамика; 4—бронзовый наконечник стрелы.

Городище Бурлыккала расположено на южном окончании одного из отрогов Султануиздагского хребта, в 6 км западнее археологического комплекса крепостей Аязкала. Оно имеет сложную конфигурацию. Северо-восточная прямая стена отсекает выступ, на котором находится памятник, от остальной части гряды, а юго-восточная стена, поставленная к ней под углом в 96° , поворачивает на запад. В западной части она повторяет форму возвышенности. Максимальная длина городища, вытянутого с северо-востока на юго-запад, — 120 м, ширина — 95 м (рис. 1, б).

Укрепление окружает двойная стена со стрелковым коридором внутри, сложенная из сырцового кирпича размером $39\text{--}44 \times 39\text{--}44 \times 10\text{--}12$ см, ширина внутренней стены городища равна 1,40—1,42 м, внешней — 1,32—1,40 м. Ширина стрелкового коридора — 1,8—1,9 м. По всему периметру наружная стена прорезана стрелковыми бойницами стреловидной формы, следующими через каждые 0,95—1,2 м. Ширина бойниц — 18, 20, 23 см, высота вход-

ных отверстий — 0,48 м, выходных — 1,23 м. Падение дна бойницы составляет 0,76 м (рис. 5, 3—5). Входные отверстия находятся на высоте 0,9—1,25 м от материковой поверхности.

Стрелковый коридор, как удалось выяснить при зачистках, в южной и юго-восточной частях городища был перекрыт коробовым сводом. Пята его — на высоте 3 м от уровня пола. Высота

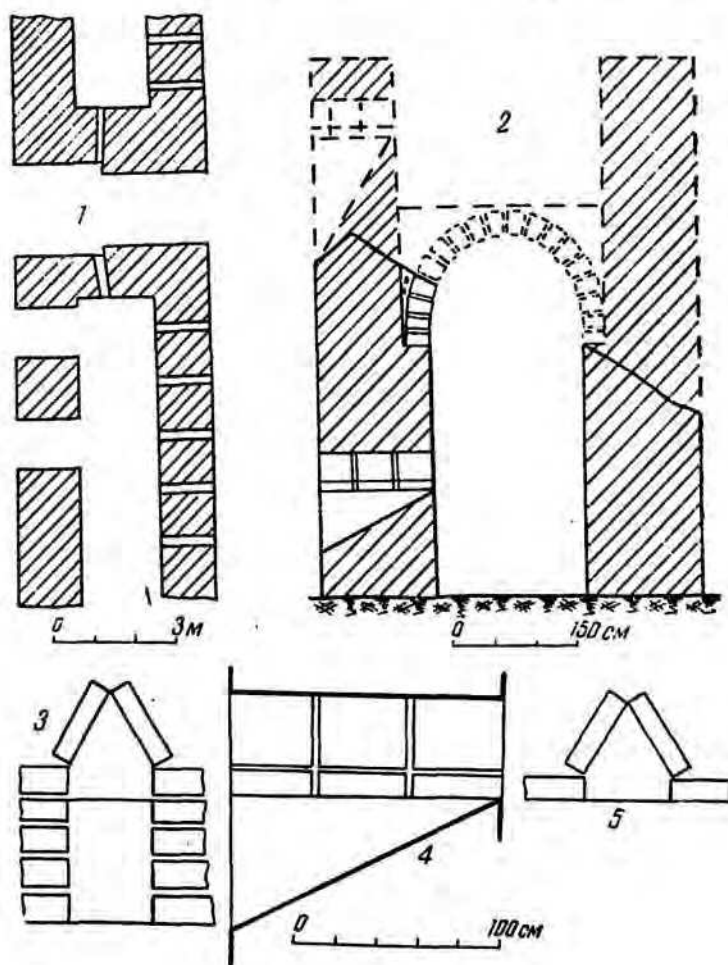

Рис. 5. Городище Бурлыкала. Детали к плану:

1—план крепостных ворот; 2—схематический разрез стены; 3—выходное отверстие бойницы; 4—разрез по оси бойницы; 5—входное отверстие.

свода — 1,25 м, а коридора — 4,25 м (рис. 5, 2). Свод выведен из кирпича трапециевидной формы размером 31—32 см (высота), 10—12 см (ширина), 21—24 см (длина нижнего основания), 25—28 см (длина верхнего основания). В глину добавлено значительное количество самана. Для расклинки периферийных швов свода использовались плоские плитки сланца.

К внешней стене с бойницами приставлена стена шириной около 1,46 м, сохранившаяся в отдельных местах на незначительную высоту.

В 4—5 м от этой стены, вероятно, вокруг всего городища проходила барьерная стенка шириной 0,68 м, сохранившаяся на высоту до 0,19 см. Вдоль западной части городища барьерная стенка шла по самому краю возвышенности, затрудняя взятие крепости штурмом.

В Хорезме более раннее применение барьерных стенок отмечено на городищах Хазарасп [26, рис. 17, 18], Тепраккала около г. Хивы [37, с. 414; 38 с. 53], Койкрылганкала [7, с. 72], Большая Айбугиркала [39, с. 533]. Известны они и в более позднее время.

В северной части городища находятся ворота. Их ширина снаружи — 1,70 м (рис. 5, 1). В 2 м от наружной поверхности внешней стены проход расширяется на 0,50 м. Толщина боковых стен ворот различна. Толщина стен, примыкающих к внешней стене, равна 1,25—1,3 м, к внутренней — 1,04 м. В боковых стенах ворот имеется по одной косой бойнице, расположенных друг против друга. Их оси направлены от центральной оси коридора к внутренней стене. Какое-либо предвратное сооружение отсутствует. Неукрепленный предвратным сооружением или башнями вход не находит себе аналогий в многочисленных памятниках фортификации Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э.

К крепостным воротам примыкают два входа в стрелковый коридор, расположенные во внутренней стене. Ширина входов — 1,22 м. Они разделены отрезком стены длиной 1,40 м.

Внутренняя застройка хорошо сохранилась только вдоль стен. Наиболее смыты центральная и юго-восточная часть городища. Две глубокие промоины уничтожили планировку и культурные слои в южной и юго-восточной частях памятника. В северной части городища возвышается сооружение прямоугольной в плане формы размером 5,2×5,9 м. С. П. Толстов считал, что это культовое сооружение, может быть, «атешгах» (место огня) или цокольная часть башнеобразного сооружения [10, с. 101]. Назначение его в качестве средневековой сторожевой башни определено нашими работами [4, с. 66—67].

Для выяснения стратиграфии и хронологии городища в 11,90 м от ворот у юго-восточной стены заложен раскоп площадью 90 м², здесь вскрыто три помещения.

Помещение 1 размером 7,58—7,62×2,38—2,64 м примыкает к внутренней стене стрелкового коридора. Проход шириной 0,78 м связывает его с помещением 2. Стены сложены из квадратного кирпича и поставлены на материк. Перекрытие, вероятно, было сводчатое.

В культурном слое толщиной 1,0—1,3 м прослежено два пола, относящиеся к различным хронологическим периодам. Выровненная материковая поверхность является первым полом. В южном

углу помещения обнаружена материковая яма глубиной 0,54 м, размером 3,0×2,3 м. Границы ее заходят немного под стены помещения. Она была заложена сырцовым кирпичом размером 40×18×12 см и 39×39×11 см, пересыпанным песком.

Культурный слой над первым полом толщиной 0,32—0,41 м, рыхлый с большим содержанием золы и мелкой кирпичной крошки. Он перекрыт песчано-золистыми наслоениями толщиной 0,30—0,38 м, которые выклиниваются к юго-западной стене.

На высоте 0,68 м от материка находится второй пол без следов обмазок. Культурный слой, содержащий значительное количество золы, органических остатков в виде стеблей, мелких комочков глины, достигает толщины 0,38—0,62 м. К тому же полу относится суфа размером 1,98—2,16×1,03—1,08 м, приставленная к северо-западной стене.

Помещение 2 шириной 3,6 м раскопано в юго-западную сторону на 3,4—4,3 м. Юго-западной стены не обнаружено, видимо, полностью смыта. От помещения 1 оно отделено стеной шириной 1,32 м. Стены помещения прокалены докрасна на значительную толщину. Вдоль северо-восточной стены пристроена суфа шириной 0,78—0,80 м. В культурном слое большое количество золы.

Помещение 3 размером 4,13—4,20×3,50—3,62 м расположено к северо-западу от помещения 2. С юго-запада его ограничивает стена толщиной 1,95 м, смытая почти до основания. В ней имеется проход шириной 1,6 м. В помещении вскрыто два пола, разделенные прослойками глины толщиной 0,17 м. На первом полу в центре помещения обнаружен очаг диаметром 0,7 м, в который поставлена верхняя половина хума, датируемая IV—III до н. э. Культурный слой залегает только на верхнем полу. Здесь же, в северном углу, находится суфа размером 1,7×0,76 м.

К наиболее ранней группе относится керамика, изготовленная из плохо промешанного глиняного теста с крупными белыми кусками отошителя. На внешней поверхности многочисленные горизонтальные каннелюры. Ангоб зеленоватый. Подобная керамика характерна для позднего архаического периода истории Хорезма и может быть датирована концом V в. до н. э. [41, с. 121, рис. 33, 7].

Значительную группу составляет керамика с первых полов раскопа и стрелкового коридора. Хумы и хумчи представлены многочисленными небольшими фрагментами стенок, округлых венчиков с четко выраженной шейкой, с одним или двумя валиками на плечиках. Снаружи сосуды украшены спиралями красного ангоба. Под венчиком или по венчику красным ангобом проведена широкая горизонтальная полоса. При нанесении ангоба появлялись потеки. Внутренняя поверхность сильно забрызгана. Хумчи украшены несколькими рядами спирального орнамента, отделенных друг от друга выпуклыми валиками. Хумча с четырехугольным в сечении венчиком и широкой площадкой по бережку украшена полосами ангоба и нарезными треугольниками.

На шейке нарезные вертикальные полосы. Глиняное тесто, из которого изготовлены сосуды, тщательно перемешано. Видимые примеси отсутствуют. По аналогии с керамикой других памятников Хорезма эта группа датируется IV—III вв. до н. э. [7, с. 103—105; табл. 1, 4—5, 17, 21—22, 24—25].

Извлечены также мелкие фрагменты стенок и венчиков горшков. Они небольших размеров с низкой шейкой, выпуклым валиком на плечиках и слегка отогнутым венчиком, на валиках нанесены вертикальные насечки, а тулово украшено красным ангобом и нарезными незакрашенными треугольниками.

Красноангобированные кувшины представлены единичными фрагментами венчиков и стенок. Один из фрагментов плечиков кувшина украшен на уровне низа ручки тремя выпуклыми валиками [11, с. 101, рис. 13, 2; 7, табл. 11, 31—41]. Среди материалов, относящихся к первому полу, на раскопе I имеются налеты в виде львиных голов на ручках кувшинов [7, с. 107—108, рис. 46]. Таким образом, керамика из нижних слоев городища синхронна посуде из нижнего горизонта Койкрылганкалы и датируется IV—III вв. до н. э.

К последнему этапу жизни памятника относится многочисленная группа керамики с верхних полов раскопов и верхних напластований в различных частях стрелкового коридора. В эту группу входят хумы с прямой горловиной, заканчивающейся скругленным массивным венчиком или в виде слабо выступающего наружу валика. На разных уровнях под венчиком — углубленная полоса. Внешняя поверхность грубо заглажена рукой, вероятно, при нанесении светло-зеленоватого ангоба, что придавало сосуду несколько неряшливый вид. Подобные хумы широко бытовали в Хорезме и датируются II — началом IV в. н. э. [11, с. 147, рис. 32, 24; с. 158, рис. 35, 1, 7—8, 29; 7, с. 119, табл. VIII, 12; 41, с. 36, рис. 9, 1—3].

Горловина хумчи короткая, вертикальная или немного стянутая, диаметром 30—32 см. В глиняном тесте видны примеси отощителей. Тулово округлое. Толщина стенок — 0,8—1,6 см. Поверхность хумчей украшена темнокрасным ангобом в виде кругов или спиралей.

Горшки с вертикальной горловиной и округлым туловом имеют по плечикам пересекающиеся линии, которые образуют ромбы, заключенные между двумя параллельными полосами. Другая разновидность горшков представлена фрагментами венчиков с невысокой сильно оттянутой горловиной. В месте перехода горловины в тулово — небольшой выпуклый валик, выше которого проходит широкая горизонтальная площадочка, вероятно, для полусферической крышки. Аналогичные хумчи и горшки часто встречаются на хорезмийских памятниках начала нашей эры [11, с. 159, рис. 35, 19—20; 7, с. 119, табл. VIII, 18, табл. X, 3—4].

Блюда диаметром 26—36 см с невысоким краем (4—5 см)

покрыты темно-красным ангобом, поверх которого — полосчатое лощение.

Курильницы имеют форму двух усеченных конусов, поставленных друг на друга узкими основаниями. Нижние части обрезались ножом при изготовлении. В дне — отверстие диаметром около 3,5 м. Наружные поверхности покрыты светло-зеленоватым ангобом. Другой экземпляр с большим дном, нижняя часть его более конусовидна. Судя по сохранившейся верхней части, курильница была конической формы. Подобные блюда и курильницы найдены в среднем горизонте Койкрылганкалы и могут датироваться первыми веками нашей эры [7, с. 125, табл. X, 103, 142; с. 122, табл. IX, 40—41].

Таким образом, вся описанная керамика из верхнего горизонта городища Бурлыккала имеет аналогии в материалах позднеантичного периода истории Хорезма и может быть датирована I — началом IV в. н. э.

На последнем этапе крепость полностью утратила оборонительные функции и превратилась в неукрепленное поселение, вышедшее за пределы стен. Культурный слой закрыл бойницы в стрелковом коридоре. В воротах было сделано жилое помещение. Последним этапом жизни на памятнике датируется приставная стена к внешней стене укрепления.

Среди многочисленных находок особо следует отметить прекрасно сохранившуюся надпись из 10 слов, нанесенную черной тушью на челюсти верблюда (рис. 3, 2). Она найдена в помещении I в материковой яме вместе с керамикой, которую можно отнести к IV—III вв. до н. э. По археологическому материалу надпись датируется не позднее этого времени, так как на первом полу найден налп от кувшина в виде львиной головы; такие позже не встречаются⁴. Укрепление возникло, видимо, в IV—III вв. до н. э. и с небольшими перерывами доживает до начала IV в. н. э.

Для выявления места описанных памятников в истории фортификации Хорезма, Средней Азии и сопредельных районов следует провести некоторые сравнения. Отдельные элементы фортификации часто используются для датировок и поэтому такой анализ необходим. Некоторые из отмеченных строительных приемов и элементов фортификации широко применялись в Хорезме и за его пределами: отсутствие перевязки кладки башен с кладкой стен, стреловидная форма бойниц, наклон их ложа и т. д. Эти признаки неоднократно всесторонне изучались [4; 20; 21].

⁴ В. А. Лившиц по палеографическим данным датирует надпись второй половиной II — первой половиной I в. до н. э., что представляется спорным, ибо противоречит всему комплексу археологического материала, находящего аналогии на многочисленных памятниках Хорезма. Вероятно, археологический материал — более надежный критерий при определении даты надписей. Расхождение датировок надписей по археологическим и палеографическим данным уже отмечалось в литературе [46, с. 48].

Отметим, что в Аязкала I и в некоторой степени Бурлыккала построены в архитектурной традиции, характерной для Хорезма, с применением в основном сходных приемов строительства и фортификации. К их числу следует отнести такие элементы, как предвратный лабиринт, полуовальная форма башен и расположение их на углу в виде «ласточкина хвоста», применение коробовых сводов в перекрытиях коридоров нижнего этажа и связь проходов в воротах с боевыми помещениями в стене.

В древнехорезмийской крепостной архитектуре междустенные коридоры, перекрытые сводами,— явление, широко распространенное. В качестве аналогий можно указать на городища. Базаркала (VI—IV вв. до н. э.)⁵ [9, с. 178], Малый Кырккыз (VI в. до н. э.) [9, с. 177—178], Кургашинкала (II—III вв. н. э.) [4, 111]⁶, ранний Якке-Парсан (II в. до н. э.—I в. н. э.) [13, с. 20]. На городище Койкрылганкала, построенном в IV в. до н. э., сводчатые перекрытия применены, в частности, в проходах стрелковой галереи под башнями.

Следовательно, перекрытия такого рода в коридорах, видимо, типичны для хорезмийской архитектуры. В других районах Средней Азии сводчатые перекрытия коридоров в крепостных стенах встречаются редко. Они зафиксированы в Северной Бактрии на городищах Дальверзинтепа (III—II вв. до н. э.) [14, с. 61—62] и Кумтепа, отнесенном ко времени Кобадиян III [15, с. 72—74].

Предвратный лабиринт разной сложности, чаще всего прямоугольной формы присущ многим укреплениям Хорезма. Он известен на Калалыгыре 1 [10, с. 110, рис. 51], на Джанбаскале [4, с. 92, рис. 29], Койкрылганкале [7, с. 302, рис. 127], Аязкале 3 [9, с. 185, рис. 10], на цитадели Базаркалы [4, с. 112, рис. 47], Кургашинкале [4, с. 111, рис. 46], Топраккале [4, с. 120, рис. 62], Топраккале около г. Хивы [37, с. 414; 38, с. 53].

В более южных районах в рассматриваемое время подступы к воротам обычно затрудняются длинным, иногда двухмаршевым пандусом. Нападающие вынуждены были, двигаясь вдоль крепостной стены, подставлять незащищенный правый бок [22, с. 35]. Боковые проходы в воротах, связанные с междустенными коридорами, позволяли, вероятно, лучше организовать защиту ворот. Эта деталь строительства применена на Калалыгыре 1 [23, с. 155—156, рис. 59], Койкрылганкале [7, с. 44], Джанбакале, Ток-

⁵ О датировке городища Базаркала высказаны различные мнения. С. П. Толстов сначала отнес его к VI—IV вв. до н. э., однако потом включил в памятники кушанского времени [4, с. 113]. Он указал, что крепость «в целом (особенно цитадель) датируется более поздним кангюйским или даже кушатским временем» [10, с. 104]. М. Г. Воробьева придерживается ранней датировки городища, т. е. VI—IV вв. до н. э. [11, с. 66]. История жизни этого памятника без раскопок неясна. Не исключено, что он перестраивался. Поэтому аналогии с Базаркалой нельзя считать четкими в хронологическом отношении.

⁶ Трапецевидные кирпичи, использованные в перекрытии коридора, отмечены одним из авторов в 1968 г.

кале [19, с. 12]. Такой прием нужно считать пока характерным только для хорезмийской школы военного зодчества, ибо в других районах он не засвидетельствован.

Важное значение имеет вопрос о времени появления полуовальной формы башен, которая рассматривается отдельными исследователями как датирующий признак. До последнего времени она считалась не характерной для ранней античности Средней Азии. Работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР доказано, что башни подобной формы появляются в эпоху хорезмийской архаики и известны в нижнем горизонте Кюзелигыра [23, с. 144]. В начале IV в. до н. э. они распространяются по всему Хорезму.

Башни полуовальной формы были выявлены в предвратном сооружении Койкрылганкалы [7, с. 302, рис. 127]. Известны они на Базаркале [4, с. 32, рис. 48], Токкале [19, с. 10, рис. 2], Пилькале [24, с. 45—47, рис. 1], Эрескале [4, с. 119, рис. 58], в предвратном сооружении Джанбаскалы [4, с. 90, 92, рис. 29], Калалыгыре 1 [25, с. 141, 145, рис. 2]. На северной периферии Хорезма подобные башни усиливают стены укрепления V—II вв. до н. э. Чирикрат [16, с. 24—25].

В Хорезме наряду с полуовальными сосуществуют прямоугольные башни, наглядный пример тому — городище Аязкала 1. Они применены на Хазараспе, Кангакале [27, с. 27—28, рис. 17].

В первые века н. э. прямоугольные башни преобладают. Они встречаются на Ангкакале [27, с. 30], Кургашинкале [4, с. 111, рис. 46], в античном замке Атсыз [28, с. 10], ранней Беркуткале [29, с. 104], ранней Топраккале [43, с. 401]. Однако продолжают строиться и башни полуовальной формы. В качестве примера можно указать на ранний Якке-Парсан [42, с. 105].

Таким образом, появившись в архаический период истории Хорезма полуовальные башни получают широкое распространение в Хорезме в IV—III вв. до н. э. С первых веков нашей эры начинают преобладать прямоугольные башни.

В других историко-культурных областях Средней Азии также известны полуподвальные башни. Они встречаются в Маргиане на городище Старого Кишмана (VIII—IV вв. до н. э.) [30, с. 154, табл. II—III], в Бактрии (городища Кызылтапа и Бандакан-2) и на Памире. На планах городищ Каахка и Ямчук имеются полуовальные и полукруглые башни. Они датированы от III—II вв. до н. э. — до первых веков н. э. [31, с. 281—285]. А. И. Зелинский, занимавшийся изучением этих крепостей, датирует их не раньше I в. н. э. [32, с. 134]. Б. А. Литвинский, исследовавший северо-бактрийские городища (Кухнакала, Кумтепа), указал на их сходство с памятниками Хорезма периода ранней хорезмийской античности, что свидетельствует об определенных историко-культурных связях [15, с. 73—74].

В Согдиане башня округлой формы обнаружена в древней городской стене Варахши. Она датирована II в. до н. э. — II в. н. э.

[33, с. 123—137]. В Парфии полуовальные башни появляются во II в. до н. э. в укреплении Фрааспы (городище Тахт-и-Сулейман около Тавриза) [21, с. 70]. Таким образом, в Хорезме, Бактрии и Маргиане полуовальные башни отмечаются раньше, чем в Парфии.

Для территории Мидии у нас нет почти никаких сведений. Э. Шмидт опубликовал аэрофото современного Хамадана, на котором видны остатки древних Экбатан [35, с. 74, табл. 91—92, 8—9]. На незастроенном холме здесь находится прямоугольное укрепление, внешне сходное с городищем Аязкала I. В стенах имеется коридор, и они усилены башнями полуовальной формы.

Отсутствие башен на городищах Бурлыкала и Джанбаскала, видимо, не является признаком архаизма оборонительной системы.

Вопрос об истоках архаических и раннеантичных форм хорезмийской фортификации изучен недостаточно. Раскопки в Хорезме и в других историко-культурных областях Средней Азии, видимо, позволят решить его.

Исследованные городища наглядно отражают развитие фортификации в Хорезме. В одних случаях крепости возводились по планам прямоугольной формы, в других — их конфигурация повторяла рельеф местности. Вероятно, планировка укреплений определялась, в частности, требованиями фортификации и являлась результатом всестороннего учета особенностей местности и условий строительства. На примере анализируемых памятников видно, как индивидуально применялись отдельные элементы фортификации на различных укреплениях.

Мнение Я. Г. Гулямова о существовании в Хорезме различных систем укреплений [6, с. 100] подтверждается новыми данными. В IV—III вв. до н. э. фортификация Хорезма характеризовалась многими признаками. Вероятно, древние фортификаторы использовали опыт предшествующих поколений и в каждом отдельном случае, как это видно на примере Аязкалы I и Бурлыкалы, решали стоящие перед ними задачи по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. — СА, вып. VI, М.—Л., 1940.
2. Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. — «Известия УзФАН СССР», 1940, № 6.
3. Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. — ВДИ, 1941, № 1.
4. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
5. Вактурская Н. Н. и Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР. — ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
6. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
7. Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — ТХАЭЭ, т. 1, М., 1967.

8. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма.—ТХАЭЭ, т. I, М., 1952.
9. Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии.—ВДИ, 1939, № 3.
10. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
11. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.—ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.
12. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1972.
13. Неразик Е. Е. Раскопки Якке—Парсана.—МХЭ, вып. 7. М., 1963.
14. Альбаум Л. И. Городище Дальварзин-тепе.—ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
15. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).—КСИИМК. М., 1956, № 64.
16. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г.—МХЭ, вып. IV, М., 1960.
17. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.—МХЭ, вып. 6, М., 1963.
18. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
19. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
20. Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.—СА, 1964, № 2.
21. Кошленко Г. А. Парфянская фортификация.—СА, 1963, № 2.
22. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры эпохи рабовладения и феодализма.—Труды ЮТАКЭ, т. VIII, М., 1958.
23. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—ТХАЭЭ, т. II, М., 1958.
24. Манылов Ю. П. Работы на городище Пиль-кала в 1963 г.—ОНУ, 1965, № 3.
25. Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г.—МХЭ, вып. 6, М., 1963.
26. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.—МХЭ, вып. 6, М., 1963.
27. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.—МХЭ, вып. I, М., 1959.
28. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
29. Неразик Е. Е. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг.—МХЭ, вып. I, М., 1959.
30. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана.—«Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. 5. Ашхабад, 1959.
31. Бернштам Н. А. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.—МИА, М., 1952, № 26.
32. Зелинский А. Н. Древние крепости на Памире.—В сб.: Страны и народы Востока, вып. 3, М., 1964.
33. Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.—ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959.
34. Herzfeld E. Iran in the ancient East. London—New-York, 1941.
35. Schmidt E. Flight over ancient citter of Iran. Chicago—London, 1940.
36. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
37. Лапиров-Скобло М. С. Новый памятник фортификации древнего Хорезма.—АО—1968. М., 1969.
38. Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П. Городище Топрак-кала—крепостное сооружение древнего Хорезма.—ОНУ, 1977, № 3.
39. Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П., Юсупов Н., Юсупов О. Исследования городища Большая Айбугир-кала.—АО—1976. М., 1977.

40. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага.— ВКФ, 1969, № 3.
41. Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
42. Неразник Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ, т. IX, М., 1976.
43. Рапопорт Ю. А. Раскопки на городище Топрак-кала.— АО—1969. М., 1970.
44. Вишневская О. А. Раскопки городища Джигербент в 1974—1976 гг. Тезисы доклада на секции Средней Азии и Казахстана (март 1977 г.).
45. Сабиров К. С. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе.— В сб.: Бактрийские древности. Л., 1976.
46. Мамбетуллаев М. Хум с городища Большая Айбугиркала с древнейшей надписью в Средней Азии.— ВКФ, 1979, № 1.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ХОРЕЗМА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

В центральной части Каракалпакской АССР проходит горный хребет Султануиздаг высотой около 300—400 м над у. м. На северо-западе он подходит к правому берегу Амударьи, где возвышается обособленный массив Шейхджели высотой свыше 250 м. Северо-западнее Шейхджели вдоль Амударьи тянется несколько отдельно стоящих холмов, являющихся северо-западными отрогами Султануиздагского хребта [1, с. 378]. К их числу относятся Чильпык, Каратюбе, Бештюбе и другие. Все они сложены песчаниками с выходами железистых конкреций на вершинах и глинами. На этих возвышенностях и в горах Султануиздага находится ряд погребальных и культовых сооружений, крупнейшее из которых — Чильпык (рис. 1). Он расположен в 43 км к югу от г. Нукуса на правом берегу Амударьи на вершине конического холма высотой около 35—40 м, сложенного желтыми песчаниками и материковой глиной. В плане сооружение имеет форму незамкнутого, немного сплюснутого круга диаметром около 79 м по линии восток—запад и 65 м с севера на юг (рис. 2).

Стены городища достигают высоты 15 м и возведены из пахсовых блоков высотой 0,80—1,05 м. По верху ширина стен 2—3 м. К основанию они расширяются до 4,8—5,5 м. Особенно сильно наклонены (до 80° к основанию) внешние поверхности стен.

В середине сооружения выступает вершина возвышенности, на которой еще в довоенные годы С. П. Толстов открыл наскальные знаки [2, с. 71—74].

Пространство между скалой в центре сооружения и стеной заполнено песком и материковой зеленоватой глиной. Для прочности толща заполнения разделена рядами сырцового кирпича размером 37—44×37—44×10—12 см на горизонтальные слои толщиной от 0,80 до 1,10 м. Кирпичи лежат тамгами вниз. По вертикали заполнение разделено на клетки шириной 1,8—3,3 м, радиально идущими от центра стенками. Ширина их — 0,23, 0,4 и 0,8 м. В стенках встречаются кирпичи двух размеров: 40×40×10 см и 40×23×10 см. Для выравнивания пространства между

стенами и вершиной холма было засыпано около 18000 м³ материковой глины и песка.

Изнутри по всей окружности к стене примыкает пахсовый монолит шириной 3 м и высотой 2,3 м, поставленный поверх глины и песка. К нему примыкают указанные радиальные стенки.

Между стеной и пахсовым монолитом на поверхности расположены керамические желоба. При поверхностных расчистках

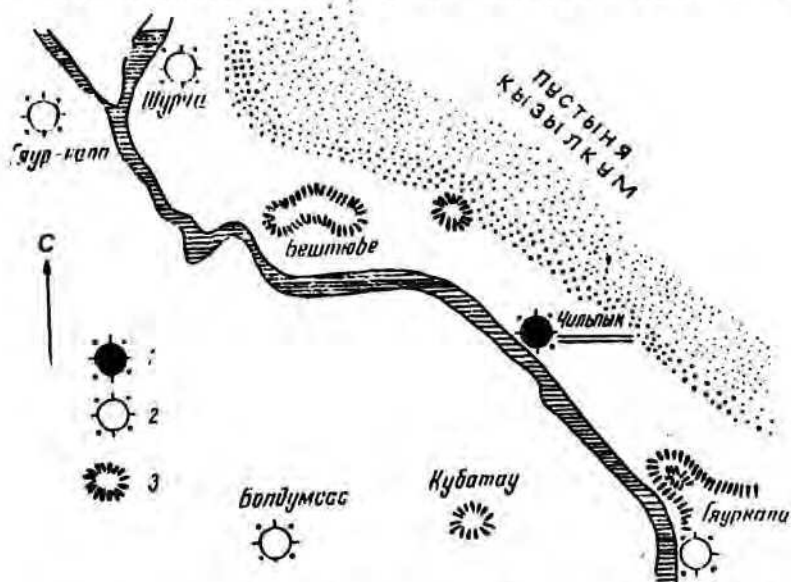

Рис. 1. Схематическая карта расположения оссуарных некрополей первых веков новой эры в районе Чильпыка:

1 — дахмы; 2 — городища; 3 — оссуарные некрополи.

обнаружено только три участка, где они сохранились. Желоба П-образной в сечении формы. Длина одного из них — 77,8 см, высота — 9,5 см, ширина — 16,2—18,5 см. Для удобства стыковки желобов один конец немного расширен, другой — сужен (рис. 3, 1). Желоба изготовлены в формах из глины, принявшей при обжиге красноватый цвет. В середине проходит темная полоса. Глиняное тесто желобов по фактуре напоминает глиняную массу керамических статуарных оссуариев. Положение желобов, их обломки на всех склонах холма позволяют предполагать, что желоба шли по кругу. Они, видимо, предназначались для отвода дождевой воды, чтобы не дать ей впитаться в заполнение во избежание промоин. Этой же цели, вероятно, служил и пахсовый монолит. Как и куда отводилась вода из желобов, непонятно.

Между двумя сторонами незамкнутого кольца пахсовых стен на западе сооружения находится вход на памятник. Заподлицо с ними с востока, т. е. внутри кольца стен, пристроены кирпичные стены, ограничивающие заполнение. Длина входа — 13,5 м. Ширина его различна: в восточной части — 4 м, в середине — 4,9 м,

а в начале — 3,5 м. Примыкающие к входу стены наклонены к основанию на $73-83^\circ$. Между ограничивающими его с севера и юга стенами под слоем завала и кирпичной закладки обнаружена лестница из сырцового кирпича высокого качества. Ширина ступеней 0,25—0,32 м, высота колеблется от 0,1 до 0,2 м. Лестница очень пологая, по ней легко подниматься. Небольшая высота ступеней позволяет отнести ее к числу парадных. Сохранилось 75 ступеней лестницы. Общая длина марша — около 20 м.

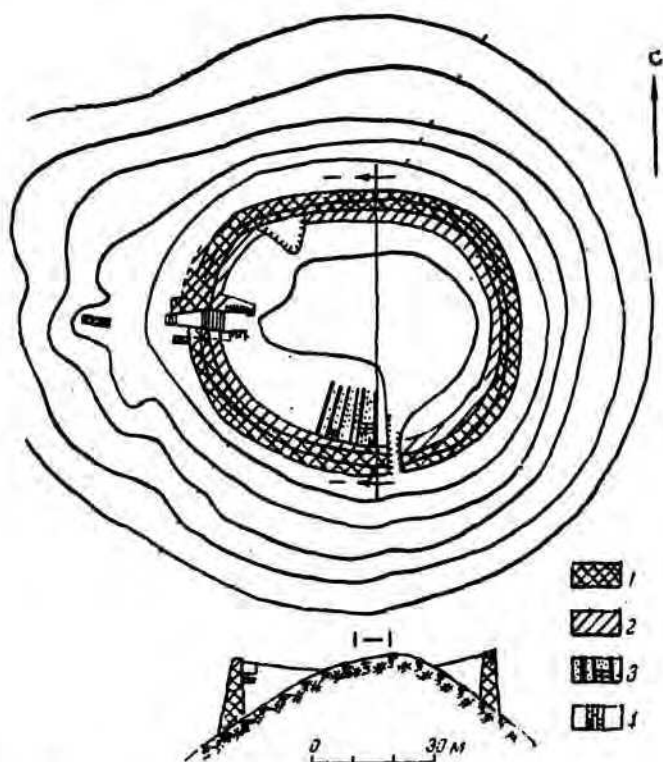

Рис. 2. Схематический план и разрез городища Чильпык:

1 — паксовые стены; 2 — паксовый монолит; 3 — субструкционные стены; 4 — кирпичная кладка.

В промежутке между стенами вскрыто 16 ступеней (рис. 3, 2). Три, хорошо сохранившиеся ступени, открытые в начале лестницы, вытоптаны очень мало. Перед первой найдены остатки глинобитного пандуса длиной 1,25 м. В Хорезме впервые обнаружена столь длинная лестница. Небольшие двухмаршевые лестницы известны на Койкрылганкале [3, с. 35—37].

Менее ясен вопрос о конструкции восточной части входа, где исследования не проводились. Вся лестница была заложена сыр-

цовым кирпичом¹ размером $40 \times 40 \times 10$ см. Толщина закладки не превышает 0,80—0,86 м. На участке лестницы между сторонами

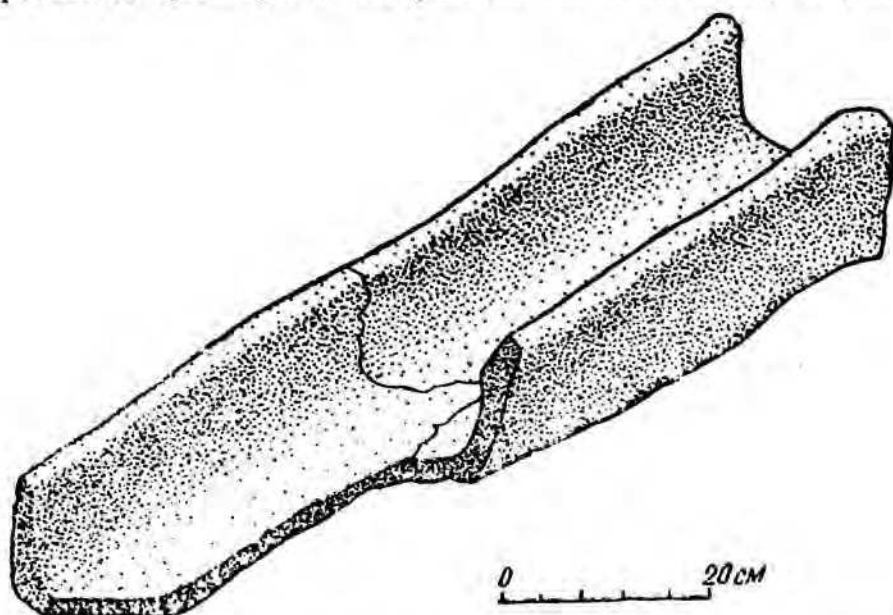

Рис. 3. Дахма на возвышенности Чильпык:

1—керамический желоб; 2—расчищенный участок лестницы.

¹ С. П. Толстов принял эту закладку лестницы за субструкцию пандуса [2, с. 71].

ворот, где проводилась ее очистка, в закладке выявлены кирпичи, помеченные в основном тамгой, в виде оттисков пальцев правой руки.

Останец пахсовой стены на западном склоне холма длиной 5,8 м и шириной 2,3 м, вероятно, связан с конструкцией входа. Он удален от стен сооружения на 20,6 м, а от продолжения линии южной стороны ворот смещен к югу на 1,5 м. Стена на западном склоне холма, возможно, остаток боковых стен, ограничивающих лестницу².

С северной стороны ворот при расчистке открыта пахсовая стена шириной около 3,17 м, длиной 3,25 м, которая примыкает к опоясывающей стене памятника. Она, видимо, частично срублена в VII—VIII вв.

Таким образом, лестница на памятнике была с боковыми стенками. Их первоначальная длина и высота не установлены.

Южнее лестницы обнаружен еще один вход, защищенный боковыми стенками высотой до 1,5 м. Боковые стенки пандуса состоят из кирпичей, стандартных для античных сооружений Хорезма, и наклонены к основанию на 78—79°. Ширина входа в начале 3,3 м, около стен сооружения она уменьшается до 2,8 м. Длина южного входа 7 м. Затем он превращается в своеобразный тоннель, проложенный под пахсовой стеной сооружения. Длина подземной части входа примерно 15 м. Вход-тоннель проходил рядом с лестницей, что подтверждает провал, ограничивающий ее с юга, и проседание южной части лестницы шириной около 2 м. Вход-тоннель на городище сооружался одновременно с разрушением южной стены, ограничивающей лестницу. Археологические работы из-за опасности обвала стены над входом-тоннелем не производились.

С. П. Толстов отметил отсутствие на Чильпыке следов жилища [2, с. 71]. Наши неоднократные обследования памятника подтверждают это.

Керамика, которую можно отнести ко времени возведения сооружения, представлена единичными фрагментами посуды, изготовленной из хорошо приготовленного теста. Поверхность фрагментов покрыта красным ангобом, иногда с полосчатым лощением по нему. Такой прием обработки сосудов в Хорезме и соседних с ним областях был распространен в первые века н. э. [5, с. 195; 3, с. 120; 6, с. 38].

Видимо, и сооружение на холме Чильпык относится к этому времени. Такой датировке не противоречат размеры примененного при строительстве сырцового кирпича с тамгами, свойственными античным стандартам. Как показывает археологическое изучение Хорезма и других историко-культурных областей Средней

² Г. П. Снесарев приводит следующую легенду об этой стене: «Своими колоссальными руками дэв переносил глину для укладки стен, один комочек ее выпал между пальцами и сейчас лежит рядом со стеной в виде небольшого останца стены» [4, с. 30].

Азии, сырцовые кирпичи с тамгами встречаются здесь только в IV в. до н. э.—IV в. н. э. Типичность клейм и тамг на сырцовых кирпичах для античной архитектуры различных районов Средней Азии отмечают многие исследователи [7, с. 75—76; 8, с. 89—91; 6, с. 33—35].

Сравнительно большое количество керамики VII—VIII вв. в подъемном материале, вероятно, привело С. П. Толстова [2, с. 71] и Я. Г. Гулямова [9, с. 131] к ошибочной датировке памятника V—VI вв.³

После первого обследования С. П. Толстов высказал предположение, что сооружение на Чильпыкском холме — дахма, «где трупы покойников предоставлялись действию атмосферы и отдавались на съедение птицам (?)» [2, с. 71].

Обращает на себя внимание полное отсутствие на верху сооружения жилых построек, культурного слоя, бойниц, бруствера по краю стены, ничем не защищенный вход на памятник. Думается, что 10—12-метровая забутовка вдоль стен надежно «изолировала» от земли помещенные на вершине трупы и вполне объяснима с точки зрения ортодоксального зороастризма. Сооружение упомянутых выше желобов также можно объяснить желанием не осквернить воду, одну из священных стихий, соприкосновением с трупами.

Расположение дахмы на высоком, отдельно стоящем холме также отвечало Видевдату, согласно которому умерших зороастрийцев нужно поместить на вершине горы или на дахме [18, р. 73], чтобы птицы скорее заметили трупы [18, р. 53, 73]. Вероятно, поэтому дахма, мощным изолирующим фундаментом вознесенная над землей к обители небесных богов во главе с Ахурамаздой, буквально парит в воздухе и господствует над окружающей местностью.

Изучая вопросы, связанные с погребальной обрядностью, З. А. Рогозина [13, с. 146] и К. А. Иностранцев [14, с. 98—99] отмечали, в частности, что в отдалении от населенных пунктов строятся дахмы. Чильпыкская дахма, находящаяся на значительном расстоянии от всех известных городищ античного времени (рис. 1), не исключение.

Ближайшее городище на юге, Гяуркала Султануиздагская [10, с. 347—348], отстоит от Чильпыка на 26—27 км. На севере — городища Шурча (около Нукуса) [9, с. 100] и Гяуркала Ходжейлийская (Миздахкан) [11, с. 189—190]. До них от Чильпыка свыше 40 км. Несколько ближе, на левом берегу Амударьи, севернее Калининска (Ташаузская область) находится городище Болдумсас. До него не менее 30 км [12, с. 123]. С севера к Чильпыку примыкает гряда невысоких холмов, отгораживающих долину реки от пустыни Кызылкум.

³ О средневековых перестройках на городище более подробно см. 32, с. 11—12; 33, с. 66—67.

Культовые сооружения Хорезма и его периферии имели цилиндрическую планировку с различным решением внутренней застройки [3, с. 228; 19, с. 178—179]. Аналогична планировка парсийских дахм [20, с. 558; 13, с. 148]. Особенно близка культовому сооружению на Чильпыке дахма, описанная в Шах-наме, напоминающая копыто коня [21, с. 573].

Использование холма в качестве культового места с применением лестниц по склону характерно и для Сурхкотала [22, р. 5—10].

Культовая постройка на чильпыкском холме — уникальный памятник не только Султануиздага, но и всего Хорезма. Особенности топографического положения (расположение сооружения позволяет просматривать его на многие десятки километров) также говорят о его чрезвычайно важной роли в погребальных обрядах этого района.

Этнографические сведения о Чильпыке крайне скудны. Так, по легенде, услышанной Я. Г. Гулямовым в районе г. Ходжейли, в далекие времена наиболее знатных людей хоронили на Чильпыке. Г. П. Снесарев записал предание, согласно которому умерших переправляли через Амударью на лодках и хоронили на Чильпыке. Эти легенды говорят о том, что сооружение на Чильпыке — центр большого района, связанного с погребальной обрядностью.

Таким образом, наши данные подтверждают гипотезу С. П. Толстова о том, что сооружение на Чильпыке — дахма.

На крупных возвышенностях, окружающих Чильпык, находятся оссуарные некрополи. Один из них на горе Кубатау около г. Мангита [15, с. 99—100], где наиболее ранние находки датируются первыми веками н. э. Он отстоит от Чильпыка на 15—20 км. Фрагменты статуарных и керамических оссуариев ящичного типа античного времени известны на холмах Бештюбе, расположенных в 20—25 км к северо-западу от Чильпыка⁴. К северо-западу от Чильпыка в 15 км отмечены фрагменты сосудов античного времени. Большой оссуарный некрополь зафиксирован на возвышенности Шейхджели. Однако при неоднократных обследованиях (1965, 1968, 1970—1971 гг.) чильпыкского холма не обнаружено ни одного фрагмента оссуариев эпохи античности, что не случайно.

Рассмотрим материалы с этих некрополей.

Античный некрополь Шейхджели — наиболее значительный в Султануиздаге. Горный массив Шейхджели в северо-западной части прорезан глубоким саем, открывающимся к Амударье. Второй, меньший сай, Кенкууз, также выходит к Амударье. Благодаря роднику ущелье заросло густой растительностью. Сай расположен в 2,8 км на юг от городища Абумуслимкала.

⁴ Материалы обследования Бештюбе хранятся в отделе археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР.

Крутые склоны Кенкууз-сая сложены комплексом основных эффузивных пород. Внешне они трудно различимы, представляя собой темно-зеленые рассланцеванные выходы. Наиболее отвесны южный и восточный склоны, где множество ниш, образовавшихся в результате выдува мягких пород. Здесь собрано значительное количество фрагментов статурных, керамических оссуариев и погребальных сосудов. Фрагменты оссуариев найдены в переломленном состоянии по склонам, а в понижениях они засыпаны камнями и щебнем. Поэтому кости в оссуариях не найдены.

Отдельные фрагменты оссуариев обнаружены в больших глубоких нишах, куда они не могли попасть случайно (рис. 4, 2). Возможно, некоторые ниши подправлялись и искусственно расширялись для вмещения оссуариев. Места их выставления зафиксированы также на небольших площадках по склону холма. Кроме того, оссуарии ставились на небольших горках и обкладывались с разных сторон небольшими камнями (рис. 4, 1).

Незначительная группа находок представлена фрагментами статурных оссуариев. В глиняном тесте, из которого они изготовлены, отсутствуют видимые примеси. На поверхности фрагментов видны очень мелкие пустоты от выгоревших органических примесей, возникшие при обжиге. Снаружи оссуарии покрывались беловато-желтым ангобом. Лишь на небольшой части оссуариев — красный ангоб. На фрагментах — рельефные изображения полос, полусферических кружков или прочерченных до обжига полосок.

Исследования Ю. А. Рапопорта показали, что погребения в статурных оссуариях совершались в Хорезме с IV—II вв. до н. э. по II в. н. э. [30, с. 80; 15, с. 57—89]. Статурные оссуарии анализируемого некрополя датируются этим же временем.

Среди подъемного материала, судя по особенностям фрагментов, преобладали прямоугольные в плане или со скругленными углами оссуарии без ножек, с прямым или слегка скошенным дном. Боковые стенки, как правило, возвышаются над крышкой и оформлены в виде ступенчатого, зубчатого прямоугольного парапета или с треугольными углублениями.

Оссуарии с парапетами, как считают некоторые исследователи, имитировали многообразие реально существовавших в древности культовых сооружений [15, с. 20, 58—63; 23, с. 148]. Отверстия у большинства оссуариев находятся в верхней части. Крышки, судя по обломкам, полусферической формы.

Оссуарии со ступенчатыми выступами по краю появляются в Хорезме с первых веков н. э. Они происходят, в частности из джанбаскалинских поселений I—II вв. н. э. [15, с. 58—59], из дома III—IV вв. около городища Бурлыккала [24, табл. 16]. В Маргiane они также датируются первыми веками н. э. [25, с. 49]. Оссуарии с парапетами по краю применяются и в более позднее время до VI—VIII вв. [26, с. 100; 27, с. 81; 28, с. 183; 29, табл. 1].

В подъемном материале встречены также фрагменты оссуарии-

ев с отверстиями в торцевой стороне. Подобные находки в Хорезме отмечены Ю. А. Рапопортом [15, с. 96, 99], В. Н. Ягодиным [27, с. 81].

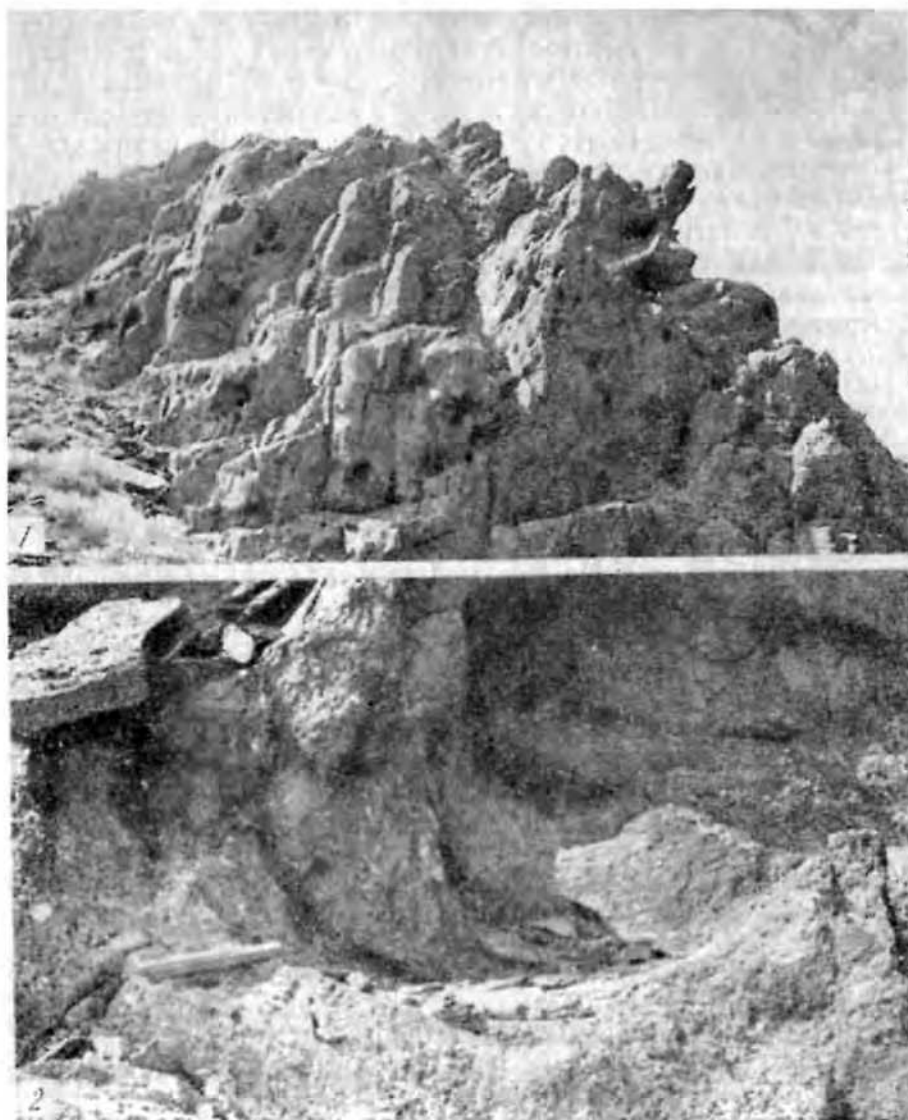

Рис. 4. Оссуарный некрополь Шейхджели:

1—гора с нишами, где стояли оссуарии; 2—ниша в скале с обломками оссуариев.

На углах и стенках оссуариев зафиксированы слабо выделенные налепные валики с поперечными насечками. По четырем углам оссуариев — полуовальные налепы, вершина которых немно-

го возвышается над краями. Налепы часто украшены, помимо насечек, прорезными крестами и кружковым орнаментом. Отдельные фрагменты оссуариев и крышек сплошь покрыты кружковым орнаментом, нанесенным трубочкой в основном вдоль выпуклых валиков и по ним. Все оссуарии сделаны из массы, напоминающей по фактуре глину, применявшуюся для изготовления посуды позднеантичного периода.

Выпуклые валики по углам оссуариев с поперечными прорезами известны в Хорезме по материалам некрополей Калалыгыр [30, с. 82], Миздахкана [27, с. 81], Кубатау [15, с. 99] и погребальным сосудам из окрестностей Кургашинок [31, с. 97—98].

Наиболее значительную группу находок составляют погребальные сосуды нескольких типов.

1. Горшки с шаровидным или слегка вытянутым туловом и прямой горловиной. Горловина у сосудов высокая, плечики плавно переходят в тулово. Край ее слегка округлый или прямой с площадочкой по бережку. Горшки украшены прочерченным орнаментом в виде ломаной линии или пересекающихся прямых. Иногда они заключены между двух параллельных, опоясывающих плечики на разных уровнях. Сосуды покрыты красным, черным и светлым ангобом.

2. Сосуды с шаровидным туловом и прямой или немного стянутой внутрь горловиной. От горшков первого типа они отличаются горизонтальной площадочкой и гранью при переходе от горловины к тулову.

3. Сосуды со слегка вытянутым или шаровидным туловом и короткой прямой горловиной. Венчик имеет широкую площадку по бережку. В отдельных случаях она слегка округлая. Эта группа сосудов украшена кругами темно-коричневого ангоба по светлomu фону или вертикально-полосчатым лощением по красному ангобу.

4. Горшки с шаровидным туловом и короткой округлой горловиной, посаженной непосредственно на плечики. Образцы такой формы единичны.

5. Сосуды с немного стянутой внутрь горловиной. Венчик в виде развилки сделан для одевания на него крышки. Внешний край отогнут. Его высота различная. Аналогии этому типу сосудов в Хорезме не известны. Видимо, они специально изготавливались для погребений.

6. Горшки с широким устьем. Горловина слегка стянута внутрь. При переходе венчика к тулову имеется выпуклый валик или небольшая горизонтальная площадочка.

На горшках второго, третьего и пятого типов под венчиком видны сквозные отверстия, сделанные до обжига.

Форма сосудов напоминает хозяйственную посуду из среднего и верхнего слоя Койкырганкалы [3, с. 123—124, табл. X]. Аналогичные находки известны на многих позднеантичных памятниках

Хорезма (Топраккала, Куня-Уаз, усадьба № 1 около городища Аязкала 3, Токкала) [5, с. 160—163, рис. 35—36; 6, с. 36—37].

Сосуды из некрополя Шейхджели по качеству отделки значительно грубее керамики из верхнего горизонта Койкрылганкалы. Горшки накрывались крышками различных форм: шарообразными, дисковидными. В качестве крышек применялись миски. У большинства из них край прямой, невысокий (3—5 см), дно слегка выпуклое или прямое.

Таким образом, оссуарии и погребальные сосуды из некрополя Шейхджели по многочисленным аналогиям датируются I—IV вв. н. э.

Оссуарный некрополь Бештюбе расположен в 20 км к югу от г. Нукуса на одноименных холмах. В некоторых местах на склонах выявлены небольшие углубления, в которые, вероятно, устанавливались оссуарии. Фрагменты статуарных оссуариев и погребальных сосудов, собранных по склонам, сильно фрагментированы.

По форме венчиков горшки относятся к третьему и пятому видам. По аналогиям с описанными выше образцами керамика может быть датирована I—IV вв. н. э.

Оссуарный некрополь в юго-восточной части Султануиздага открыт при археологических разведках 1960 г. сотрудниками ХАЭЭ М. Г. Воробьевой и Г. П. Сисаревым. Для оссуариев, среди которых были и статуарные, на вершине и склонах гряды выбивались специальные ниши. Исследователи относят этот некрополь к IV в. до н. э.—IV в. н. э. [17, с. 6; 15, с. 63, 68—72].

В 500—600 м западнее данного некрополя по другую сторону сая, на этой же гряде, сложенной углистыми сланцами, обнаружены новые оссуарные захоронения. Они расположены на южном склоне, обращенном к землям древнего орошения, непосредственно под выступающими на вершине плитами сланца. Плиты возвышаются над местами, где стояли оссуарии, на 1,5—1,8 м.

Погребение 1 (рис. 5, 1). С востока и запада оно защищено небольшими, плашмя положенными плитами, образовавшими барьеры, высотой около 0,4 м. С южной стороны проходит отвесный уступ высотой около 1,2 м. В образовавшейся нише ромбической формы размером 0,8—1,0×1,2 м найдены фрагменты чаши большого диаметра, крышки и незначительное количество костной трухи.

Глиняная крышка конической формы неяркого красного цвета от цилиндрического оссуария. Диаметр ее основания — 0,2 м. По нижнему краю крышки проходит сильно выступающий выпуклый валик.

Миска диаметром 0,36 м и высотой около 0,08 м изготовлена на гончарном круге из теста, принявшего при обжиге темно-серый цвет. Снаружи и изнутри она покрыта серовато-зеленым ангобом. Миска имеет аналогии в хорезмийской керамике I—IV вв. н. э. [5, рис. 32, 32—33; 6, с. 37].

У лепного горшочка высотой 4,3 см и диаметром 3,7 см слегка округлое тулово и немного суженная горловина. Плоская ручка с небольшим выступом в верхней части прикреплена к плечикам сосуда. Выступ на ручке, вероятно, рудимент зооморфной фигуры.

Погребение 2. Расположено западнее погребения 1. Погребальные сосуды ставились в естественную расщелину шириной

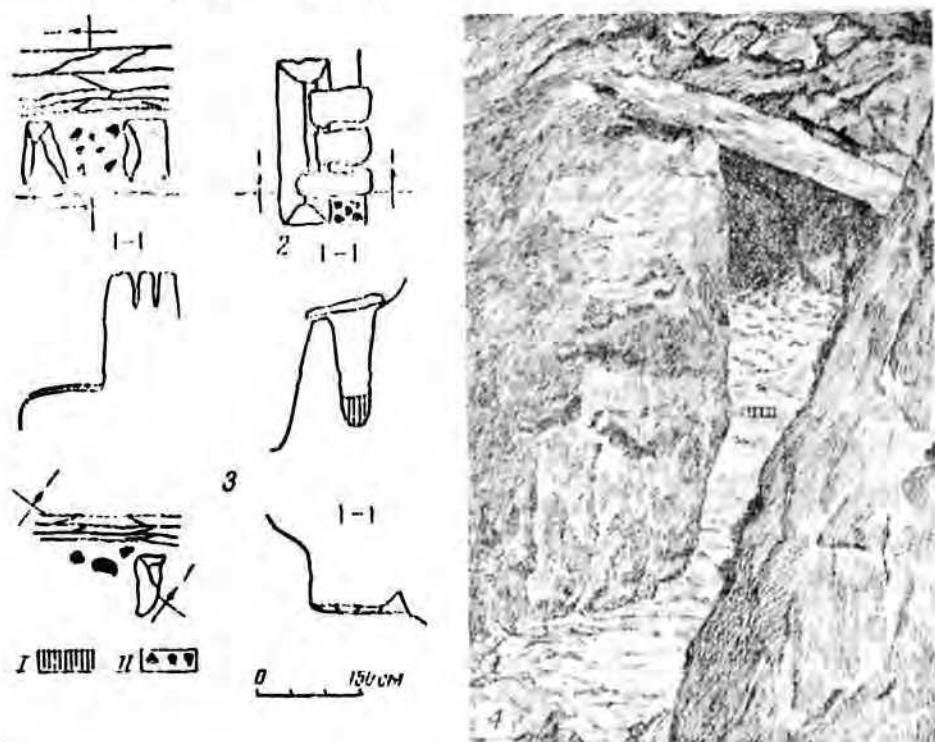

Рис. 5. Оссуарный некрополь в юго-восточной части Султануздага:

1—погребение 1, план и разрез; 2—погребение 2, план и разрез; 3—погребение 3, план и разрез; 4—погребение 2, общий вид. I—глинистые натеки, II—фрагменты погребальных сосудов.

около 0,5 м. Она перекрыта плитами сланца размером $1,0 \times 0,4 \times 0,08$ м; $0,8 \times 0,5 \times 0,1$; $0,9 \times 0,5 \times 0,1$ м (рис. 5, 2, 4). В расщелине — фрагменты двух сосудов, которые обнаружены в камере и внизу по склону. Это обломок верхней части горшка диаметром 0,26 м шаровидной формы с прямыми плечиками и почти вертикальной горловиной. Плечики украшены орнаментом в виде двух зигзагообразных линий. Поверхность покрыта желто-зеленым ангобом. Аналогичные горшки бытовали в Хорсзме в первые века н. э. [5, с. 160—161].

Второй сосуд — лепной горшок с вертикальной горловиной и сильно покатыми плечиками, изготовленный из глиняной массы с большим количеством шамота. Поверхность сосуда неровная, обмазана тонким слоем красно-желтой глины.

Погребение 3 (рис. 5, 3). Находится в 10 м западнее погребения 2. С северной стороны естественной стенкой служат вертикально стоящие плиты сланца высотой 0,8 м. К ним под прямым углом поставлена плита шириной 0,4 м и длиной 0,6 м. В образовавшемся углу в глинистых натеках обнаружена нижняя часть гончарного сосуда диаметром около 0,4 м. Сосуд серо-лилового цвета вылеплен из глиняного теста, насыщенного гипсом. Дно сосуда выпуклое и, видимо, сформовано отдельно, а затем приделано к его тулову. При расчистке найдены фрагменты затылочных костей черепа и сильно истлевшие длинные кости. На этом же склоне в нескольких местах обнаружены фрагменты керамики, напоминающей сосуда античного Хорезма. Находки приурочены, как правило, к расщелинам в сланцевых плитах на вершине гряды.

Таким образом, оссуарные захоронения в юго-восточной части Султануиздага, как и других некрополей этого горного массива, датируются первыми веками н. э.

Сравнение материалов некрополей Султануиздага с синхронными материалами некрополей Калалыгыра I, Миздахкана позволяет утверждать, что в погребальной практике происходили общие для всего Хорезма изменения.

В горах Султануиздага и его северных предгорьях встречено несколько видов выставления оссуариев и погребальных сосудов:

1. В природных или немного подправленных и расширенных нишах.

2. В глубоких расщелинах.

3. В слегка заглубленных в каменный грунт ямках.

4. На небольших площадочках.

5. На вершинах гор, где они обкладывались камнями.

Обнаружение в горах захоронений в оссуариях и погребальных сосудах показывает, что погребальные обычаи Хорезма и Ирана различны. В Иране единственным археологическим свидетельством захоронения очищенных костей являются остотеки — небольшие пиши, вырубленные в скалах [16, с. 205—206, 217—218].

При выборе места для некрополей в горах отдавалось предпочтение высоким вершинам гор и крутым склонам, обращенным на юг. В северо-западных отрогах для этой цели избирались наиболее высокие возвышенности, господствующие над окружающей местностью (Кубатау, Бештюбе и некоторые другие безымянные возвышенности).

В религиозно-догматических зороастрийских текстах горы — это путь с земли в небесную сферу, в места обитания богов. Согласно зороастрийской догматике, все горы, а их зороастрийцы насчитывали 2224, выросли из священной горы Хара-Березанти, которая «поднимается из земли, выше сферы солнца и звезд, в чистую сферу беспредельного света, где сам Ахура-Мазда пребывает» [13, с. 76]. Видимо, все горы считались священными. «Там

не бывает ни ночи, ни тьмы, ни холодных, ни жарких ветров, ни смертоносных болезней, ни осквернения от дэвов» [13, с. 76]. Захоронения в оссуариях на горах и на самых высоких возвышенностях объясняются, вероятно, желанием приблизить их к солнцу. В Хорезме, как это установлено исследованиями Ю. А. Рапопорта, особо почиталось солнце, культ которого был связан с культом умерших [30, с. 79; 15, с. 50—52, 83—84, 104—107].

Таким образом, горный хребет Султанунздаг и его предгорья в первые века н. э. представляли большой зороастрийский культовый район. Центр его — дахма на возвышенности Чильпык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский А. Е., Попов К. А., Преображенский И. А. Султанунздаг. — «Известия Петербургского политехнического института». СПб., 1914, т. XXI, вып. 2.
2. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
3. Кой-крылгап-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — ТХАЭЭ, т. V. М., 1967.
4. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
5. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
6. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
7. Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана. — СА, 1963, № 4.
8. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. — ТХАЭЭ, т. I. М., 1952.
9. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
10. Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала. — ТХАЭЭ, т. II. М., 1958.
11. Ягодин В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
12. Дурдыев Дж. Археологические работы на территории Ташаузской области Туркменской ССР в 1970—1972 гг. — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полных археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
13. Рагозина З. А. История Минди. СПб., 1903.
14. Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. — ЖМНП, новая серия, часть XX, СПб., 1909 (март).
15. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. — ТХАЭЭ, т. VI. М., 1971.
16. Herzfeld E. Iran in the ancient East. London—New-York, 1941.
17. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. — МХЭ, вып. 6. М., 1963.
18. The Sacred Books of the East. vol. IV. The Zend—Avesta. p. I. The Vendidad, Oxford, 1880.
19. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
20. Иностранцев К. А. Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератских версий книги об Арта-Вирафе. — Известия Академии наук, СПб., 1911.
21. Фирдоуси. Шах-наме. М., 1960.
22. Schlumberger D. Surkh Kotal and ancient history of Afganistan (отдельный оттиск).

23. Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
24. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. М., 1976.
25. Кошеленко Г., Оразов О. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время.— ВДИ, 1965, № 4.
26. Ягодин В. Н. Новые материалы по истории религии.— СЭ, 1963, № 4.
27. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
28. Ершов, С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам-Али.— «Труды ИИАЭ Туркменской ССР», т. V, Ашхабад, 1959.
29. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина.— МИА, № 14, М.—Л., 1950.
30. Рапопорт Ю. А. Хорезмийские астаданы.— СЭ, 1962, № 4.
31. Манылов Ю. П. Сосуды-оссуарии из Южного Хорезма.— ВКФ, Нукус, 1967, № 1.
32. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972.
33. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага.— ВКФ, 1969, № 3.

ГОРОДИЩЕ КЯТ (ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ) И ЗАРЛЫКИШАН-БОБО

Городище Кят. Оно расположено в 24 км от г. Ургенча на территории колхоза «Ленинизм». Кят упоминается в хивинских хрониках в связи с описанием событий XVII в. По рассказу Шермухаммеда Мираба, известного под псевдонимом Муниса, в период царствования Ануши (1663—1683 гг.) правобережный г. Кят остался без воды. Поэтому царь приказал прорыть на левом берегу Амударьи канал, получивший название Ярмыш, и построил здесь крепость Кят. Жители старого города переселились в новый Кят [1, с. 178; 2, с. 200]. В начале XVIII в. Кят вошел в число пяти крепостей¹ (Бешкала) Хивинского ханства. При Анушахе, когда значительно укрепились районы Бешкалы, Кят представлял собой крепость с глинобитными стенами, воротами и рвом, наполняющимся водой. Сюда в моменты военной опасности собиралось все окрестное население [4, с. 156].

Город Кят обозначен между г. Хазараспом и Ургенчем на карте Ф. И. Страленберга (Табберта), составленной в 1720 г. [5, с. 55]. При ее составлении использовались данные из рассказов участников экспедиции 1716 г., возглавляемой князем А. Бекович-Черкасским.

В 40-е годы XVIII в. были составлены подробные карты Аральского моря, дельты р. Сырдарьи и Хивинского ханства. В их числе и карта И. Муравина (1741), на которой отмечен г. Кент (Кят.— М. М.) в 10 верстах к югу от г. Гурлена на канале Ярмыш [5, с. 60—61].

В 1753 г. самарский купец Д. Рукавкин, посетивший Хивинское ханство, в числе городов Левобережья называет и г. Кят [6, с. 278].

Краткое описание города дает побывавший в нем в 1842 г. Г. И. Данилевский: «Кят в 36½ верстах на севере от Хивы; построен на небольшой возвышенности и окружен четырехугольной стеной, имеющей в окружности до 500 саженей. В восточной сто-

¹ Бешкала (Пять крепостей) — обычное у авторов XVIII в. название Южного Хорезма. Сюда входили Хазарасп, Ханках (Ханки), Ургенч, Кят, Шахабад [3, с. 334, прим. 2].

роне находятся ворота и сторожевая башня: внутри около 50 различных глиняных домов» [7, с. 110—112]. Сопровождавший Г. И. Данилевского ученый-натуралист Ф. И. Базинер на основе данных экспедиции составил подробную карту Аральского моря и Хивинского ханства, где Кят расположен на канале Ярмыш [5, с. 94, рис. 25].

Сведения о Кяте приводит также В. В. Григорьев: «Кят от Шавата в 15 верстах вниз по тому же каналу построен. Сей город обведен глиняной стеной и рвом с одними воротами, в нем две мечети, жителей до 1500 человек» [8, с. 118, 128].

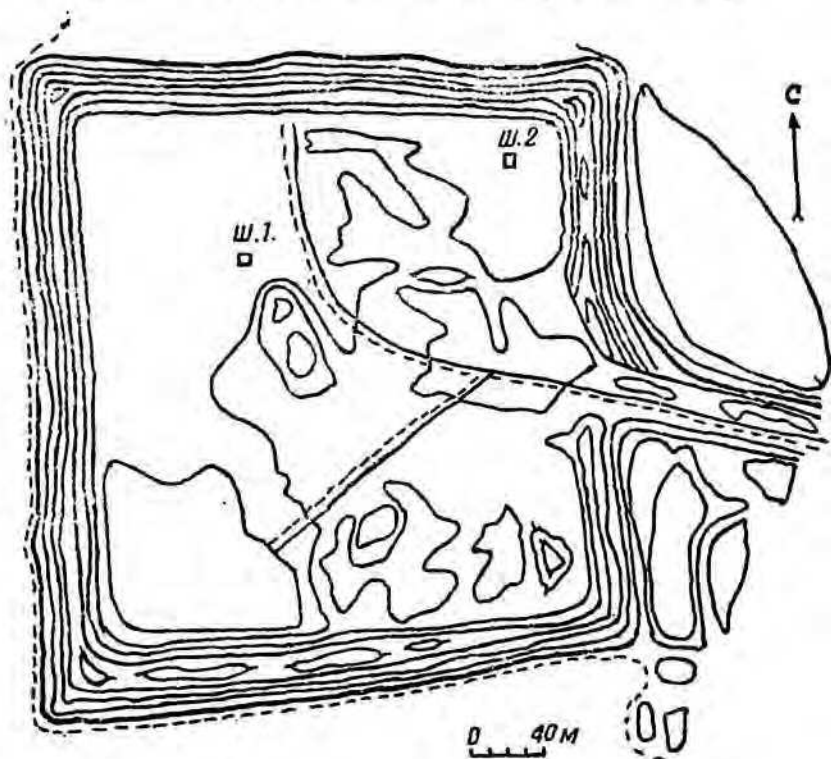

Рис. 1. Городище Кят (левобережное). План.

В 1873 г. изучением гидрографии низовьев Амударьи занимался А. В. Каульбарс. Он вел топографическую съемку местности, во время которой им был нанесен на карту город Кят [9, с. 338].

В 1958—1960 гг. Узбекский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, возглавляемой Г. П. Снесаревым, собрал подъемный керамический, а также фольклорный материал, относящийся к Кяту [10, с. 22], однако данные о городище не были опубликованы.

Памятник в плане имеет форму трапеции. Длина западной стены 300 м, восточной — 256, северной и южной — 281 м. Пло-

щадь памятника около 8,5 га (рис. 1). Сохранившиеся пахсовые стены возвышаются от средней части городища на 5 м с северо-западной стороны и на 8—12 м с юго-восточной. В промоинах посередине северной и западной стен видна комбинированная пахсово-сырцовая кладка. Размеры кирпичей 36—37×38—40×8—11 см. Аналогичного размера сырец обнаружен с внутреннего фаса восточной стены. В кладке стен встречаются фрагменты красноглиняных сосудов античного времени. На юго-западных углах слабо выражены полукруглые башни, которые выступают за линию стены на 5—7 м. Городище имело единственный въезд с восточной стороны шириной 9 м. Склоны городища очень крутые. Крепость окружал глубокий ров, сейчас имеющий вид сильно заболоченного понижения, опоясывающего крепость по периметру.

Северная часть памятника — почти ровная пониженная площадь. На юго-западе возвышаются оплывшие невысокие всхолмления. Восточная часть от центра городища до ворот занята покіннутыми жилищами узбеков XIX в. На северо-восточном углу и середине западной части крепости прослеживаются следы гончарных печей, вокруг которых обломки жженных кирпичей и керамических шлаков.

Для выяснения стратиграфии и хронологии городища были заложены два шурфа, а также произведены поверхностные зачистки в местах обнажения культурного слоя [11, с. 505].

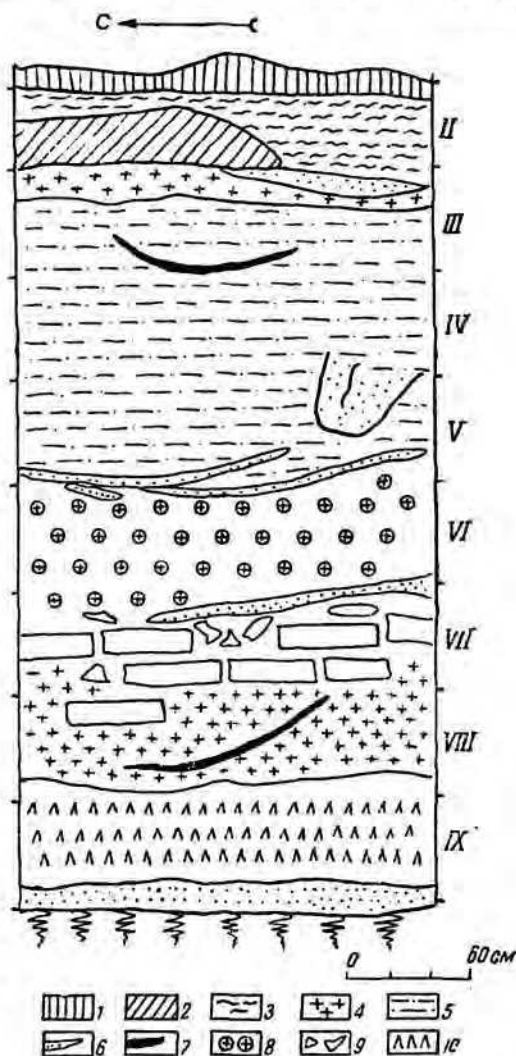

Рис. 2. Городище Кат' (левобережное). Разрез шурфа № 1:

1 — дери; 2 — пахса; 3 — пачечный и рыхлый комковатый слой с керамикой; 4 — суглинок плотный коричневатый с редкими фрагментами керамики; 5 — темно-зеленый суглинок с древесными угольками; 6 — песок; 7 — зола; 8 — темно-коричневый плотный слой с обломками сырца; 9 — керамические шлаки; 10 — серый глинистый песчаный слой с редкими угольками.

Шурф № 1 (2×2 м) был заложен в середине северо-западной части крепости, прошел толщу культурных напластований мощностью 4 м и вышел на материк, представленный серым песком. Раскопки велись по ярусам в 0,5 м каждый. Верхняя часть шурфа ниже репера на 0,85 м (рис. 2). На поверхности материка — сероватый глинистый слой с включением угольков и фрагментов керамики. На уровне VIII яруса обнаружены коричневый суглинок с фрагментами керамики, прослойка золы. На уровне VII яруса прослежена кирпичная кладка из 2—3 рядов кирпича размером 40—41×41—42×9—13 см. Кирпичи изготовлены из глины с большой примесью тоюна (болотной глины) и песка, без самана. В этом же слое встречаются, кроме фрагментов керамики и костей, прокаленные комки глины и керамические шлаки. Выше, до начала VI яруса, тянется темно-коричневый плотный слой с обломками сырца, с редкими фрагментами керамики, костей животных и рыб. В конце V яруса выделяется стерильная песчано-глинистая прослойка толщиной 4—11 см. Структура вышележащих слоев отличается от предыдущих. Начиная от V яруса до середины III яруса, проходит темно-зеленый слой с зольными прослойками. В начале III яруса идет коричневый суглинок толщиной 7—10 см, с редкими фрагментами керамики. Выше его на уровне II яруса — пахсовая стена толщиной 82 см, сохранившаяся на высоту 17 см. Верхний слой представляет собой плотный суглинок с комками глины.

Шурф № 2 (2×2 м) был заложен в северо-восточном углу и на 4 м прошел толщу культурных напластований. На поверхности сероватого материкового песка выделяется глинистый песчаный слой с фрагментами керамики. Несколько выше зафиксирован плотный коричневый слой с включениями угольков. Здесь обнаружены фрагменты сырца и керамики. Между VII—VI ярусами видна стерильная прослойка песка толщиной 7—13 см. Вышележащие слои представлены серой песчанистой супесью с зольными пятнами. В них прослежены комки глины, слой строительного мусора. На уровне II яруса идет серая рыхлая перекопанная земля с включением белых солей и костей. Выше расположен натечно-намывной слой с обломками жженных кирпичей. В шурфе № 2, в отличие от № 1, отсутствуют остатки верхнего строительного периода памятника.

Шурфы позволили выделить три строительных этапа (отсчет ведется снизу вверх), которые соответствуют трем периодам жизни памятника.

Первый этап выражен IX—VI ярусами. Здесь местами по всей площади шурфа идет кладка из сырца, очевидно, остатки ранних строений городища. Большая часть керамического материала получена из слоев IX—VI ярусов.

Хумы и хумчи представлены венчиками, стенками и днищами. Округлые в сечении венчики хумов имеют короткую шейку и один или два валика на плечиках. Снаружи хумы покрыты белым ан-

гобом. Корпус расписан тремя завернутыми в спирали лентами, нанесенными темно-красной, различных оттенков, краской (рис. 3, 1). Глиняное тесто, из которого изготовлены сосуды, тщательно вымешано, примеси почти отсутствуют. Описанные способы украшения посуды характерны для хорезмийской керамики IV—III вв. до н. э. [12, с. 90, 91].

Найдены немногочисленные фрагменты верхних частей стенок и венчиков горшков. Сосуды с округлым туловом, низкой шейкой,

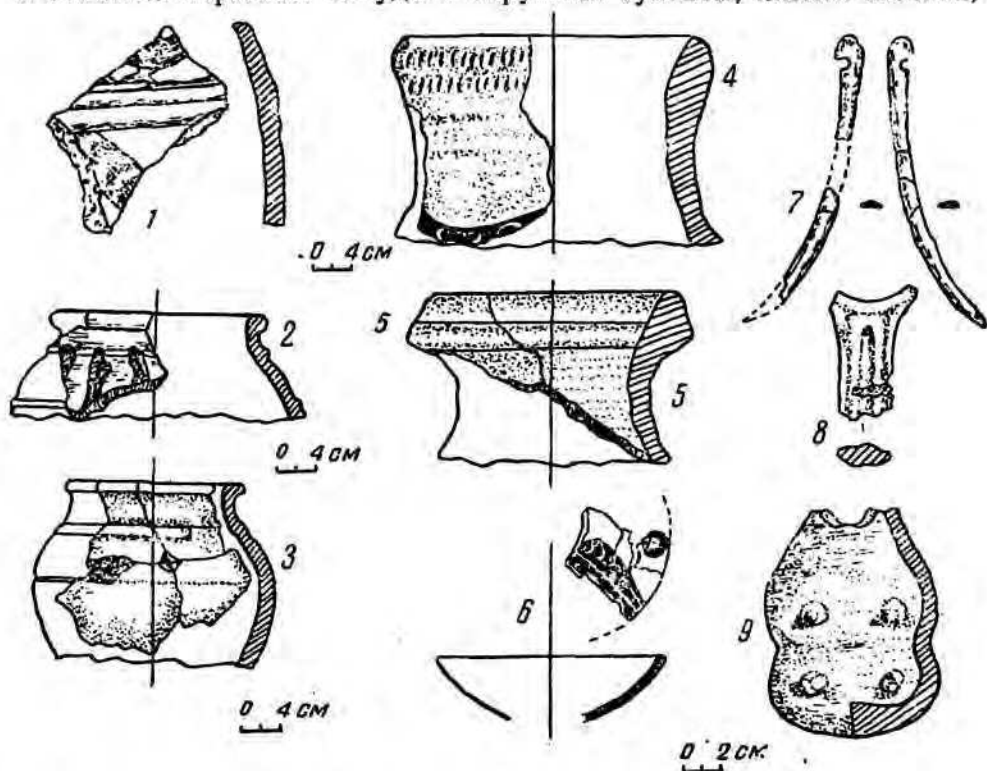

Рис. 3. Городище Кят (левобережное). Керамика из шурфа № 1.

подчетыреугольным в сечении венчиком. Тулово опоясано прореченными линиями.

Обнаружены единичные фрагменты стенок и массивных донышек бокалов. Стенки их вертикальны в верхней части и резко сужаются к плоскому донышку в нижней. Поверхность облицована красным ангобом. Тесто, из которого они изготовлены, без всяких видимых примесей. Подобные сосуды бытовали в Хорезме в IV—II вв. до н. э. [13, с. 108, рис. 17, 15, 33].

Тазы неглубокие, с плоским дном, от которого отходят, постепенно расширяясь, слегка округлые стенки, заканчивающиеся утолщенным прямым загнутым внутрь краем. Найдены керамические пряслица и астрагалы со следами обработки. Заслуживают внимания фрагменты костяных накладок от сложного лука, най-

денные вне слоя (рис. 3, 7). Конек накладки закругленный, поперечное сечение плоско-выпуклое, вырез для тетивы полукруглый. Длина фрагмента 28 см, ширина 2 см, толщина 0,5 см, ширина выреза 0,6 см, глубина 0,6 см. Накладки лука в Хорезме известны в материалах городища Топраккала III в. н. э. [14, с. 34, 35, рис. 22] из среднего и верхнего горизонтов Койкрылганкала [13, с. 136—137, рис. 54] и среди находок из могильника Тузгыр (I—III вв. н. э.) [15, с. 159, рис. 4, 4]. Близкие по размерам и типологически накладки лука найдены в могильнике Дуана на Устюрте (II—IV вв.) [16, с. 107, рис. 1—5].

Мастерская по изготовлению луков была вскрыта на городище Гяуркала в Парфии, где обнаружено скопление костяных обкладок луков [17, с. 179—180, рис. 10]. Сложные луки с костяными накладками так называемого гунского типа были широко распространены в Средней Азии и Восточной Европе в первых веках н. э. [18, с. 31; 19, с. 29, 40].

В целом, материал, извлеченный из нижних наслоений шурфа, датируется в пределах IV—III вв. до н. э.

Второй этап (V—III ярусы). От ранних наслоений памятника он отделен стерильными прослойками, а от верхних — пахсовой стеной. Здесь в основном найдены обломки керамических сосудов.

Хумы (рис. 3, 4) имеют массивный полуовальный валик по краю горловины, украшенный двумя рядами пальцевых вдавлений. Сосуды изготовлены из плохо промешанного теста, которое содержит значительное количество дресвы. На поверхности сосуда прослеживаются небольшие пустоты, образовавшиеся, видимо, от выгорания органических примесей. Внешняя поверхность облицована буровато-зеленым ангобом. Такие хумы находят аналогии в керамике правобережного Хорезма VII—VIII вв. [20, с. 236—239, рис. 3, 6].

Кувшины (рис. 3, 5) представлены фрагментами треугольных в сечении венчиков. Диаметр горловины 10—12 см. Черепок в изломе кирпично-красный. Снаружи поверхность красноватого цвета, изнутри бурого или зеленоватого. Описанные сосуды аналогичны хорезмийским афригидским широкогорлым кувшинам, датирующимся VII—VIII вв. [20, с. 241, рис. 6, 7, 10].

Найден миниатюрный сосуд, украшенный налепами в виде шишечек (рис. 3, 9). Е. М. Пещерева, исследующая семантику таких украшений [21, с. 97], видит в них передачу антропоморфных элементов.

На поверхности крепостных стен северо-восточного угла городища обнаружены фрагменты керамических оссуариев. Они прямоугольные в плане, на четырех ножках, прямоугольной в сечении формы, высотой 9—13 см. Толщина стенки 2—3 см, днище 3—4 см. Один из оссуариев имеет купольную крышку, углы которой слегка оттянуты вверх. Она увенчана двурогой ручкой и украшена налипной полоской с пальцевыми вдавлениями. Оссуарии

покрыты серовато-зеленым ангобом. Кости погребенного не сохранились. Захоронения в подобных оссуариях хорошо известны на некрополях древнего Миздахкана, Токкалы и датируются VII—VIII вв. [22, с. 120, табл. 10; 23, с. 120, рис. 25, 6].

Материалы V—III яруса относятся к среднему этапу жизни города, т. е. к VII—VIII вв.

Третий этап представлен частично наслоениями III—II ярусов. Здесь найдены фрагменты венчиков и стенки сосудов с покрытием из светлого ангоба. Среди них фрагменты ремесленного высокогорлого кувшина с массивной пластинчатой ручкой с желобком посередине (рис. 3, 8), сужающейся от венчика к плечикам. Черепок в изломе желтовато-розовый, хорошо обожженный. Сосуд украшен по плечикам несколькими горизонтально прочерченными полосами, поверхность облицована светлым ангобом. Все эти признаки характерны для хорезмийских кувшинов IX—XI вв. [24, с. 275, рис. 2, 2, 4]. Найдены также фрагменты сферических крышек с блоковидной ручкой, широко распространенные в Хорезме IX—XI вв. [24, с. 282, рис. 5]. Таким образом, материалы III этапа жизни городища датируются IX—XI вв.

Керамический материал, собранный с поверхности городища, представлен фрагментами чаш и мисок. Среди них венчики бадия, по краю которого нанесен орнамент в виде звездочки. Встречаются сосуды с бирюзово-зеленой поливой на внутренней стороне. На некоторых обломках чаш — орнамент в виде спирали в сочетании с горизонтальными линиями, расположенными на внутренней поверхности. Описанные сосуды по аналогии с керамикой из других позднесредневековых памятников Хорезма относятся к XVII—XIX вв. [24, рис. 44, 144; 25, с. 368].

Анализ собранного материала позволяет выделить в жизни памятника следующие периоды: IV—III вв. до н. э., VII—VIII вв. и IX—XI вв. Жизнь на городище продолжалась и в XVII—XIX вв., что подтверждают данные письменных источников. В связи с установлением факта изначального обживания территории Кыта уже в период ранней хорезмийской античности возникает вопрос о времени существования канала Ярмыш, орошавшего город и его окрестности.

Античные оросительные каналы в левобережной части Южного Хорезма брали свое начало из боковых протоков ДAUDANA [2, с. 86], а упомянутый город находился в его правобережной полосе на канале Ярмыш. Поскольку нижний слой памятника по всем археологическим признакам относится к IV—III вв. до н. э., то канал Ярмыш можно датировать этим же временем.

К той же эпохе относится и слой Топраккалы (Шаватской), находящейся в 17 км к западу от Кыта, на средней зоне канала Ярмыш. Все это свидетельствует о том, что магистральные каналы на правом берегу ДAUDANA были созданы еще в ранний период хорезмийской античности, а не в I—III вв. н. э., как считалось раньше [2, с. 52]. Разведки показали, что именно в то время весь

район правобережного Даудана становится одним из центров орошаемых земель левобережного Хорезма [26, с. 170].

По описанию арабских географов, в X в. на том месте, где Анушах провел каналы Шахабад и Ярмыш, находились два канала — Вадак и Буве общей длиной 96—143 км [26, с. 130]. Не доходя 30 км до Куны-Ургенча, они соединялись в одно русло [2, с. 201].

Я. Г. Гулямов, базируясь на указаниях средневековых авторов, правильно отождествил Вадак с Шахабадом, Буве с Ярмышем [2, с. 200, 201].

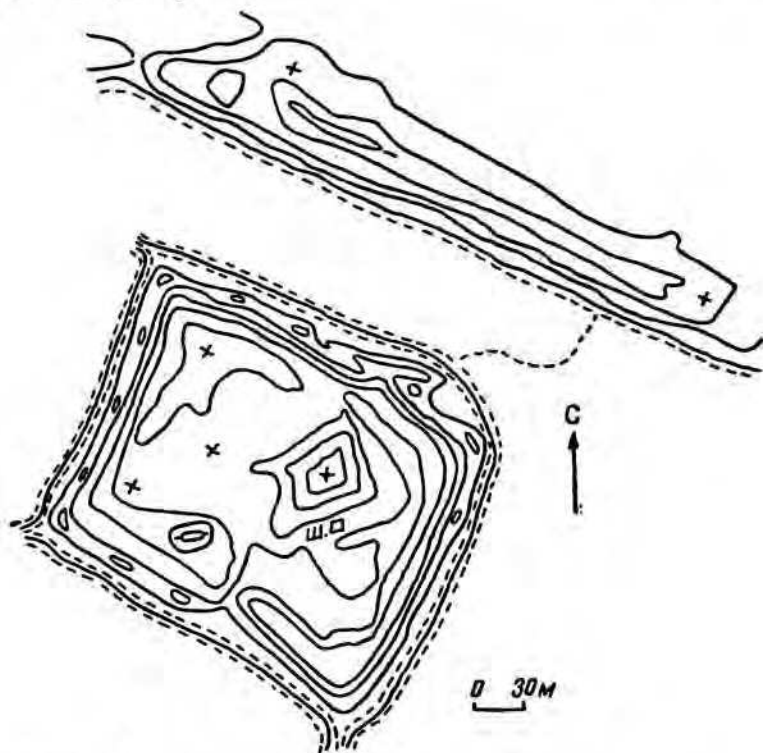

Рис. 4. Зарлыкишан-бобо. План.

В верхних частях канала Ярмыш (Буве) памятники XII—XIV вв. не обнаружены. Возможно, в конце XI в. канал Буве прекратил свое существование. С другой стороны, учитывая социально-политическую обстановку второй половины XVII в., представляется маловероятным строительство Анушахом, такого большого канала (длина — 96 км, ширина — 17,5 м, глубина — 2 м) [2, с. 200], как Ярмыш. Видимо, «ирригаторы» Анушаха использовали для новых каналов старые русла, обходя сухое русло Дарьялыка [2, с. 201].

Изучая оросительные сооружения XVI—XVIII вв. на землях древнего орошения левобережного Хорезма, Б. В. Андрианов при-

шел к выводу, что большинство магистральных каналов проходило по руслам старых [26, с. 182].

Городище Зарлыкишан-бобо. Памятник расположен в 11 км к юго-западу от г. Ургенча на территории колхоза «Ташкент». В плане городище имеет почти подпрямоугольную форму с длинной стороной 207×239 м, ориентировано углами примерно по странам света (рис. 4). Сохранились стены в виде оплывших валов, высотой 2—3 м и с отдельными всхолмлениями, указывающими на места бывших башен. В юго-западной стене имеется впадина — бывлой въезд в крепость.

Почти в центре памятника, ближе к юго-восточному углу, находятся остатки цитадели, представляющие собой почти подпрямоугольный холм высотой 2,7 м и размером 60×70 м. Углы его также ориентированы по странам света. Вокруг холма расположены земляные возвышения разного размера и формы, являющиеся, очевидно, остатками различных сооружений. Городище окружено широким рвом глубиной 1,4—2,1 м. В 250 м к северо-востоку от крепости протянулся на 300 м с востока на запад вал шириной 17—20 м, высотой 6—7 м.

Поверхность городища занята под кладбище и покрыта пухлым солончаком. Подъемного материала на памятнике мало. Обилие влаги и солей привело к полному разрушению керамики на поверхности. В обрезах современных мусульманских погребальных ям, осмотренных нами, выходит культурный слой. Для выяснения его мощности в восточной части памятника у цитадели был заложен стратиграфический шурф (2×2 м). Шурф прошел толщу культурных напластований мощностью 3 м и вышел на материк, представленный серым песком (рис. 5). Раскопки велись по ярусам в 0,5 м каждый. Выше материка прослежен глинистый слой с мелкими угольками, в начале VI яруса — темно-серый глинистый слой с включением угольков и фрагментов керамики. Вышележащий слой резко выделяется по структуре и содержанию. Он светло-коричневый, с комками глины. В слое встречаются фрагменты керамики, кости животных. В начале IV яруса проходит слой комковатой структуры, зеленоватого цвета с большим содержанием древесных угольков и белых солей. Местами здесь прослеживается прослойка песка толщиной 8—9 см. Находки представлены в основном керамикой из хорошо отмученного теста с желтоватым ангобом.

В конце III яруса виден темно-серый слой с включением угольков и фрагментов керамики. В начале III и в конце II ярусов проходит однородный слой толщиной 48—82 см с мелкими угольками и отдельными белыми пятнами. Здесь обнаружены фрагменты жженных кирпичей и обломки сероглиняной посуды. Между II—IV ярусами, на юго-западном разрезе шурфа расположена мусорная яма, заполненная зеленоватым рыхлым слоем с включением угольков, фрагментов керамики, а также обломками жженого кирпича. Здесь найдены синяя стеклянная бусина, обломок

бронзового гладкого браслета, фрагменты поливной керамики. В начале II — нижней половине I яруса идет серый комковатый слой с перемешанными обломками жженных кирпичей, занимавший большую часть площади шурфа. Выше структура слоя была нарушена поздними погребальными ямами. Здесь найден фраг-

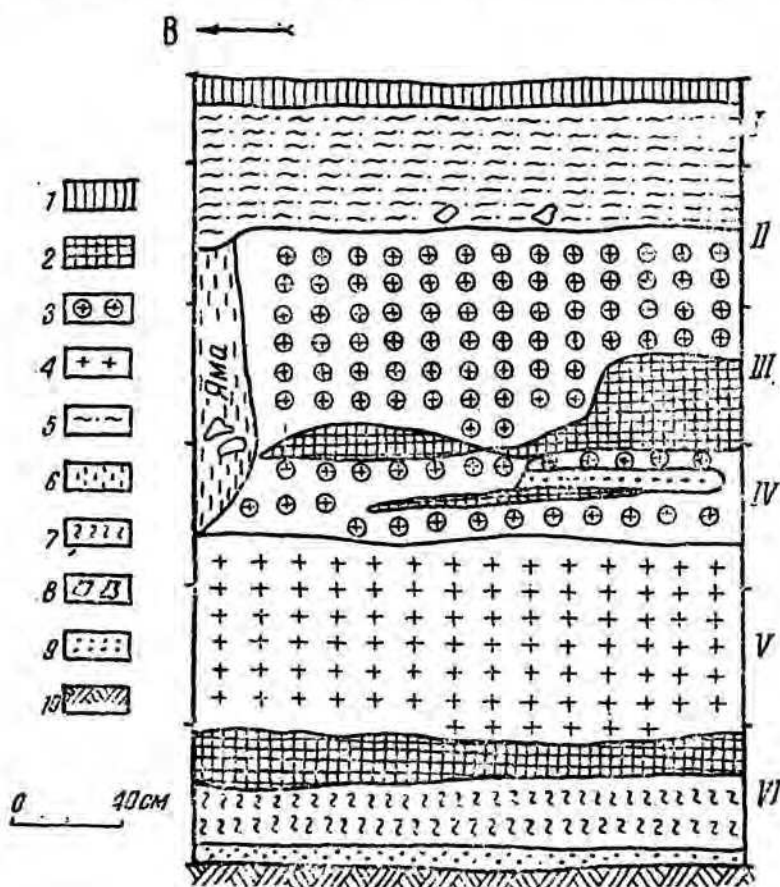

Рис. 5. Зарлыкшан-бобо. Разрез шурфа № 1:

1—дерновый слой; 2—темно-серый глинистый слой с включением угольков; 3—серый однородный слой с фрагментами керамики; 4—светло-коричневый слой с комками глины; 5—рыхлый, комковатый слой с обломками жженных кирпичей; 6—заполненные ямы; 7—плотный глинистый слой с мелкими угольками; 8—обломки жженных кирпичей; 9—серый песок; 10—материк.

мент сфероконауса. В начале I яруса — сплошной намывно-натечный слой. В нижних наслоениях шурфа керамики обнаружено мало, фрагменты невыразительные, представлены стенками кувшинов и хумчей. Сосуды сделаны из глины с примесью дресвы и шамота. Стенки в изломе красно-кирпичного цвета и покрыты зеленоватым ангобом. На стенках хумчей — прочерченный волнистый орнамент (рис. 6, 3). Сосуды, сделанные из аналогичного

глиняного теста и с подобной орнаментацией, характерны для керамики Хорезма VII—VIII вв. [27, с. 39, рис. 18, 18, 21].

Керамика IX—XI вв. сконцентрирована в V—III ярусах шурфа. Этим временем датируются фрагменты желтоглиняных кув-

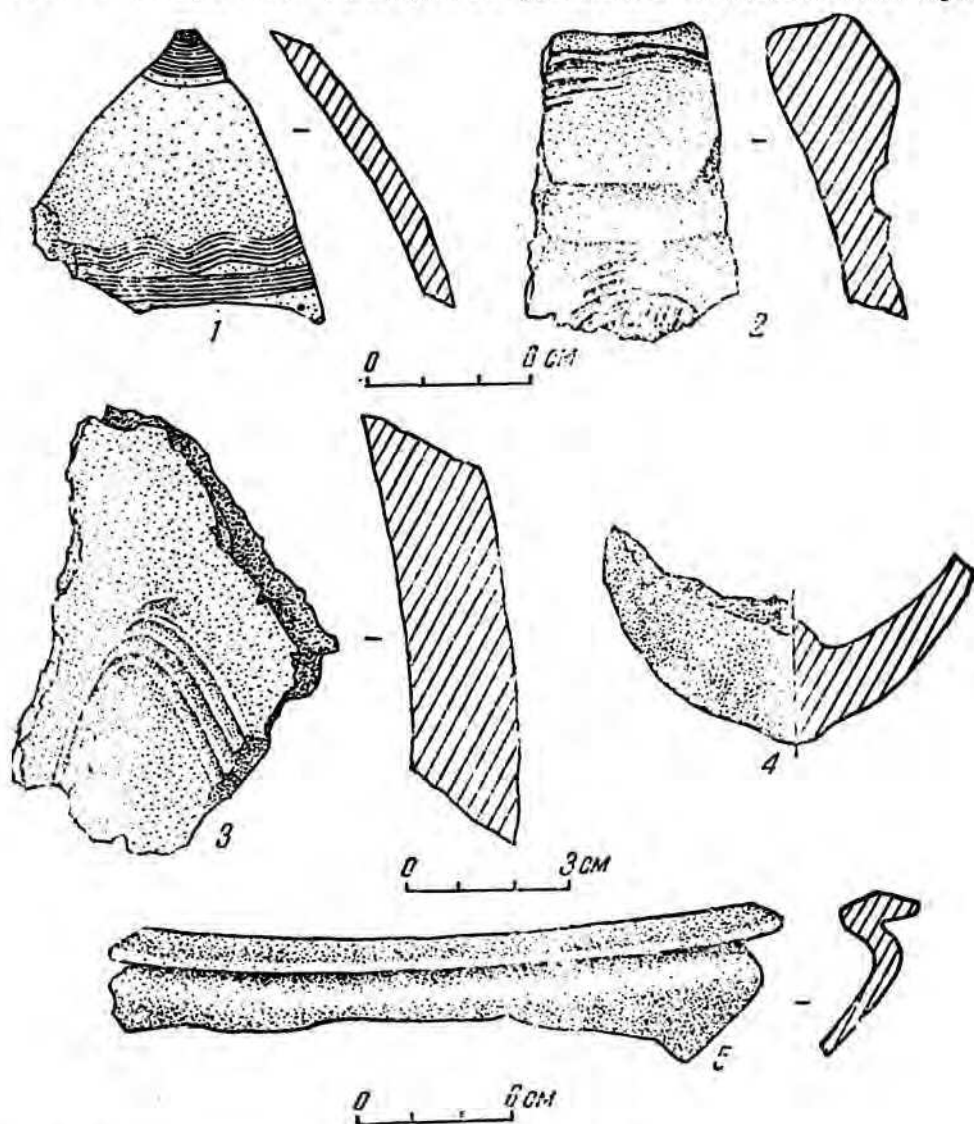

Рис. 6. Зарлыкишан-бобо. Керамика из шурфа № 1.

шинов (рис. 6, 1) и стенки хума с волнистым орнаментом. Имеются фрагменты кувшина с широкой продольной бороздкой на профилированной стороне. Из поливных изделий отметим фрагмент чаши, покрытой прозрачной поливой светло-желтого цвета

и украшенной тонким гравированным узором [24, с. 187, рис. 7, 6; 28, с. 75, рис. 51, 52]. Материалы из верхнего слоя ярусов относятся к XII—XIV вв.

Керамика II яруса представлена полочковидными венчиками сероглиняных мисок (рис. 6, 5). Поверхности сосудов покрыты темно-серым ангобом. Аналогичные типы посуды широко встречаются на хорезмийских поселениях и городищах XII — начала XIII вв. [29, с. 116, рис. 68, 14, 15; 24, рис. 44, 108].

В слоях I яруса обнаружена нижняя часть сфероконуса (рис. 6, 4) и фрагменты серых узкогорлых кувшинов. В верхней части тулово кувшина горизонтально каннелировано, поверхность его облицована темно-серым ангобом. Они изготовлены из хорошо отмученного теста серого цвета. Такие сосуды характерны для керамики Хорезма XII—XIV вв. [24, с. 307, рис. 22, 6].

Таким образом, анализ материала, извлеченного из шурфа, показывает, что жизнь на городище возникла в VII—VIII вв. и продолжалась до XIV в.

Анализ письменных источников позволяет установить средневековое наименование городища.

Персидский географ Хамдаллах Казвини (род. 1281/82 гг.) описывает маршрут пути, соединявшего Мерв с Хорезмом (Куния-Ургенчем). Согласно его сообщению, «...От Хазараспа до деревни Азрак 9 фарсахов, затем до Ракушмейсана (Ардахушмисана) 7 фарсахов» [30, с. 511]. Судя по этим данным, расстояние между Хазараспом и Азраком примерно 60 км. На таком расстоянии к западу от г. Хазараспа расположено городище Зарлыкишан-бобо и от него на расстоянии 7 фарсахов (42 км) к северо-западу на прямой дороге в Куния-Ургенч находится городище Ваянган (I—XIV вв.), отождествляемое со средневековым городом Ардахушмисаном [2, с. 154]. Следовательно, можно предположить, что городище, найденное весной 1973 г. между Хазараспом и Ардахушмисаном, — остатки упоминаемого в письменных источниках средневекового селения Азрак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч. Т. III, М., 1965.
2. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
3. Материалы по истории туркмен и Туркмении. В 2-х т. Т. II. М.—Л., 1938.
4. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.
5. Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
6. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с ее окрестностями. — ЗРГО, кн. 5, СПб., 1851.
7. Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. — ЗРГО, кн. 5. СПб., 1851.
8. Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. — ЗРГО, кн. 5. СПб., 1861.
9. Каульбарс А. В. Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 году. — ЗРГО, т. 9. СПб., 1881.

10. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг.—МХЭ, вып. 6. М., 1963.
11. Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П., Юсупов Н., Кожаньязов Х. Исследования в Хорезмской области. АО—1974. М., 1975.
12. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
13. Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХАЭЭ, т. V. М., 1967.
14. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.).—ТХАЭЭ, т. I. М., 1953.
15. Лоховиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении.—В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
16. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1973.
17. Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника Парфянского времени на городище Гяур-кала.—ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963.
18. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
19. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей Ирана в скифосарматскую эпоху.—В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
20. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода.—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
21. Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.
22. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
23. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
24. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
25. Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе.—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
26. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1963.
27. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
28. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
29. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-топографические очерки.—ТХАЭЭ, т. IX. М., 1976.
30. Материалы по истории туркмен и Туркмении. В 2-х т. Т. I. М.—Л., 1939.

ГОРОДИЩЕ ХАЙВАНКАЛА— РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЕРДЕР

Городище Хайванкала — один из наиболее значительных памятников раннесредневекового удельного владения Кердер, представляющий поздний этап развития его материальной культуры [1, с. 10].

Первые упоминания о Хайванкале появляются в литературе еще в прошлом веке [2, с. 451—452]. Научное обследование памятника впервые произведено Каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1947 г. [3, с. 190; 4, с. 637—638]. Собранные материалы позволили С. П. Толстову предварительно датировать городище VII—X вв. и высказать предположение о возможности идентификации его с известным по средневековой арабо-язычной историко-географической литературе городом Кердер [3, с. 190].

Сборы подъемного материала, произведенные во время обследования городища в 1947 г., позволили Н. Н. Вактурской и Е. Е. Неразик впервые охарактеризовать керамический комплекс этого памятника [5, с. 274; 6, с. 252—255]. Особенно следует отметить работу Е. Е. Неразик. Ей удалось на весьма скудном подъемном материале выявить существенное отличие керамики Хайванкалы от ранее известной на синхронных памятниках Хорезмского оазиса и близость хайванкалинской керамики к керамике степных племен — северных соседей Хорезма [6, с. 255].

В 1958 г. памятник обследовался Правобережным археологическим экспедиционным отрядом Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР (ИИЯЛ КК ФАН УзССР). Собранные данные позволили подтвердить предварительную датировку Хайванкалы, предложенную С. П. Толстовым [7, с. 263—264]. В 1961 г. экспедиционный отряд ИИЯЛ КК ФАН УзССР впервые произвел раскопки Хайванкалы. Было заложено два раскопа. В результате раскопок выявлен мощный культурный слой, разделенный на несколько стратиграфических горизонтов. Вокруг Хайванкалы обнаружены остатки неукрепленного поселения. В 1967 г. ИИЯЛ КК ФАН УзССР была проведена специальная аэрофотосъемка памятника, давшая исследователям великолепный материал для изучения его топографии.

Это городище находится на левой стороне эпизодически функционирующего протока Амударьи Шортанбай в Кегейлинском районе Каракалпакской АССР. Местность, где расположен памятник, низменная, затопляемая во время разливов Амударьи. Городище также неоднократно затапливалось. О больших наводнениях рассказывают местные жители. О затоплении в прошлом веке как окрестностей, так и самой Хайванкалы упоминается и в литературе [2, с. 452; 8, с. 111]. По этой причине, а также из-за близости подпочвенных вод грунт на городище мокрый и засоленный.

Памятник густо порос гребенщиком и окружен тугайными зарослями. В плане Хайванкала представляет собой прямоугольник (рис. 1) со сторонами в 400 и 500 м, вытянутый почти точно с севера на юг. Оплывшие валы внешних стен прослеживаются по всему периметру. По линии север—юг она разделена пополам центральным понижением. Перпендикулярно к нему по сторонам симметрично расположено по девять валов. Друг от друга и от внешних валов они также отделены понижениями, поднимаясь над их уровнем на 1,5—2 м. Ширина валов достигает 36—40 м.

Восточная стена между четвертым и пятым валами, считая с юга, разрезана резким понижением, как и южная стена по линии центрального понижения. Возможно, здесь были входы в городище. В 0,5 км к северу от него находится конический холм искусственного происхождения, поднимающийся над окружающей местностью на 3,6 м. Диаметр его основания — 17 м. Ни керамики, ни следов застройки между городищем и холмом не обнаружено. На вершине — слой мокрого, сильно засоленного суглинка.

Подъемного материала на Хайванкале чрезвычайно мало. Обилие влаги и солей способствовало полному разрушению керамики на поверхности. Плохо сохранились и жженные кирпичи, часто встречающиеся на городище. Существенное место в подъемном материале занимают обломки стекла.

За пределами городища с южной его стороны, как уже отмечалось выше, расположено огромное, видимо, неукрепленное поселение, во много раз превосходящее его по площади. Плоские бугры сильно оплывших построек находятся в густых тугайных зарослях, так что определить общую площадь поселения трудно.

Первые данные о стратиграфии Хайванкалы и характере сооружений, дошедших до нас в виде длинных «валов», получены во время раскопок 1961 г. в раскопе 1, заложенном в западной половине городища на втором валу с юга (рис. 1). Было выяснено, что мощность культурных отложений здесь около 3,5 м, и вся эта толща разделяется на четыре стратиграфических горизонта, каждый из которых характеризуется частичной или полной перестройкой по отношению к другому.

Установлено также, что «вал» представляет собой остатки огромного дома-массива. Общий характер планировки его остался не выясненным из-за ограниченности площади раскопа. Пониже-

ния между валами являлись улицами, на которые из домов-массивов выходили через длинные коридоры. Один из таких коридоров частично вскрыт в раскопе. Улицы были замощены сплошным толстым слоем битой керамики и жженого кирпича. Видимо, эти «мостовые» возникли стихийно. Выбрасывавшийся из домов мусор растапывался ровным слоем по улице.

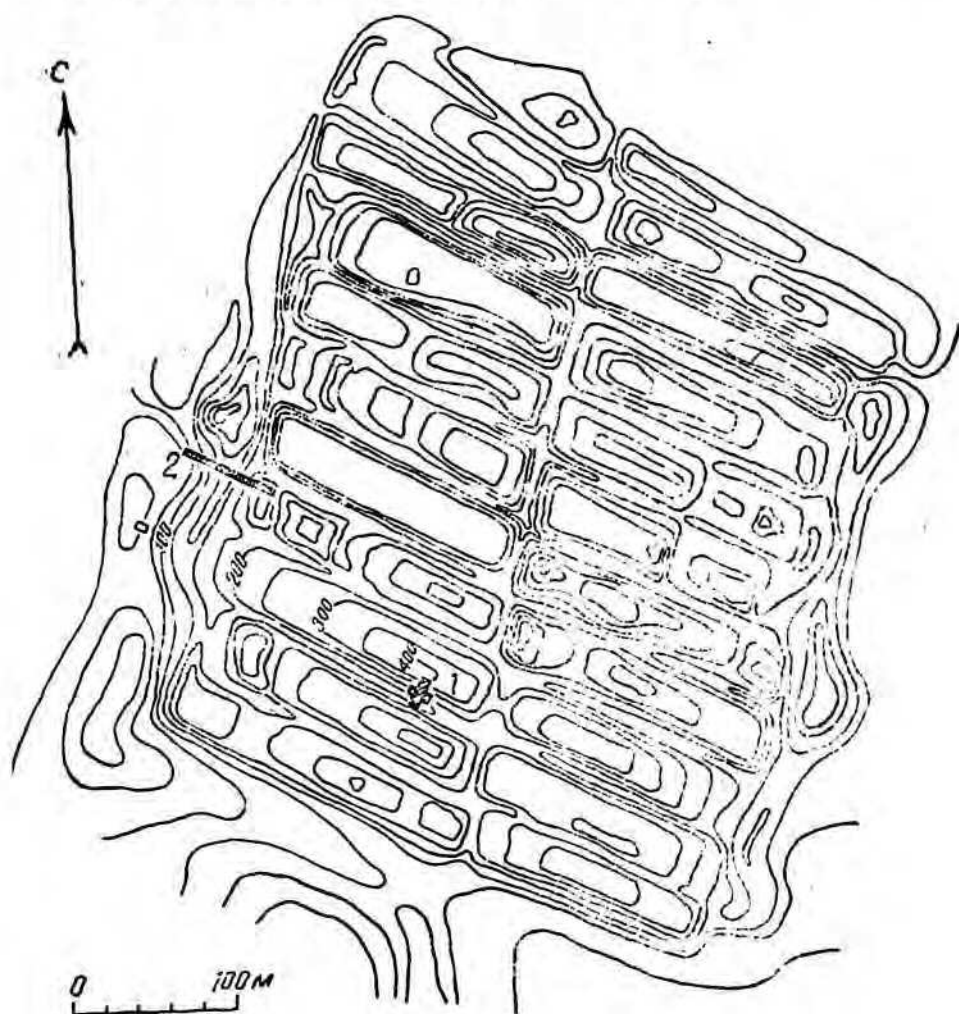

Рис. 1. Хайванкала. План.

Обратимся к индивидуальной характеристике каждого строительного горизонта¹.

Горизонт 1. Находится на уровне от 40 до 180 см. Вскрыт на небольшой площади 4 м² (рис. 2) от условного нуля, принятого для промеров на городище. Никаких конструкций в пределах го-

¹ Нумерация горизонтов снизу вверх.

ризонта не обнаружено. Вся толща его слоя представляет собой переслаивающиеся культурные напластования и полы. Они лежат на материке — плотном темно-коричневом суглинке с редкими локальными прослойками серого амударьинского аллювия. В суглинке вырыты ямы. Прямо по суглинку положена саманно-глиняная обмазка пола. Всего в пределах I горизонта зафиксировано три пола, лежащих один над другим (№ 5—7); первый (пол №7) — непосредственно на материке, два других (№ 6, и № 5) — на слое плотно утрамбованной глины. Поверхность этих полов обмазана в несколько слоев саманно-глиняным раствором. Глинистые культурные слои, лежащие на полах, ярко-зеленой окраски. В слоях много керамики, костей животных и рыб, а также обломков кирпича-сырца.

На полах отмечено по несколько очагов. Все они представляют собой круглые ямы, заполненные золой и углями. Глина у очагов прокалена докрасна. Один очаг усложненной конструкции. Выкопана круглая яма в полу, в нее насыпан серый амударьинский аллювий, в нем, в свою очередь, выкопана еще одна круглая ямка, заполненная золой и древесными углями.

Аналогичные кострища с ямками — обычный элемент интерьера жилых помещений на раннем этапе развития кердерской культуры (конец VII — середина VIII в.). Они, в частности, обнаружены при раскопках раннекердерского поселения Курганча [9, с. 25—26, рис. 11, 5].

Горизонт II. Находится на уровне от 180 до 300 см. Подобно первому вскрыт на площади в 4 м² (рис. 2, см. с. 88—89). Почти всю его толщу занимает кладка из квадратного сырцового кирпича размером 30—32×30—32×5—6 см. Из-за высокой влажности кладка прослеживается лишь местами, где в качестве раствора использована глина, замешанная, видимо, на культурном слое и имеющая вследствие этого ярко-зеленую окраску. Кирпичи четко выделяются в зеленых рамках раствора. Верх кладки выровнен и на него положен пол № 4, представляющий собой несколько слоев саманно-глиняной обмазки. На этом полу отмечены обе разновидности уже описанных выше очагов в виде круглых ямок. Находки немногочисленны: в основном керамика и несколько сильно окислившихся медных монет.

Горизонт III. Находится на уровне 300—400 см (рис. 2, 3). Сооружения данного горизонта вскрыты на большой площади, что позволяет в какой-то степени проследить планировку помещений дома-массива (рис. 4).

Частично вскрыто шесть помещений. Одно из них (№ 4) — длинный коридор, выводящий на улицу. Стены помещений перпендикулярны или параллельны длинной оси дома-массива. Они сооружены из сырцовых квадратных кирпичей размерами 28—30×28—30×4—6 см, положенных на глиняном растворе. Полы представляют собой простые утопанные земляные поверхности, на которых кое-где видна саманно-глиняная обмазка. В по-

мещении № 3 сохранилась настилка камышовых циновок. В других помещениях пол прикрыт тонкими слоями золы или песка.

Почти во всех помещениях на полах прослежены бесформенные слабо прокаленные пятна кострищ, засыпанные золой и углем. Судя по большому количеству кострищ, их беспорядочному расположению и слабой прокаленности пола, они не имели постоянного места. Примечательно, что под несколькими кострищами находится подсыпка из серого амударьинского аллювия, аналогичная подсыпке, производившейся в некоторых очагах-ямках I—II строительных горизонтов. Костры служили местом приготовления пищи, около них проходили трапезы—полы вокруг всех кострищ густо засыпаны костями и чешуей рыб.

В помещении № 3 зафиксирован очаг в горшке, поставленном на пол и снаружи обмазанном глиной. Внутри находилась чистая зола. Пищевых отходов рядом с очагом в горшке не обнаружено, очевидно, он служил просто для обогрева помещения, выполняя функции жаровни. Огонь в очаге, видимо, не разводился, а в него просто насыпали угли. Упомянутая выше настилка камышовых циновок прослеживается именно вокруг этого очага. Аналогичные очаги-жаровни характерны для раннекердерских поселений [9, с. 26—27, рис. 11, 9].

Здесь же поблизости от очага в пол, вровень с ним, закопана хумча без дна, горлом вверх. Она была заполнена зелеными пористыми слоистыми намывами и служила, вероятно, поглотительной ямой.

В описываемом ярусе найдено значительное количество обломков жженого кирпича, а также сооружения из него. В помещении № 2 обнаружена прямоугольная в плане плоская кирпичная выкладка на полу, вплотную примыкавшая к северной стене помещения и даже несколько в него врезанная. Размеры выкладки—2×2 м, кирпичей, из которых она сооружена—30×30×4—5 см. Выкладка из жженого кирпича тех же размеров и его обломков находится в глубокой нише, вырубленной в южной стене помещения.

Культурные слои в рассматриваемом ярусе глинистые, зеленой или желтоватой окраски, содержат значительное количество находок. Подавляющее большинство их составляет керамика, несколько меньше костей животных и рыб. Множество обломков жженных и сырцовых кирпичей. Довольно много поделок из кости, а также рогов со следами опиловки и подтески их. Найдены железные изделия, медные, сильно окислившиеся монеты.

Горизонт IV. Вскрыт подобно предыдущему на большой площади на уровне 360—420 см (рис. 3). Содержимое его (конструкции, культурные слои, находки) сильно изъедено солью. Керамика расслаивается, жженный кирпич рассыпается в крошку, сырцовые кирпичи заплывают в сплошную аморфную массу. Поскольку этот ярус наиболее близок к поверхности, его конструкции сильно разрушены, особенно в южной части раскопа, на склоне «ва-

ла». В северной, более высокой, части раскопа конструкции лучшей сохранности.

Судя по остаткам стен, выявленным с большим трудом, в этом горизонте в основном сохраняется планировка предшествующего (рис. 5). Вводится только новая стена, разделившая помещение № 1 на два. Она сложена из сырца тех же размеров, что и кирпичи в стенах III горизонта. Полы представляют собой просто утрамбованную земляную поверхность, густо присыпанную золой и песком. Сохранились они только в северной части раскопа. В полу помещений — очаги в виде круглых углублений и простые кострища.

Обнаружена также поглотительная яма глубиной более двух метров, состоящая из последовательно вставленных друг в друга двух кувшинов и хумов (рис. 5).

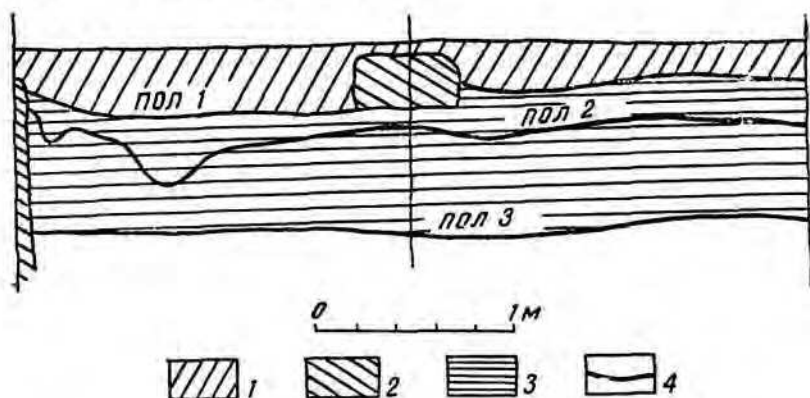

Рис. 3. Хайванкала. Раскоп 1, разрез по линии II—II:

1—рыхлый засоленный песчано-глинистый грунт зеленоватого цвета; 2—сырцовые стены; 3—песчано-глинистый культурный слой зеленоватого цвета; 4—глиняные обмазки полов.

Находки в пределах горизонта по сравнению с предыдущими немногочисленны. Это в основном сильно изъеденная солью керамика, кости животных, окислившиеся медные монеты.

Анализ комплекса полученных данных показал, что дом-массив, очевидно, связан только с III и IV строительными горизонтами. В первых двух характер сооружения был, вероятно, иным.

Раскоп 2 шириной 2 м заложен на валу, ограждающем городище с западной стороны. Концы раскопа у основания вала с обеих сторон были опущены на значительную глубину. Удалось установить, что городище окружал плоский широкий вал, сложенный из битой глины (пахсы). Ширина вала — 24 м, на его плоской вершине находились какие-то постройки. Из-за небольшой площади раскопа характер их остался невыясненным. Только в одном месте обнаружены остатки стены, сложенной из сырца размером $30 \times 30 \times 4$ —5 см, толщиной в один кирпич. Стена идет вдоль вала. Культурные слои бедны находками. В них чрезвы-

чайно мало пищевых отбросов костей рыб и животных. Характерно также полное отсутствие очагов в виде круглых углубленных ям и кострищ, служивших для приготовления пищи. В описываемом раскопе имеется несколько очагов в сосудах, аналогичных обнаруженному в раскопе I.

В ряде мест найдены закопанные в пол заподлицо с ним небольшие кувшины с отбитым горлом. Все это убеждает в том, что в отличие от явно жилого назначения раскопа I здесь постройки иного характера. Однако определить их назначение по скудным данным, полученным в 1961 г., затруднительно.

У основания вала с внутренней стороны отмечаются линзообразные слои, оставленные медленно текущими и стоячими водами. Видимо, они образовались во время неоднократных затоплений памятника.

С внешней стороны вала — глубокое и, судя по характеру окружающего рельефа, широкое понижение (возможно, ров), заполненное различными отбросами, которые, как это можно проследить на разрезе, сваливались сюда с вала.

Таким образом, топография Хайванкалы представляется следующей. Внутри параллелограмма пахсовых валов расположено по девять домов-массивов, между которыми узкие улицы и одна центральная, разделяющая постройки на два параллельных ряда. От валов постройки также отделены узкой улицей, огибающей городище по периметру. Такое расположение домов-массивов характерно как для раннего, так и для позднего этапов развития кердерской культуры.

В топографическом отношении Хайванкала чрезвычайно близка поселению Курганча — памятнику раннекердерской культуры. Выделенная древнейшая часть Курганчи — «регулярная планировка» — аналогична в топографическом отношении Хайванкале [9, с. 13—15, рис. 5]. У обоих памятников вокруг основного ядра, более сложного на Курганче и возникшего, судя по регулярности планировки, единовременно, находится огромное неукрепленное поселение с неустойчивыми и трудноуловимыми границами, которое, видимо, складывалось долго и стихийно. Подобная ситуация, четко прослеженная на раннекердерском поселении Курганча [9, с. 12 и сл.], отражает процессы сложения раннесредневекового города на полукочевой периферии Хорезма.

Во время раскопок 1961 г. собрана значительная коллекция керамики, которую по технологическим признакам можно разделить на три группы: станковая неполивная; станковая поливная; лепная посуда, изготовленная без применения гончарного круга. Количественно преобладает керамика первой группы, несколько меньше сосудов третьей группы и совсем немногочисленна вторая группа.

Сосуды первой группы (рис. 6) наиболее разнообразны по формам.

Хумы. Встречается несколько разновидностей: толстостенные большие хумы (диаметр горловины 45, толщина стенок 2,0—2,5,

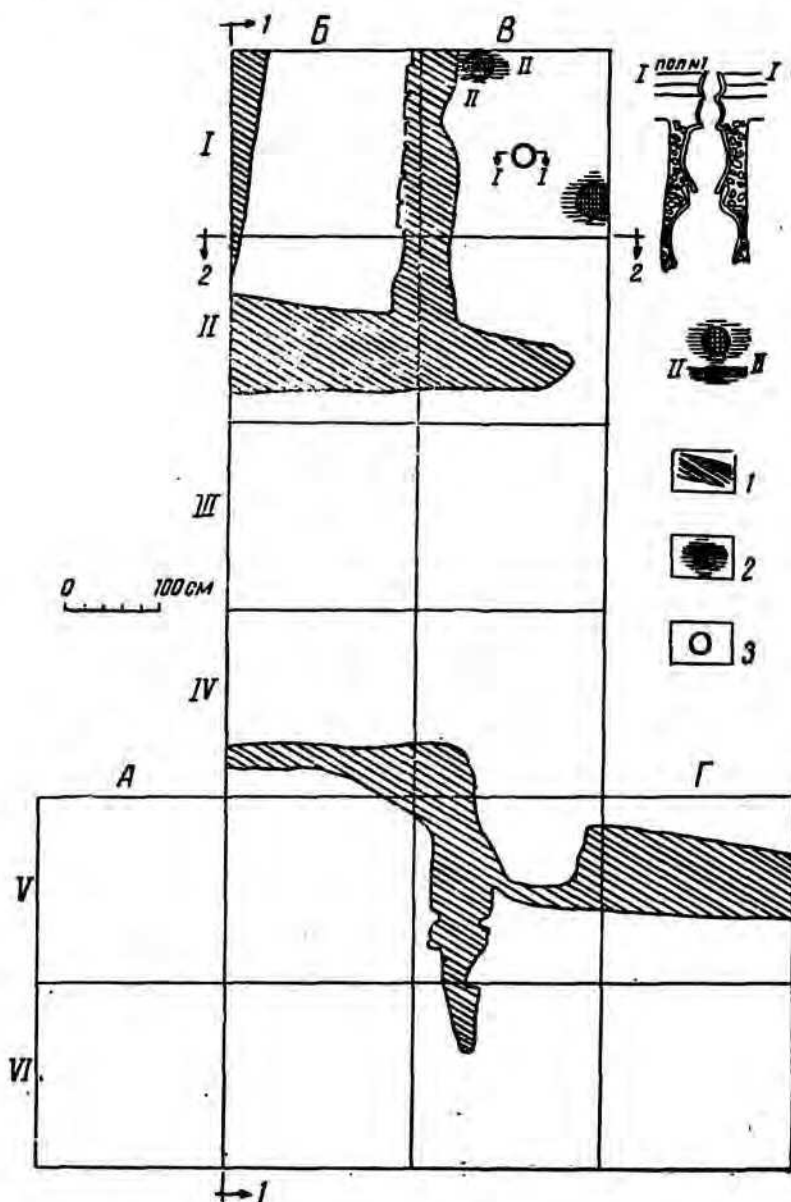

Рис. 5. Хайванкала. Раскоп 1, план по уровню IV строительного горизонта:

1—сырцовая стена; 2—очаг в ямке; 3—устье поглотительного сооружения.

высота 110—120 см), аналогичные описанным Е. Е. Неразик для афригидского Хорезма и датируемым концом VII — первой поло-

виной VIII в. [6, с. 236, 238]. В материалах Хайванкалы такие хумы или их фрагменты немногочисленны (рис. 6, 1). Как правило, они применялись в поглотительных сооружениях. Видимо, в данном случае мы имеем дело со вторичным использованием этих хумов.

Обнаружены также хумы в виде вытянутого бочонка, суживающегося книзу (рис. 6, 2). В Хорезме подобная форма неизвестна. Впервые описала ее Е. Е. Неразик по подъемному материалу с Хайванкалы. Исследовательница сближает описанные хумы с тюркской керамикой среднего течения Сырдарьи и датирует их концом VIII — началом IX в. [6, с. 254]. На Хайванкале находки фрагментов аналогичных сосудов отмечены в III строительном горизонте.

Третья разновидность — хумы со слегка выпуклым дном, яйцевидным вытянутым туловом без венчика (рис. 6, 3). Верхняя часть внешней поверхности сосуда украшена пышным гребенчатым и вдавленным орнаментом. Хумы такого типа описаны Н. Н. Вактурской, широко распространены в Хорезме и датируются там IX—XI вв. [5, с. 273—274, рис. 1, 18, 1]. На Хайванкале подобные находки приурочены к I и II строительным горизонтам.

Кувшины. Большинство сосудов плоскодонны, с яйцевидным туловом, высоким цилиндрическим горлом и вертикальной полоской в сечении коленчатой ручкой (рис. 6, 5). Аналогичная керамика описана Н. Н. Вактурской и широко представлена в хорезмийских материалах IX—XI вв. [5, с. 276—277, рис. 2, 4, 6—9].

Следует выделить фрагмент кувшинчика, найденный на раскопе 2 Хайванкалы и не имеющий аналогий в Хорезме. Как и весь материал этого раскопа, он датируется IX—X вв. Кувшинчик (рис. 6, 6) узкогорлый, с округлым, слегка вытянутым вертикально туловом, вертикальной ручкой и рельефной полоской, отделяющей горло от тулова. Изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной и хорошо промешанной глины. Обжиг ровный, черепок в изломе красный. Внешняя облицовка — высококачественный ангоб красного цвета. По качеству теста и ангоба сосуд напоминает лучшие образцы античной ремесленной керамики Хорезма.

Дигирь (рис. 6, 7). Чигирный горшок. Аналогичные сосуды хорошо известны в Хорезме, описаны Н. Н. Вактурской [5, с. 280, рис. 18, 30].

Миски. Обнаружено несколько разновидностей. Изготовлены на гончарном круге из хорошо промешанной глины, имеющей незначительные примеси дресвы или кристаллического гипса. Внешняя поверхность сосудов покрыта низкокачественным беловатого или желтоватого оттенка ангобом. Все миски конической формы и различаются в основном формой венчика.

Одна из разновидностей мисок выделяется подтреугольным в сечении венчиком, внешняя сторона которого опоясана по кругу тремя или четырьмя желобками (рис. 6, 13). Аналогичные образцы встречаются в подъемном материале поселения Чаштепа близ

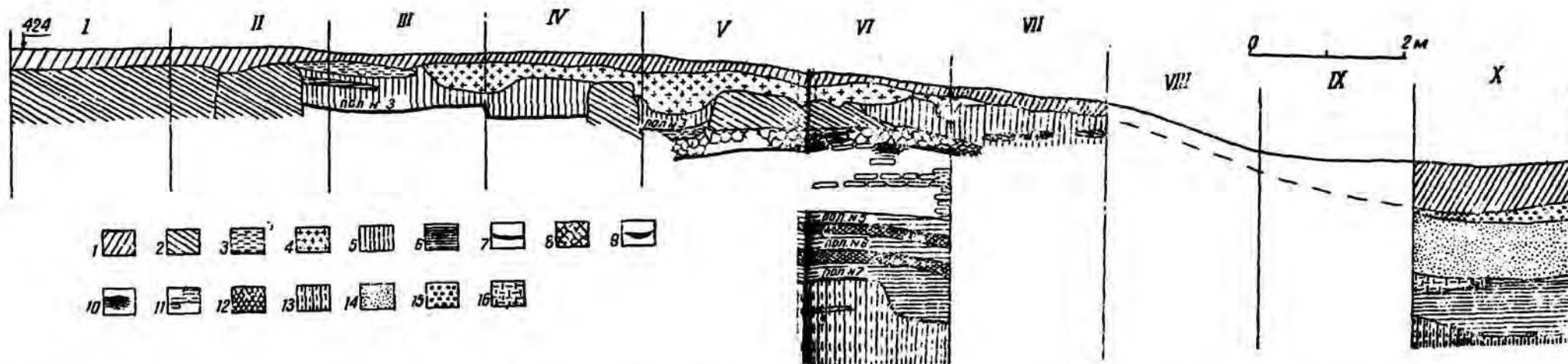

Рис. 2. Хайванкала. Раскоп 1, разрез по линии 1-1:

1—рыхлый засоленный грунт; 2—сыровые стены; 3—глинисто-ячеистый слой; 4—плотная аморфно-леноватого цвета; 7—глиняные обмазки полов; 8—комковатая глинистая забутовка; 9—золистые дноок плотный, коричневый; 14—мелкозернистый, серый аляксив; 15—зеленоватый глинистый

ная глина; 5—рыхлый глинистый культурный слой; 6—культурный слой песчано-глинистый аэропрослойки; 10—очаги в ямках; 11—сыровая кладка; 12—уплотненный глинистый слой; 13—суг-культурный слой с золой; 16—коричневатый слоистый, глинистый культурный слой.

Ташкента, датирующегося III—V вв. н. э. [10, с. 155, описание с. 154, рис. 4, 4—5]. Автор публикации оговаривает, однако, что часть керамики на поселении, возможно, происходит из более поздних разрушенных слоев.

На некоторых мисках имеется валикообразный венчик и валик, опоясывающий сосуд под венчиком (рис. 6, 14, 15). Найденны миски с вертикальными петлевидными ручками (рис. 6, 15). Бережок валикообразных венчиков иногда украшался волнистой полосой, прочерченной гребенкой. Такие миски в Хорезме неизвестны, впервые выявлены они в подъемном материале Хайванкалы Е. Е. Неразник и датированы ею VII—VIII вв. н. э. [6, с. 253, рис. 11, 8—9, с. 254—255]. В 1962 г. фрагмент аналогичного сосуда найден на Гяуркале (Миздахкан) в слое XII в.

Миска, обнаруженная в слоях строительного горизонта II (рис. 6, 17), выделяется круглым в сечении валикообразным венчиком и резким переломом стенок, образующим ребро, которое опоясывает сосуд. Он изготовлен на гончарном круге из хорошо промешанного, не имеющего примесей теста. Обжиг ровный; черепок в изломе красный. Сосуд облицован красным ангобом плохого качества, на внешней поверхности — полосчатое лощение, полосы расположены горизонтально. Аналогии для описанной миски неизвестны. Датируется она тем же временем, что и весь строительный горизонт II, в слоях которого она найдена.

Единственным экземпляром представлена большая миска с выпуклым дном и слегка расходящимися в стороны наклонными стенками (рис. 6, 16). Обнаружена в слоях раскопа 2. Изготовлена на гончарном круге из хорошо промешанного теста с примесями кристаллического гипса. Обжиг ровный, черепок в изло-

ме красный. На бережке следы волнистого гребенчатого орнамента.

Чаши (рис. 6, 18). Нижняя часть коническая, верхняя плавно отогнута внутрь, бережок округлен или приотстрен. Дно плоское. Чаши изготовлялись на гончарном круге из хорошо промешанного теста с незначительными примесями гипса. Обжиг ровный, черепок в изломе красный. Поверхности облицовывались желтоватым ангобом. Найденны во II—III строительных горизонтах. Аналогии в Хорезме отсутствуют.

Горшки. Обнаружено несколько разновидностей. Горшки баночной формы (рис. 6, 11, 12), изготовленные на гончарном круге, представлены немногочисленными черепками (строительный горизонт I). Подобные сосуды описаны Н. Н. Вактурской в хорезмийских керамических комплексах XII—XIV вв. [5, с. 310, 313, 314, рис. 26, 1, 2].

Горшки второй разновидности (рис. 6, 8, 10) найдены в слоях строительного горизонта II. У них низкая вертикальная горловина с выступом для крышки на внутренней стороне, округлое, сильно раздутое тулово и плоское дно. Сосуды изготовлены на гончарном круге из тонкоотмученной и хорошо промешанной глины. Формовка производилась на подсыпке из песка. Обжиг ровный, черепок одного из горшков (рис. 6, 10) на изломе красный, другого (рис. 6, 8) — серый. Внешняя поверхность последнего облицована темно-серым ангобом и украшена циркульным и вдавленным в виде треугольника орнаментом. Аналогии неизвестны.

Горшок третьей разновидности, обнаруженный в строительном горизонте III (рис. 6, 9), с высокой и широкой цилиндрической горловиной, отделенной от округлого тулова рельефным валиком.

Изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо промешанной глины. Обжиг ровный, черепок в изломе красный.

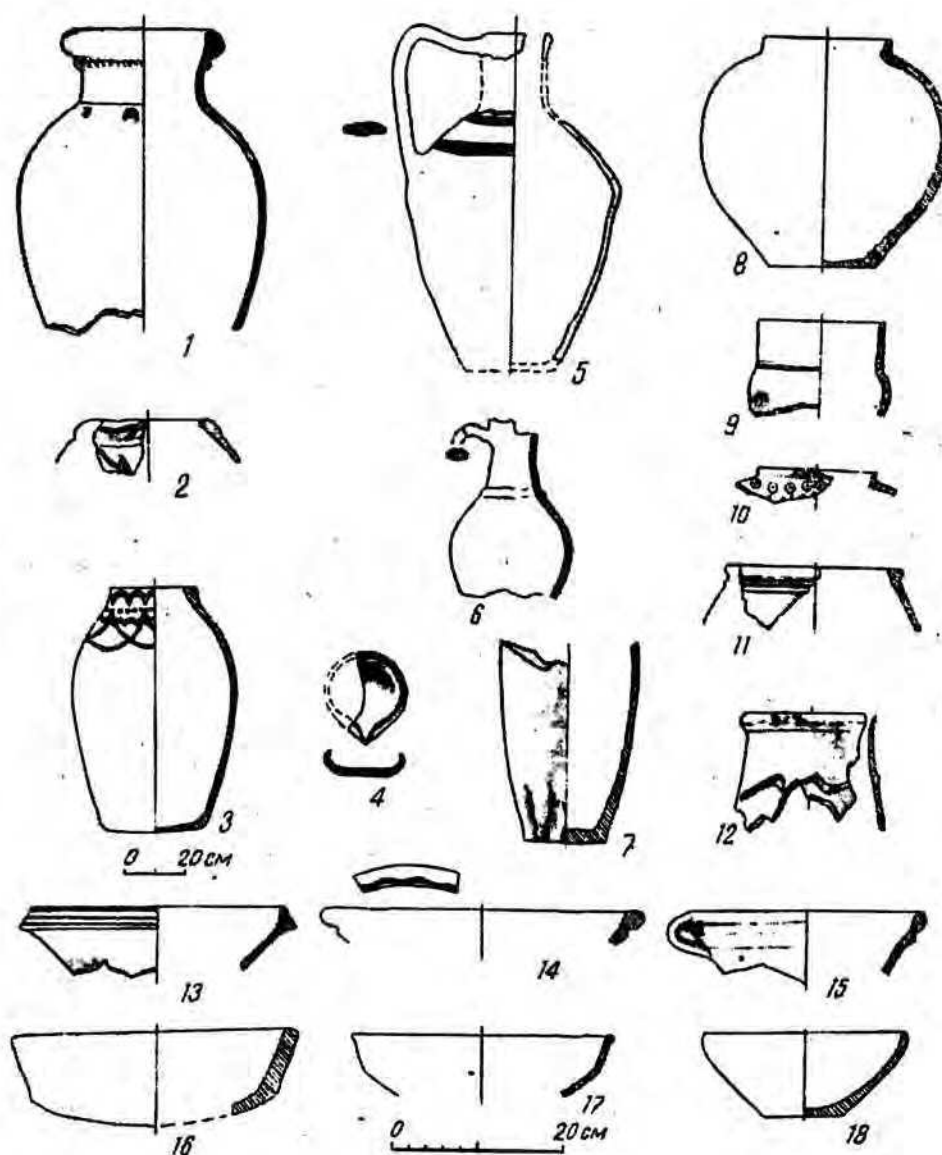

Рис. 6. Хайванкала. Керамика первой группы.

Внешняя поверхность облицована высококачественным красным ангобом. Аналогии неизвестны.

Чираги. Найден лишь один экземпляр (рис. 6, 4) в слоях строительного горизонта II. Светильник в виде небольшой чаши, борт которой в одном месте оттянут в сливчик. Изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо promешанной глины без примесей. Обжиг ровный, черепок в изломе серый. На серых поверхностях чирага — полосчатое лощение. Описываемый экземпляр сильно отличается от хорезмийских.

Особую группу составляет поливная керамика. Все найденные фрагменты принадлежат чашам конической или сегментовидной формы на дисковидном поддоне. Сосуды изготовлены на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо promешанной глины, не имеющей посторонних примесей. Обжиг ровный, черепки на изломе кремового или красного цвета.

По характеру росписи, составу и качеству поливы можно выделить две подгруппы. В первую (рис. 7, 1—3) входят чаши с расплывчатой зеленой, коричневой и желтой росписью на внутренней поверхности. Рисунок сводится к пятнам, подтекам и линиям неопределенных очертаний; иногда геометрической формы. Поверх росписи сосуды облицованы мутной, полупрозрачной поташной поливой, нанесенной неравномерным слоем. Такие чаши обнаружены в строительных горизонтах II—III. Подобные изделия характерны для Хорезма в IX—X вв. [5, с. 286, рис. 7]. Аналогичная поливная керамика имеется в материалах городища Тали-Барзу в верхних его слоях (ТБ-VI), датирующихся VIII в. [11, с. 98—99]. Отмечаются аналогии и среди ранней поливной керамики Афрасиаба, датирующейся первой половиной VIII в. [12, с. 15], и за пределами Средней Азии, на Ближнем Востоке, в слоях IX в. г. Самарра [13].

В другую подгруппу (рис. 7, 4, 5) входят чаши, покрытые поверх росписи ровным слоем прозрачной свинцовой поливы. Роспись отчетливая, кистевая, наносилась желтоватой, коричневой и черной красками по светлой или темной ангобной подгрунтовке. Встречаются черепки с эпиграфическим орнаментом. Сосуды описанной подгруппы обнаружены в строительных горизонтах I—II. Керамические изделия подобного рода были широко распространены в Хорезме X—XI вв. [5, с. 286, 290, рис. 8, 9, 10, 11, 13].

Лепную керамику представляют горшки, кружки, сковороды, фрагмент кувшина. Технологически вся лепная керамика, за исключением последнего фрагмента, довольно единообразна. Все сосуды изготовлены без применения гончарного круга из плохо promешанной глины; содержащей обильные примеси шамота. Обжиг слабый, неровный, на изломе черепка — черная полоса недожженного теста. Цвет внутренней поверхности обычно красный, внешняя — пятнистая, в углисто-серых и ярко-красных пятнах, свидетельствующих о костровом характере обжига.

Кувшин, судя по его фрагменту, также лепной, но из глины, хорошо promешанной, без примесей. Обжиг ровный, черепок в

изломе серый. На поверхности — зеркальное лощение по желтовато-красному фону.

Горшки (рис. 8, 1—4) представлены многочисленными фрагментами. Сосуды с плоским, приземистым, раздутым в средней части туловом, через покатые плечики плавно переходящим в широкую горловину. Устье последней, в большинстве случаев, обрамлено воротничковым венчиком, а иногда просто отогнутым наружу краем стенки, образующим валикообразный венчик. На некоторых горшках имеется с одной стороны вертикальная круглая или слегка уплощенная в сечении ручка, вытянутая вверх в виде гребня (рис. 8, 7), или украшенная скульптурной головкой животного. Иногда внешняя сторона ручки оформлялась попереч-

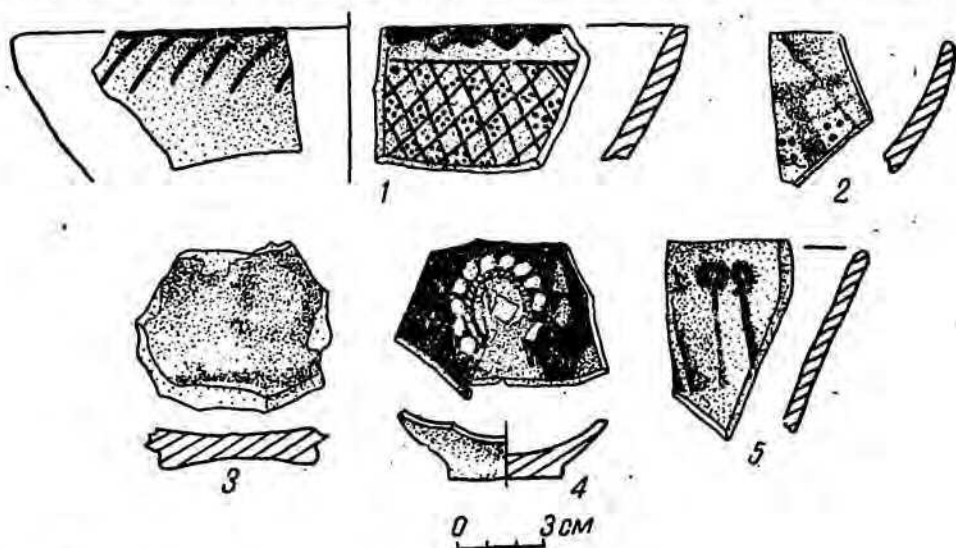

Рис. 7. Хайванкала. Керамика второй группы.

ными вдавлениями, в некоторых случаях корень ручки украшали три наклепные шишечки. Такая же шишечка располагалась и в средней части ручки (рис. 8, 6). Неопределенным наклепом выделялся и верх ручки (рис. 8, 5).

Воротничковые венчики с внешней стороны оформлялись защипами, опоясывающими устье сосуда по низу венчика (рис. 8, 1, 7). На венчиках этого типа часто встречаются четыре оппозитно расположенные наклепные шишечки. Иногда аналогично украшались и плечики горшков. Горловина многих сосудов отделялась от плечиков наклепным валиком с поперечными насечками (рис. 8, 4). Такой валик мог опоясывать сосуд и по нижней части венчика. В некоторых случаях на плечиках располагался наклепной зигзагообразный валик (рис. 8, 4). Тулово многих горшков покрыто грубыми вертикальными полосами, образующими вертикальное рифление (рис. 8, 3).

Анализ вышеперечисленных элементов позволяет установить две линии связей. Вертикальное рифление на тулове, воротничковый венчик с защипами по внешнему краю и оппозитно расположенными шишечками, наlepные шишечки на плечиках и верти-

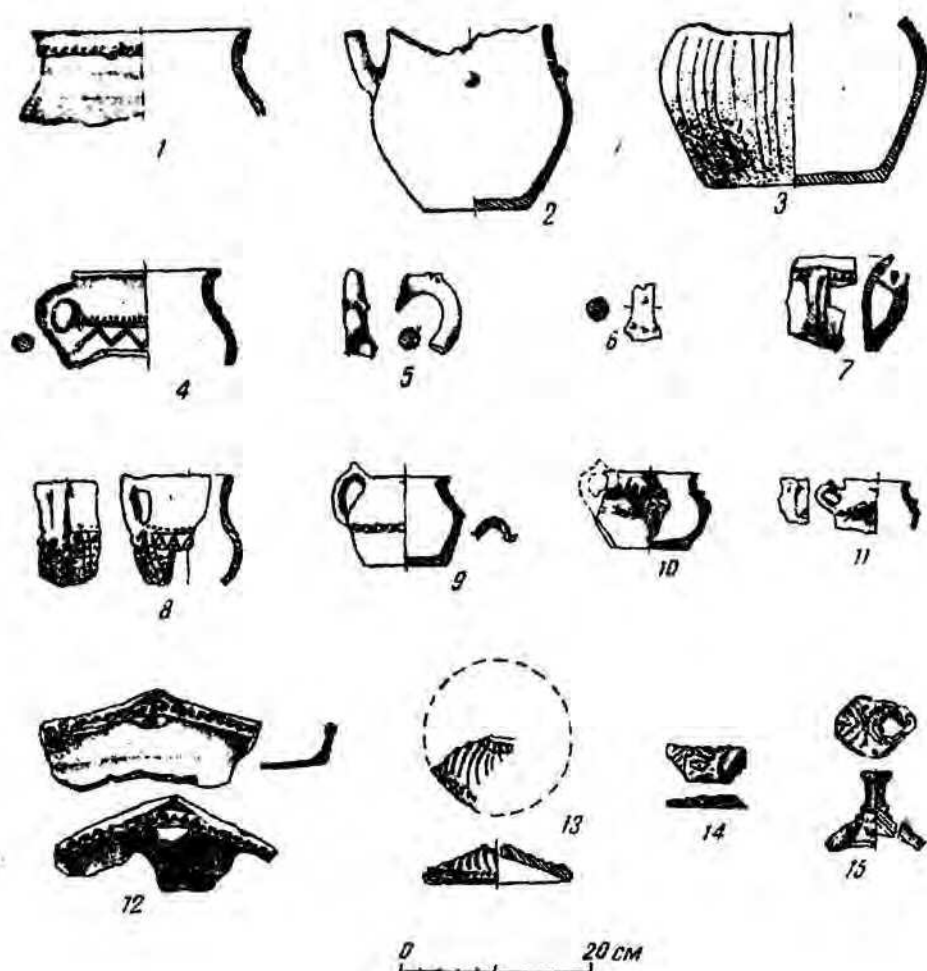

Рис. 8. Хайванкала. Керамика третьей группы.

кальная ручка сбоку сближают сосуды, имеющие указанные элементы, с раннекердерской керамикой. Орнамент же, выполненный рельефными наlepными валиками с поперечными вдавлениями или насечками, украшение ручек сосудов фигурками животных напоминают керамику средневековых тюркских племен нижнего

и среднего течения Сырдарьи. Аналогии встречаются в материалах средневекового поселения Уйгарак на Жаныдарье, в низовьях Сырдарьи, датируемого XII—XIV вв. [14, с. 283—284].

Кружки. Представлены двумя типами. К первому (рис. 8, 8) относится небольшая по размерам кружка с округлым туловом, цилиндрической высокой горловиной, чуть утолщенной к верхнему краю, вертикальной коленчатой ручкой, по основанию украшенной тремя крупными наклепными шишечками. Тулово сосуда сплошь покрыто прорезным и вдавленным орнаментом, который располагается тремя поясами. Вверху тулово опоясано цепочкой подтреугольных или каплевидных вдавлений. Ниже, между двумя параллельными линиями прочерчен ряд треугольников. Нижняя, окаймляющая, линия одновременно служит для них и основанием. Внутри треугольники заполнены бессистемно расположенными бесформенными вдавлениями. Еще ниже тулово сосуда покрыто сеткой прочерченных линий, образующих систему различно расположенных треугольников. Они также покрыты бессистемно расположенными бесформенными вдавлениями.

Типологически близкие кружки имеются в раннекердерском материале, где они описаны в группе горшков.

Вторая разновидность — кружки (рис. 8, 9) более приземистые, с широким плоским дном, приземистым округлым туловом с короткой горловиной. Отогнутый наружу край образует полочковидный венчик. У кружек петлевидные ручки, с выступающими шишечками или плоским наклепом наверху. Тулово украшено наклепными полосами с поперечными продавливаниями. Иногда наклепы образуют сложную композицию или полосу, опоясывающую сосуд по середине. Эта разновидность кружек имеет те же аналогии, что и первая, и подобно ей генетически восходит к лепной раннекердерской керамике конца VII — середины VIII в. Однако вторая разновидность намного дальше отстоит от исходной формы. Изменяются пропорции, появляются наклепные валики, характерные для раннесредневековой керамики нижнего и среднего течения Сырдарьи. Видимо, культурными связями с ними и обуславливается появление новых элементов на древнем субстрате в дельте Амударьи.

Технологически обе разновидности одинаковы. Плохо промешанная формовочная масса содержит в значительных количествах шамот или дресву. Сосуды лепились вручную на плоской поворачивающейся подставке с применением песчаной подсыпки. Обжиг костровый, неравномерный. Кружки обнаружены на втором раскопе и в строительном горизонте II первого раскопа.

Сковороды (рис. 8, 12). Фрагменты обнаружены во всех строительных горизонтах Хайванкалы. Сковороды тонкостенные, бортики довольно высокие и отклонены наружу. По внутреннему краю бортика — наклепная полоса с защипами. Эти керамические изделия имеют по четыре оппозитно расположенные ручки в виде

удлиненных, выдающихся внутрь выступов. Над ручками бортик приподнят и образует перегиб.

Сковороды лепились вручную на плоской поворачивающейся подставке с применением подсыпки из шелухи проса. Ее отпечатками испещрено дно.

И типологически, и технологически сковорода близка к аналогичной керамике раннекердерского этапа. Раннекердерские образцы так же лепились на подсыпке из проса. Новый элемент на сковородах Хайванкалы — наклепная полоска с защипами.

Кувшины. Представлены единственным фрагментом сероглиняного кувшина с раструбовидным горлом, обнаруженным на раскопе 2. Аналогии встречаются в раннекердерском материале, с которым данная форма, очевидно, связана генетически.

Крышки (рис. 8, 13—15). Встречаются во всех строительных горизонтах. Все крышки сферические, вылеплены от руки, за исключением одной плоской с рельефным орнаментом, оттиснутым в специальной форме (рис. 8, 14), найденной в слоях строительного горизонта 1. Все крышки, по-видимому, имели блоковидные ручки. И плоская, и сферические крышки с блоковидной ручкой характерны для Хорезма IX—XI вв. [5, с. 280—282, рис. 5]. Аналогичные образцы имеются в материалах средневекового поселения Уйгарак². Особо следует отметить две лепные крышки, на которых вокруг ручки располагались четыре сквозных отверстия (рис. 8, 15), нижняя поверхность закопчена. Обращает на себя внимание их сходство с крышкой конца VII — середины VIII в. из городища Куюккала (1961 г.).

Описанный керамический материал близок раннекердерской керамике, распространенной в правобережье дельты в конце VII — середине VIII в. и хорошо известной по материалам из раскопок городищ Куюккала, Токкала и Курганча.

Анализ керамики Хайванкалы позволил выявить ее сходство с аналогичными образцами Хорезма афригидосаманидского времени, а также тюркских степных племен нижней и средней Сырдарьи. Однако при всем этом сходстве, свидетельствующем о направлении культурных связей, керамика Хайванкалы образует самостоятельный комплекс, характеризующийся набором своих, только ей присущих признаков. Самостоятельные формы были выработаны в круговой и лепной керамике, что указывает на местное ее производство. Это подтверждают и многочисленные находки гончарных шлаков.

Сходство лепной керамики Хайванкалы с лепной керамикой раннекердерского времени позволяет говорить об их генетической связи и считать хайванкалинский керамический комплекс лишь поздним вариантом сформировавшегося в конце VII — середине VIII в. на территории Приаральской дельты кердерского керамического комплекса.

² Фонды Хорезмской экспедиции АН СССР. О поселении Уйгарак см. 14, с. 156—160.

Из прочих находок следует отметить многочисленные фрагменты железных криц, свидетельствующие о производившейся выплавке железа, фрагменты ручных жерновов из песчаника. Обнаружено большое количество фрагментов стеклянных сосудов. Найдены один стеклянный сосудик (рис. 9, 10) и фрагменты крупных сосудов типа бутылки с продавленным орнаментом на внешней поверхности (рис. 9, 5). Стекло, как правило, зеленоватого цвета разных оттенков, мутное, слабо прозрачное.

В массовом количестве найдены фрагменты костей животных (преимущественно козьих рогов) со следами подпилки, подтески или рубки (рис. 9, 11). Кость использовалась для самых разнообразных поделок. Значительную часть составляют плоские заостренные с обоих концов пластины, изготовленные из ребер животных. Аналогичные находки характерны и для раннекердерских слоев. Предполагают, что они использовались в качестве кочедыгов при плетении сетей [15, с. 57—58, рис. 1—5]. Некоторые из пластин, найденных в раскопках Хайванкалы, были украшены линейным и циркульным орнаментом (рис. 9, 9).

Примечательна также находка (рис. 9, 3), представляющая собой поделку из кости правильной полусферической формы с цилиндрическим сквозным отверстием. На выпуклой стороне изделия — циркульный орнамент, причем в центр каждого кружка вставлен медный гвоздик — «глазок». Правильная геометрическая форма, а также специфические следы обработки в виде правильных концентрических линий, заметных при небольшом увеличении на поверхности изделия, свидетельствуют об изготовлении его с помощью специального приспособления типа токарного станка. Аналогичные образцы известны в материалах из раскопок оседлых поселений в Южном Казахстане [16, с. 56, рис. 22, 4, 5], Киргизии [17, табл. 76].

Обнаружено несколько изделий из металлов. Из них наиболее сохранившиеся: однолезвийный железный нож (рис. 9, 7), железный наконечник стрелы, плоской, ромбовидной формы с круглым в сечении черешком (рис. 9, 8), бронзовая кованая серьга (рис. 9, 1).

Единичны находки глиняной грушевидной бусины (рис. 9, 2) и пряслица усеченно-конической формы, изготовленного из глины, слабо обожженные. Внешняя поверхность пряслица украшена широким поясом горизонтальных бороздок (рис. 9, 6).

Найдено много сильно окислившихся медных монет; большинство при чистке распалось. Экземпляры, которые удалось расчистить, чрезвычайно плохой сохранности, сильно стертые. По типу определены как аббасидские фельсы [18, приложение, № 121—123].

Кости животных из раскопок Хайванкалы принадлежат в основном домашним животным. Дикie животные представлены лишь костями джейрана. О видовом составе животных Хайванкалы свидетельствуют следующие данные:

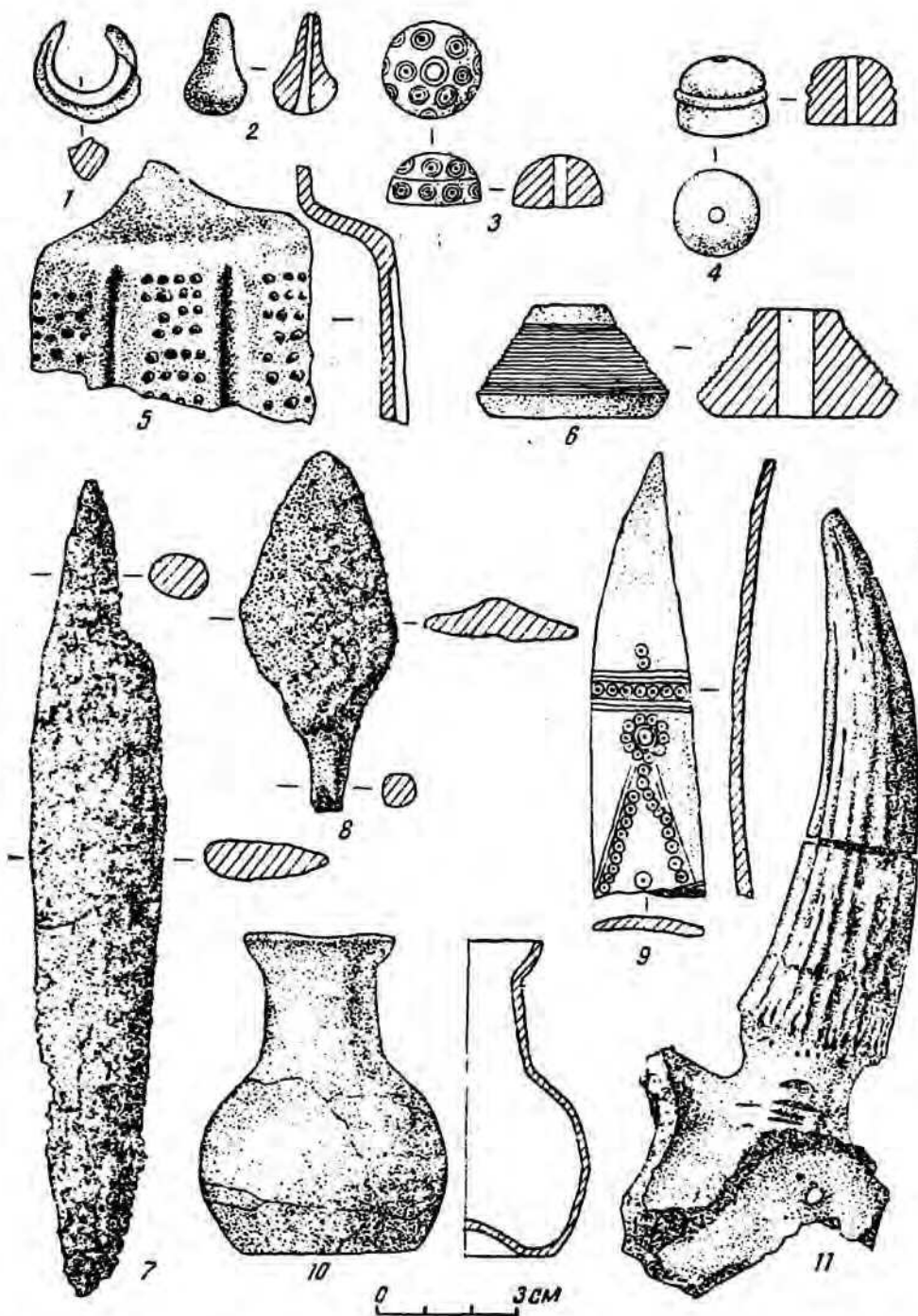

Рис. 9. Хайванкала. Отдельные находки.

<i>Вид</i>	<i>Кости</i>	<i>Особь</i>
Крупный рогатый скот	77	4
Мелкий рогатый скот	196	9
Лошадь	9	1
Осел	1	1
Джейран	5	5
Птицы	6	—
Всего	294	20

Многочисленные кости рыб, найденные при раскопках, свидетельствуют о значительном удельном весе рыболовства в экономике населения Хайванкалы. Видовой состав и соотношение видов рыб в уловах отражают следующие данные:

<i>Вид</i>	<i>Количество экземпляров</i>	<i>%</i>
Сазан	21	26,0
Лещ	47	58,0
Вобла	9	11,0
Щука	1	1,3
Сом	3	3,7
Всего	81	100

По мнению ихтиолога Е. А. Цепкина, рыбу здесь, вероятно, добывали примитивными орудиями типа остроги, котца, сюзьги. Судя по значительному количеству орудий для плетения сетей-кочедыгов, найденных при раскопках, рыбу ловили и сетями.

Добывавшаяся в эпоху раннего средневековья рыба по размерам мало отличалась от современной. Лишь сом и сазан были крупнее. Так, ныне средние размеры сазана около 35 см, сома — 90—100, а в Хайванкалинском материале кости принадлежали особям, достигавшим соответственно 30—60, 60—178 см [19].

Материалы проведенных раскопок позволяют выделить четыре относительно-хронологических периода, соответствующих такому же числу стратиграфических горизонтов, на которые удалось расчленить культурные напластования Хайванкалы, вскрытые в раскопе 1. Однако для установления абсолютных дат для каждого из этих периодов пока нет достаточных оснований. На нынешнем этапе исследования памятника мы вынуждены ограничиться определением общей даты для всей свиты культурных напластований.

Вскрытую свиту слоев можно датировать второй половиной VIII—X вв. Для этого имеются следующие основания. Сумма аналогий керамике, извлеченной из культурных наслоений Хайванкалы, укладывается в пределах IX—XI вв., а находки некоторых форм керамических сосудов, использованных вторично, позволяют предполагать наличие более раннего слоя конца VII — середины VIII в., пока не вскрытого.

Кроме того, г. Кердер, как мы покажем ниже, упоминается в источниках с VIII по X в., что дает возможность несколько сузить дату, установленную на основании анализа керамики.

На Хайванкале мы локализуем древний г. Кердер. По мнению В. В. Бартольда, первое упоминание о нем как о городе содержится в сообщении ат-Табари об антиарабском восстании его жителей в 728 г. [23, с. 166—167]. Ал-Истахри и ал-Макдиси также называют Кердер городом. Последнее упоминание о Кердере как о городе встречается в персоязычном анониме «Худуд ал-алем», составленном в 902—903 г. [24, с. 217]. Следовательно, в качестве города Кердер фигурирует в источниках на протяжении примерно трехсот лет, с VIII в. по X в.

Впервые попытался локализовать г. Кердер С. П. Толстов. Он высказал предположение, что «...Кердер (Курдер) находится, видимо, в районе нынешнего Чимбая, в правобережье дельты» [25, с. 277]. Однако новые археологические материалы позволили ему вскоре уточнить эту локализацию и идентифицировать городище Хайванкала с городом Кердер [3, с. 190]. Впоследствии Я. Г. Гулямов в монографии «История орошения Хорезма», не опровергая точку зрения С. П. Толстова, локализовал Кердер на месте современного города Чимбая [26, с. 150].

О. Г. Большаков, ссылаясь на отсутствие «полной картины расположения городищ и их размеров» [20, с. 174], высказал сомнение в правильности мнений С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова. Вряд ли, однако, эта ссылка справедлива по отношению к Северному Хорезму, где в результате многолетних археолого-топографических изысканий, произведенных Каракалпакским филиалом АН УзССР, учтены, описаны, нанесены на карту, подвергнуты топографической съемке и разведочным раскопкам все сохранившиеся на местности остатки как крупных средневековых городов, так и небольших поселений [21].

Нам приходилось высказываться в печати по поводу локализации владения, канала и г. Кердер [22]. Однако в связи с публикацией материалов раскопок Хайванкалы представляется необходимым вновь вернуться к этому вопросу.

Сведения о местоположении г. Кердер имеются в дорожниках по Хорезму ал-Истахри и ал-Макдиси. В первом местоположение Кердера описывается следующим образом: «От главного города (Кята.— В. Я.) до Даржаша 2 дня пути, от Даржаша до Курдара день пути, от Курдара до селения Баратегин 2 дня» [24, с. 181].

Ал-Макдиси описывает маршрут, где называется гораздо больше пунктов: «от Маздахкана... до Дарсана 2 почтовых станции, затем до Кардара день пути, затем до Джувикана 2 почтовых станции, затем до селения Баратегин день пути, затем до озера день пути». Согласно другому маршруту ал-Макдиси «...от Маздахкана до Вардарага день пути, затем до Кардара день пути» [24, с. 206].

Из текстов видно, что Даржаш и Дарсан — варианты одного и того же названия.

Рассмотрим дорожник ал-Макдиси, содержащий более подробные сведения, чем приводимые ал-Истахри. Надежной отправной

точкой данного анализа послужит современное городище Гяуркала, где бесспорно локализован древний город Миздахкан [27, с. 552—557]. Согласно маршруту ал-Макдиси, от Миздахкана до Дарсана 2 почтовых станции и от Дарсана до Кердера день пути. Известно, что почтовые перегоны (берид) в восточных областях халифата равнялись 2 фарсахам [23, с. 119], а фарсах равен 5—7 км. Следовательно, расстояние между Миздахканом и Дарсаном должно составлять 20—28 км. Единственный пункт на правом берегу дельты, находящийся на таком расстоянии, — городище Токкала. Оно имеет слои, датируемые IX—XI вв. Таким образом, Токкала — единственно подходящий и топографически, и хронологически пункт для локализации Дарсана. Аналогичным образом локализует Дарсан Я. Г. Гулямов [26, с. 150].

От Дарсана до Кердера, по ал-Макдиси, день пути. Известно, что дневной переход в халифате определялся в 6—7 фарсахов [23, с. 119]. Расстояние между Дарсаном и Кердером, следовательно, должно составлять 30—49 км. На таком расстоянии от Токкалы к северу никаких развалин не зафиксировано. В 26—28 км к северу расположено городище Хайванкала. Если учесть, что дороги, которые имеются в виду в указанных дорожниках, не были идеально прямыми, расстояние между Токкалой и Хайванкалой составит гораздо больше 30 км и, следовательно, по расстоянию вполне можно локализовать г. Кердер в Хайванкале.

Далее, Хайванкала — самое большое городище в правобережной части дельты. Оно включает не только крепость, но и огромные неукрепленные пригороды. О населенном пункте такого масштаба должны были так или иначе упоминать все достаточно хорошо осведомленные средневековые авторы, писавшие о Хорезме. Чаше всего в описаниях правого берега дельты упоминается г. Кердер. Следовательно, и по этим соображениям г. Кердер идентифицируется с развалинами Хайванкалы. Хронологически Хайванкала тоже подходит для локализации на ней г. Кердера. Выше мы уже обращали внимание на то, что в источниках сведения о г. Кердере имеются с VIII по X в. включительно. Культурные слои городища датируются в пределах конца VIII—X в. Кроме того, некоторые признаки позволяют предполагать на Хайванкале существование слоя VIII в., хотя он и не был вскрыт раскопками. Следовательно, и хронологически можно локализовать Кердер на Хайванкале.

Обратимся ко второму маршруту дорожника ал-Макдиси, который идет по линии Миздахкан — Вардараг — Кердер. От Миздахкана до Вардарага один дневной переход, т. е. 30—49 км. В 34—36 км к северу от Миздахкана на месте полностью разрушившегося населенного пункта находится крупное месторождение древней керамики, расположенное на возвышенности Крантау. Здесь преобладает керамика, датируемая VII—XI вв. [7, с. 263].

Таким образом, и по хронологическим, и по топографическим признакам Вардараг может быть локализован на Крантау. От

Вардарага до Кердера еще один дневной переход, т. е. около 30—49 км. Расстояние между Крантау и Хайванкалой не превышает 17 км по прямой, что не соответствует указанию ал-Макдиси. Однако и на расстоянии 30—49 км к северу и востоку от Крантау нет никаких развалин. Остается предположить, что ал-Макдиси был, видимо, неверно информирован о расстоянии, что между Вардаром и Кердером.

Я. Г. Гулямов, как уже отмечалось выше, локализует г. Кердер на месте современного Чимбая. В этом случае расстояние от Вардарага до Чимбая составит около 49 км, а от Дарсана около 48 км. На основании только этого признака Чимбай, безусловно, может быть отождествлен с г. Кердером. Однако, как отмечалось выше, дороги между населенными пунктами отнюдь не шли по прямой линии; следовательно, расстояние между Дарсаном и Кердером, Вардаром и Кердером должно превышать названную цифру в 49 км, максимальную для дневного перехода. Кроме того, в Чимбае никогда не было сделано никаких находок древностей. Поскольку в настоящее время здесь ведется интенсивное строительство, связанное с земляными работами, культурные слои древнего города, если бы они имели место, были бы обязательно вскрыты (как это постоянно случается в Куня-Ургенче, расположенном на месте древнего Ургенча).

В 1977 г. в связи с вопросом о возрасте г. Чимбая были предприняты специальные поиски древних культурных слоев под ним. Однако и эти работы не привели к открытию каких-либо признаков раннесредневекового культурного слоя под городом или в его ближайших окрестностях.

Итак, предположение о значительной древности г. Чимбая не подтверждается археологическими данными и, следовательно, локализация Кердера в Чимбае ошибочна. Рассмотренные материалы дают основание полагать, что Хайванкала — пункт, единственно возможный для отождествления с раннесредневековым г. Кердером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты р. Амударья. Автореф. канд. дисс. М., 1963.
2. Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи. Описания по собственным исследованиям в 1873 г.—ЗРГО, т. IX. СПб., 1881.
3. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г.—Известия АН СССР, серия истории и философии, т. V. 1948, № 2.
4. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР.—ТХАЭЭ, т. I. М., 1952.
5. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма.—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
6. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода.—ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
7. Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг.—МХЭ, вып. 6. М., 1963.

8. Стеткевич. Материалы для статистического описания Хльинского оазиса. Географическое описание. Ташкент, 1889.
9. Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии).— Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
10. Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на 'Изш-тепс.— «Труды ТашГУ». Археология Средней Азии, V. Ташкент, 1960.
11. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу.— ТОВЭ, т. II. Л., 1940.
12. Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда. «Труды УзГУ», новая серия, т. XI, вып. 2. Самарканд, 1940.
13. Sagge. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925.
14. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
15. Манылов Ю. П. Костяные изделия VI—IX вв. с городищ правобережной части Приаральской дельты Амударьи.— ВКФ, 1964, № 1.
16. Агеева Е. А. и Пацевич Г. Н. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. V (археология). Алма-Ата, 1958.
17. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина».— МИА, № 14, М.—Л., 1950.
18. Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера.— Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
19. Цепкин Е. А. Древняя и промысловая фауна реки Амударьи.— «Вопросы ихтиологии», т. 4, вып. 2 (31), М., 1964.
20. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
21. Ягодин В. Н. Итоги и перспективы археологического изучения Приаральской дельты.— ВКФ, 1965, № 1.
22. Ягодин В. Н. К вопросу о локализации Кердера.— ВКФ, 1963, № 2.
23. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. в 9-ти т. Т. III. М., 1965.
24. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.
25. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1947.
26. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957.
27. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан.— ЗКВ, т. V. Л., 1930.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОРЕЗМА КОНЦА XI—70-Х ГОДОВ XII В.

(Опыт историко-нумизматического исследования)

Хорезму периода правления хорезмшахов Ануштегинидов [1], его социально-политической и культурной истории уделяется существенное внимание в трудах известных востоковедов и историков. В них содержится немало суждений об основателе династии Ануштегинидов в Хорезме и о времени становления государства хорезмшахов в XII в. [2, с. 27—39].

Н. И. Веселовский, ссылаясь на данные Мирхонда, считал правителем Хорезма при Мелик-шахе Ануштегина — основателя династии знаменитых хорезмшахов. Используя сведения Ибн ал-Асира, ученый замечает, что Ануштегин не был наместником Хорезма. Опираясь на материалы средневековых историков, Н. И. Веселовский высказал предположение о разделе Хорезма на две части при Мелик-шахе и о нахождении там двух наместников Сельджукидов. Время становления государства хорезмшахов он относит к 538 г. х. (1143—1144 гг.), т. е. после второго похода султана Санджара на Хорезм [3, с. 56—57, 60]. Кроме письменных источников, Н. И. Веселовский частично использовал опубликованные нумизматические данные чекана хорезмшахов Текеша и его наследника Мухаммеда [3, с. 66—68].

А. Мюллер первым наместником Хорезма считал Кутб ад-Дина Мухаммеда из рода Ануштегина (конец XI в.). Он отметил, что Хорезм им управлялся самостоятельно, хотя и под верховной властью сельджукидских султанов Беркиярука и Санджара. Ученый писал, что «после смерти Атсыза, сын и наследник его Иль-Арслан, правда, получил еще инвеституру от Санджара, но на самом деле был также вполне независим в своих действиях, как и его отец. Поэтому с него начинается новая, самостоятельная династия Хорезмшахов...» [4, с. 184, 189].

На основании письменных источников наиболее полно и всесторонне изложил историю хорезмшахов В. В. Бартольд. Не разделяя мнение А. Мюллера, он считал основателем династии Ануштегинидов в Хорезме Кутб ад-Дина Мухаммеда [5, с. 524]. При его сыне и преемнике Атсызе династия достигла могущества. Самым же сильным государем был, как указывал В. В. Бартольд [6,

с. 396], Иль-Арслан. Эту точку зрения разделяли С. П. Толстов [7, с. 13, 274] и Я. Г. Гулямов [8, с. 158]. С. Лэн-Пуль первым наместником Хорезма с 1077 г. называл Ануштегина [9, с. 149]. Хотя это противоречит данным письменных источников [9, с. 384, 442]. Возможно, с 1077 г. Ануштегин был принят при дворе Мелик-шаха. По мнению Лэн-Пуля, Хорезм стал независимым государством в 533 г. х. (1138 г.), т. е. после первого похода Санджара на Хорезм. Заметим, что сельджукидский султан впоследствии совершил еще два похода на Хорезм. В середине 1148 г. Атсыз вынужден был покориться Санджару и до своей смерти считался его вассалом. На эту и другие ошибки С. Лэн-Пуля указал В. В. Бартольд [9, с. 149—150, прим. 1, 2].

По мнению А. Ю. Якубовского, Хорезм обрел независимость только после поражения, нанесенного Ала ад-Дином Текешом в 1194 г. войскам султана иракских Сельджукидов Тогрула [10, с. 6]. Как известно, вскоре после смерти султана Мелик-шаха (1192 г.) государство Сельджукидов разделилось на восточную и западную части [11, с. 50]. Хорезмшах Текеш прибыл в Западный Иран по просьбе атабека Кутлуг-Инанча и халифа Насира, у которых произошло столкновение с Тогрулом [6, с. 410].

Б. Г. Гафуров пишет, что глава династии хорезмшахов Ануштегин еще при Сельджукиде Мелик-шахе стал правителем Хорезма. После смерти Ануштегина Хорезмом правил его сын Кутб ад-Дин Мухаммед (1097—1127 гг.), принявший титул хорезмшаха и считавшийся преданным вассалом султана Санджара. Основателем независимого государства хорезмшахов он считает Атсыза [12, с. 406]. Аналогичные точки зрения высказаны и в «Истории Хорезма» [13, с. 73].

Большой вклад в изучение этих вопросов вносят сводные труды по истории среднеазиатских республик «История Туркменской ССР» (1955), «История Узбекской ССР» (1967). В них отмечается, что династию Ануштегинидов в Хорезме основал Кутб ад-Дин Мухаммед. Сын и наследник его Атсыз после длительной борьбы с сельджукидским султаном Санджаром добился не только независимости, но и положил начало новому, сильному государству [14, с. 276—278, 384—385].

Столь противоречивые мнения вызваны недостаточной освещенностью рассматриваемого периода в трудах средневековых историков. В связи с этим большой интерес представляет нумизматический материал. Известно, что правители средневекового Востока особенно дорожили правом чеканки монет вместе с хутобо, как свидетельством своего суверенитета.

В начале 40-х годов XI в. Хорезм был завоеван Сельджукидами [16, с. 372]. В борьбе против их господства Хорезм мог опираться только на свои собственные ресурсы. Этими ресурсами, географическим положением Хорезма, а также его связями с другими областями Центральной и Средней Азии пользовались хо-

резмшахи из тюркской династии, восходившей к Ануштегину, в прошлом рабу сельджукидского эмира Бильгятегина.

Об Ануштегине известно, что от Бильгятегина он был принят при дворе сельджукидского султана Мелик-шаха, где дослужился до высших придворных должностей и стал заведующим султанскими умывальниками (ташдар). Расходы по этому виду придворной службы покрывались из подати Хорезма, поэтому, как свидетельствуют средневековые письменные источники [16, с. 384, 442], Ануштегин, не управляя фактически Хорезмом, носил титул его военного наместника (шахне) [17, с. 232—238].

Правители Хорезма из рода Ануштегина пришли к власти в ходе острой междоусобной борьбы в государстве Сельджукидов, начавшейся после смерти султана Мелик-шаха. По Ибн ал-Асиру, 19 ноября 1092 г. в Багдаде умер Мелик-шах, «государство расстроилось и был пущен в ход меч (пошли раздоры)» [16, с. 380]. Отметим, что меч был пущен в ход не столько самими наследниками, сколько кучкой эмиров-феодалов, действовавших в личных интересах. Малолетние сыновья Мелик-шаха всецело зависели от своих эмиров. В 1093 г. претенденты на престол, а вернее их эмиры, заключили мир, согласно которому султаном был провозглашен старший сын Мелик-шаха Беркиарук. По нумизматическим данным, последний стал правителем страны в 1092 г. [11, с. 48].

Первым воспользовался сложившейся обстановкой брат Мелик-шаха Арслан-Аргун. По Ибн ал-Асиру, вскоре после смерти Мелик-шаха он подчинил себе Балх, Термез, Нишапур, а также весь Хорасан. Затем Арслан-Аргун потребовал от Беркиарука отдать ему Хорасан, принадлежавший его деду — Дауду Чагрыбеку. Беркиарук отказался и отправил против него войско, возглавляемое Бурибарсом. Арслан-Аргун разбил войска султана и приказал задушить своего брата Бурибарса. В 1097 г. Беркиарук вместе с младшим братом Санджаром двинулся из Ирака на Хорасан. По прибытии братьев им без боя подчинился Хорасан. К тому времени Арслан-Аргун был убит своим гулямом [16, с. 381]. Вскоре вся территория Хорасана и часть Мавераннахра с Термезом и Самаркандом подчинились Беркиаруку [16, с. 383].

Однако власть Беркиарука в этих областях, как и во всех других сельджукских владениях, оказалась непрочной. Он не успевал подавлять вспыхивавшие мятежи. По Ибн ал-Асиру, в том же году, когда Беркиарук отправился в Ирак, на помощь ему поспешил со своим войском наместник Хорезма Икинчи б. Кочкар. По прибытии в Мерв его убили мятежные эмиры Кудан и Ярукташ, заведовавшие делами в отсутствие султана. Сами эмиры удалились в Хорезм, где представились правителями, назначенными Беркиаруком. Последний отправил для захвата бунтовщиков войско во главе с эмиром Дад-Хабаш б. Алтунтаком. Войскам султана удалось взять в плен Ярукташа, а Кудан вынужден был бежать в Бухару [16, с. 383].

Подавив восстание, Беркиарук назначил наместником Хорасана Дад-Хабаша б. Алтунтака, который поручил управление Хорезмом эмиру Кутб ад-Дину Мухаммеду б. Ануштегину [16, с. 384]. Он и стал основателем новой могущественной династии.

В 1097 г. Мухаммед б. Сулейман, сын дяди Мелик-шаха, получив подкрепление у правителя Газны, попытался завладеть Хорасаном. Однако застигнутый врасплох в окрестностях Балха Санджаром, был взят в плен и ослеплен. После этого Санджар двинулся против Дад-Хабаша, который обратился за помощью к Беркиаруку. В 492/1098—1099 г. объединенное войско Беркиарука и Дад-Хабаша в решающем сражении под ад-Нушданом потерпело поражение. Санджар стал правителем Хорасана и Джурджана.

Захват Санджаром Хорасана был во многом облегчен ослаблением Беркиарука в бесконечных междоусобицах. С этого времени в междоусобную борьбу включился и другой брат Беркиарука, Мухаммед — наместник Аррана [18, с. 62].

После шестилетней борьбы за власть в 1104 г. между братьями был заключен договор, утвердивший существование двух равноправных «верховных султанов». За Беркиаруком была закреплена страна от Багдада и Басры до Джурджана, а также полное право «верховного султана». Его младший брат Мухаммед тоже как «верховный султан» получил, кроме Азербайджана и Северной Армении, Месопотамию с Мосулом, Западным Ираком и Сирию, а также сюзеренство над маликом Санджаром, которому был отдан Хорасан. Теперь титул «султан» в государстве Сельджукидов перестал символизировать верховную власть, его одновременно носили несколько человек. По нумизматическим данным, двоевластие утвердилось в 1099 г. [11, с. 48—49]. Санджар назначил Кутб ад-Дина Мухаммеда наместником Хорезма с титулом хорезмшаха и помог ему усмирить восстание Тогрултегина, сына убитого Икинчи б. Кочкара. По словам Ибн ал-Асира, один из тюркских государей двинулся на Хорезм, что заставило Кутб ад-Дина Мухаммеда просить помощи у Санджара. Он двинулся с войском из Нишапура на Хорезм. Но еще до прихода Санджара тюрки ушли в Мангышлак, вместе с ними бежал их союзник, мятежный феодал Тогрултегин; войска хорезмшаха под предводительством его сына Атсыза отправились в «страну врагов», где захватили г. Мангышлак [16, с. 384]. О существовании сильно укрепленного г. Мангышлака и о завоевании его Атсызом говорит и Якут [16, с. 435]. Однако удержать город в начале XII в. хорезмшахи не сумели [14, с. 277].

По данным письменных источников, в качестве наместника Хорезма Кутб ад-Дин Мухаммед правил справедливо и покровительствовал ученым; он повиновался обоим султанам, Беркиаруку и Санджару, раз в два года наместник ездил ко двору султана, в остальное время там его представлял сын Атсыз [16, с. 384, 442].

Сложным, вероятно, было денежное хозяйство этого периода. Официальное юридическое право на чеканку монет Кутб ад-Дин Мухаммед получил, видимо, сначала от султана Беркиярука, а затем от малика Санджара, после утверждения его наместником Хорезма с титулом хорезмшаха. Известно, что политическая и экономическая самостоятельность Хорезма в составе государства Сельджукидов была очень велика. Монеты общегосударственного чекана этого правления с обозначением «Хорезм» пока неизвестны. Однако они могли быть, если учесть активную роль Хорезма в торговых связях Средней Азии с другими странами, особенно со странами Северо-Восточной Европы, где они «оказывали не только экономическое, но и культурно-политическое влияние» [19, с. 54].

Кутб ад-Дин Мухаммед умер в 521 г. х. (1127—1128 г.). Сын и преемник его Атсыз в первые годы правления оставался верным подданным Санджара, принимал участие в его походах и выпускал монеты, на которых имя султана помещал выше своего, называя его величайшим султаном, а себя, Атсыза, великим государем.

1. Атсыз (от имени сельджукидского султана Санджара). Обозначение места чеканки не сохранилось [50] 30 г. х. (1135—1136 г.) [20, с. 90, № 2].

Л. ст.: в поле в двойном линейном круге: /الله / لا اله الا /الله / رسول الله /المقتفى لامر /الله /بسم الله [ضرب هذا] الدينار... سنة... ثلثين و [خمسماية]

Об. ст.: в поле в линейном круге /الله /السلطان الا عظم /معز الدنيا و الدين/ ابو الحرث سنجر/الملك المعظم/اتسز
Круговая легенда частично обрезана и частично стерта.

Диам.: 23,7 мм, вес — 3,2 г.

Атсыз стремился создать независимое и могущественное государство. Увеличив военные силы за счет тюркских наемных отрядов, он начал вести самостоятельную внешнюю политику. Прежде всего он укрепил свое владычество, присоединив к Хорезму Джанд и Мангышлак и совершив поход «в глубь Туркестана» [6, с. 387—388].

Таким образом, к середине 30-х годов XII в. Хорезму принадлежали обширные территории от Каспийского моря до Нижней и Средней Сырдарьи, объединившие северо-западную часть Средней Азии. После похода на Газну в 529—530 г. х. (1135—1136 гг.), по словам Джувейни, Атсыз ушел в Хорезм и проявил непослушание, которое привело к открытой вражде с Санджаром [16,

с. 442]. В мухарреме 533 г. х. (сентябрь 1138 г.) Санджар принял поход на Хорезм и нанес серьезное поражение своему вассалу. Атсыз бежал, и страну захватило сельджукское войско. Поручив управление Хорезмом своему племяннику Гийас ад-Дину Сулейману, сыну Мухаммеда, Санджар вернулся в Мерв [16, с. 442—443].

Чеканились ли монеты от имени Гийас ад-Дина Сулеймана в монетном дворе Хорезма, неизвестно. Такие монеты в Хорезме и в других районах Средней Азии не найдены. Отсутствуют сведения по этому вопросу и в письменных источниках.

Собрав войско, Атсыз через некоторое время возвратился в Хорезм. Жители, недовольные бесчинствами сельджукидского войска, подняли восстание и помогли ему изгнать ставленников Санджара. Хорезмшахи Ануштегиниды, управлявшие страной более сорока лет и значительно способствовавшие ее возвышению, были там популярнее, чем племянник Санджара Сулейман. По словам Наршахи, в 534 г. х. (1139—1140 гг.) Атсыз напал на Бухару, где наместником был Зенги б. Али, взял его в плен и убил, а крепость разрушил [21, с. 35]. Тем не менее Атсыз нашел нужным подчиниться Санджару, ибо знал, что не сможет противостоять повторному нападению. В середине шаввала 535 г. х. (конец мая 1141 г.) Атсыз принес присягу Санджару [6, с. 389].

Вскоре Мавераннахр подвергся нападению каракитаев. Махмуд Сарвар-хан призвал Санджара с войском отстоять целостность Караханидского государства. 5 сафара 536 г. х. (9 сентября 1141 г.) в Катванской степи в решающей битве сельджукидская армия была разбита. Санджар и Махмуд Сарвар-хан бежали в Термез [16, с. 443].

Поражение в Катванской степи ознаменовало начало полосы сепаратистских движений в восточно-сельджукидском государстве. Первым поспешил воспользоваться создавшейся обстановкой Атсыз. Забыв о недавней присяге Санджару, он пошел походом на Хорасан. В октябре 1141 г. Атсыз завладел округом Серахса, в ноябре разграбил Мерв. В мае 1142 г. Атсыз подступил к Нишапуру, жители которого со страху готовы были признать его правителем, как в свое время они сделали это при появлении небольшого отряда тюрок во главе с Тогрул-беком [16, с. 460]. По Ибн ал-Асиру, 29 мая 1142 г. Атсыз в Нишапуре заменил имя Санджара в хутбе своим именем [6, с. 390—391].

Чеканились ли монеты Атсыза в монетных дворах Мерва, Нишапура и Серахса неизвестно. Находки подобных монет пока не обнаружены. Если они и выпускались, то, видимо, недолго и были изъяты из обращения, поскольку к лету 1142 г. в Хорасане восстановилась власть Санджара. Султан вряд ли допустил бы обращения в своих владениях монет, чеканенных от имени другого лица. В Хорезме имя Санджара было исключено из чекана и, конечно, из хутбы. В этом отношении показателен золотой динар, где проставлялось имя султана иракских Сельджукидов Мас'уда

с титулом «великий султан». Прежний титул Атсыза «великий государь» тут заменен на «государь победоносный».

2. Атсыз (от имени султана иракских Сельджукидов Гийас ад-Дина Мас'уда). Хорезм. Обозначение года чеканки не сохранилось [11, с. 94, № 4—5].

Л. ст.: в поле в двойном линейном круге: لا اله الا الله محمد /
Вверху — رسول الله / المقتفى لامر / الله

Зуб этого динара بخوارزم... говая легенда сохранилась частично... [بسم الله]. Внешняя не сохранилась.

Об. ст.: в поле в линейном круге: [السلاطان المعظم / غياث
Вверху — الدنيا و الدين / ابو الفتح مسعود / الملك المظفر / اتسر
محمد رسول / следы стертого слова. Круговая легенда обычна...
الدين طاله, но большей частью обрезана, сохранилось...

Диам. — 21,3 мм, вес—3,4 г.; диам.—21,9 мм, вес—2,9 г.

В 538 г. х. (1143—1144 гг.) Санджар вновь пошел на Хорезм, чтобы силой заставить непокорного вассала повиноваться. Атсыз вынужден был просить прощения у Санджара и возвратить сокровища, захваченные им в Мерве. По словам Джувейни, прежние отношения были восстановлены [16, с. 443].

Выразив покорность Санджару, Атсыз не расставался с мыслью добиться независимости. Об этом наглядно свидетельствует чекан монет. Имеется золотой динар Атсыза, выпущенный в 538 г. х. с именем халифа ал-Муктафи и султана иракских Сельджукидов Мас'уда, где титул последнего «великий султан» заменен на «величайший султан», который по праву принадлежал Санджару как главе всей Сельджукидской династии.

3. Атсыз (от имени султана иракских Сельджукидов Гийас ад-Дина Мас'уда). Хорезм, 538 г. х. (1143—1144 гг.) [22].

Л. ст.: в поле в линейном круге, прерываемом местами кружочками: لا اله الا الله محمد / رسول الله / المقتفى لامر / الله
Внутренняя круговая легенда [ضرب هذا الدينار] بخوارزم
Внешняя круговая легенда большей частью обрезана, сохранилась лишь: ... الله الدين ...

Об. ст.: в таком же как на л. ст. круге: الله/السلطان الاعظم /

Круговая легенда сохранилась частично: ...
...محمد رسول الله ارسله بلع...
Диам.—22 мм, вес—2,63 г.

Выпуск монет от имени Мас'уда продолжался и в последующие годы.

4. Атсыз (от имени султана иракских Сельджукидов Гийас ад-Дина Мас'уда). Хорезм, 539 г. х. (1144—1145 гг.) [23].

Л. ст.: в поле в двойном линейном круге: لا اله الا الله محمد / رسول الله / المقتفى لامر / الله
Вверху—стерто, слова, бывшие слева и справа, также стерты. Круговая легенда частично сохранилась: بسم [الله ضرب هذا الدينار بخوا] رزم سنه تسع و ثلثين و خمسمائيه

Об. ст.: в поле, прерывающемся местами кружочками: الله / السلطان الا عظم / غياث الدنيا و الدين / ابو الفتح مسعود / لاملک
Круговая легенда частью обрезана, сохранилось: ...
... رزم سنه تسع و ...

Диам.—22 мм, вес—3,5 г.

5. Атсыз (от имени султана иракских Сельджукидов Гийас ад-Дина Мас'уда). Обозначение места чеканки обрезано, 54? г. х. (114? г.) [20, с. 90, № 3].

Л. ст.: в поле в линейном круге: الله / لا اله الا / الله محمد / رسول الله / المقتفى لامر
Круговая легенда сохранилась частично: بسم الله... اربعين و خمسمائيه

Об. ст.: в поле в линейном круге, прерывающемся местами кружочками: الملك سلطان الا عظم / غياث الدنيا و الدين /
ابو الفتح مسعود / المظفر اتسز بن محمد . Круговая легенда частично обрезана и стерта:

Диам.—23 мм, вес—2,2 г.

По нумизматическим данным, Атсыз признал своим сюзереном султана иракской ветви Сельджукидов Гийас ад-Дина Мас'уда. В борьбе с Санджаром Атсыз хотел заручиться поддержкой Мас'уда и утвердить самостоятельность Хорезма. По-видимому,

Мас'уд поддержал Атсыза, о чем наглядно свидетельствует чекан монет. В своей прежней публикации мы изложили противоположное мнение [2, с. 33]. Еще раньше аналогичную точку зрения высказал Т. Ходжаниязов [20, с. 94]. Однако последующее глубокое изучение сравнительно небольшого количества опубликованных и неопубликованных золотых монет чекана Атсыза из коллекции Государственного Эрмитажа позволило выявить важный исторический факт, не отмеченный в хрониках средневековых историков и прийти к другому выводу. Монеты чеканились подряд несколько лет от имени Мас'уда, и соответственно в хутбе упоминалось его имя. Такие монеты могли обращаться только во владении Атсыза, не признавшего над собой верховной власти Санджара.

В джумаде 542 г. х. (октябрь — ноябрь 1147 г.) Санджар в третий раз пошел на Хорезм, взял после двухмесячной осады Хазарасп и подступил к столице Хорезма. Но дело было вновь улажено миром. По условиям мирного договора Атсыз пришел на берег Амударьи, чтобы выразить покорность Санджару, причем вел себя чрезвычайно дерзко. Недовольный таким поведением зассала Санджар не счел, однако, возможным возобновить войну и вернулся в Мерв [16, с. 443].

Вопрос о том, выпускались ли монеты от имени Санджара после этого мирного договора, остается открытым. Находки подобных монет с обозначением «Хорезм» неизвестны.

В 547 г. х. (1152 г.), как пишет Джувейни, Атсыз несколько раз побеждал «неверных». Правителем Дженда в то время был Кемаль ад-Дин, сын Арслан-хана Махмуда. По предположению В. В. Бартольда, он происходил из династии Караханидов. Атсыз заключил наступательный союз с Кемаль ад-Дином, чтобы вместе овладеть Сыгнаком и другими городами. Однако, когда Атсыз в мухарреме 547 г. х. прибыл в Дженд, Кемаль ад-Дин бежал с войском в Рудбар. Атсыз отправил к нему послов и убедил вернуться. После возвращения Кемаль ад-Дина бросили в тюрьму. Дженд был присоединен к Хорезму без кровопролития. В 1153 г. Атсыз направил туда своего старшего сына Абу-л-фатха Иль-Арслана, что говорит о его заинтересованности в этом городе [16, с. 443].

В мухарреме 548 г. х. (март — апрель 1153 г.) в государстве Сельджукидов произошли события, благоприятные для планов Атсыза.

Гузы нанесли поражение войскам Санджара, взяв его самого в плен. Гузские эмиры, оставив государю внешние знаки царского достоинства, приставили к нему своих служителей и почти три года правили Хорасаном от его имени. Гузы разорили и опустошили Хорасан. Города Мерв, Нишапур и Тус были разграблены, население всячески притеснялось и при малейшем сопротивлении избивалось тысячами [16, с. 324, 388—392, 443]. По словам Ибн ал-Асира, «...каждый из гузов и хорасанцев завладел какой-ни-

будь из местностей Хорасана и проедал ее доходы, у них не было главы, который бы объединил их» [16, с. 393].

Этими обстоятельствами воспользовался Атсыз. Под предлогом оказания помощи сюзерену он отправился с войском в Амуль и хотел сперва хитростью овладеть им. Атсыз прекрасно понял значение этой важной крепости, как прежде значение Дженда и Мангышлака. Встретив сопротивление начальника крепости, Атсыз направил к Санджару посла с изъявлением преданности и с просьбой передать ему Амуль. Санджар ответил: пусть Атсыз сначала пришлет ему на помощь Иль-Арслана с войском, а потом уж он пожалует ему Амуль и прилегающие земли. Посольство Атсыза не достигло цели, и он вернулся в Хорезм [16, с. 443—444].

В это время племянник Санджара Махмуд Сарвар-хан, которому присягнула часть войск султана, обратился к Атсызу за помощью для подавления мятежа гузов. Атсыз выступил с войском на Хорасан, взяв с собой Иль-Арслана, а второго сына, Хитай-хана, оставил вместо себя в Хорезме. Узнав по прибытии в Шахристан в апреле 1156 г., что Санджару удалось бежать из плена в Термез [16, с. 444], Атсыз остановился в Нисе и отправил султану письмо с поздравлением по поводу освобождения от гузов. Атсыз обратился также к малику Седжестана Тадж ад-Дину Абу-л-фазлю Насру ибн Халафу ас-Саджи, к Махмуду Сарвар-хану и к малику горной области Гур с призывом помочь султану величайшему [16, с. 316—318].

В ожидании своих союзников Атсыз написал письмо одному из предводителей гузов — Тутн-беку [16, с. 318—319]. Это послание В. В. Бартольд приводит как образец восточной дипломатии: события в нем освещены весьма своеобразно [6, с. 394].

Хотя Атсыз и выступил защитником Сельджукидов, видимо, это не было его твердым намерением. На основе письменных источников, В. В. Бартольд и С. П. Толстов отмечают, что Атсыз — основатель независимой династии хорезмшахов Ануштегинидов, внешне до конца жизни подчинялся своему сюзерену [6, с. 395; 7, с. 274]. Нумизматические данные полностью подтверждают это. В коллекции Государственного Эрмитажа имеется золотой динар, где помещены титулы и имя только самого Атсыза. Значительный интерес представляют нумизматические данные для рассматриваемого периода еще и потому, что борьба за независимость Хорезма при правлении Атсыза постепенно привела к ослаблению восточно-сельджукидского султаната. Восстание гузов ускорило упадок этого государства. При сложившейся обстановке в Хорасане такой дальновидный политик как Атсыз вряд ли поместил бы имя Санджара на своих монетах, да еще как величайшего султана.

6. Атсыз. Обозначения места и года чеканки не сохранились [24].

Л. ст.: в поле в линейном круге легенда. Несмотря на хорошую сохранность, ее трудно разобрать. Круговая легенда полностью обрезана.

Об. ст.: в поле в линейном круге: الله / الملك / العادل علا الدنيا والدین ابو المظفر / اتسز بن محمد. Круговая легенда полностью обрезана.

Диам.—18,5 мм, вес—0,70 г.

На описанной монете не сохранились выпускные данные. Возможно, она была выпущена в период 1153—1156 гг. Убедительные аргументы в пользу данной гипотезы могут обеспечить лишь новые находки монет чекана Атсыза. Эта пока единичная находка выявила важный исторический факт периода правления Атсыза — независимость его управления Хорезмом. Известно, что наиболее веским признаком самостоятельности правителей средневекового мусульманского Востока считаются поминовение в общественной молитве — хутбе и чекан собственной монеты. Такими публичными актами правители средневекового Востока особенно дорожили как свидетельством своего суверенитета.

Поход на Хорасан оказался последним для Атсыза. 9 джумада 11 551 г. х. (30 июля 1156 г.) он скончался от паралича, в возрасте 59 лет. Усилиями этого правителя было создано независимое сильное государство в Хорезме.

Преемник Атсыза, Иль-Арслан (1156—1172 гг.) правил в более благоприятной обстановке. Правда, преждевременная смерть Атсыза вызвала острую борьбу между членами династии. Иль-Арслану пришлось очистить занятые хорасанские земли, чтобы обеспечить себе положение прежде всего в самом Хорезме. По словам Джувейни, в дороге Иль-Арслану присягнули все военачальники и солдаты. Придя в Хорезм, он жестоко расправился со своими родственниками, претендовавшими на престол. 3 раджаба 551 г. х. (22 августа 1156 г.) Иль-Арслан вступил на престол. Он начал свое правление тем, что увеличил жалование и земельные наделы войску и эмирам, укрепив этими мерами свою власть в Хорезме. В рамазане 551 г. х. (октябрь — ноябрь 1156 г.) Санджар, вернувшись в Мерв, послал Иль-Арслану инвеституру [16, с. 443—444]. Таким образом, согласно письменным источникам, Санджар видел в нем своего вассала. Со смертью Санджара весной 1157 г. оборвалась хорасанская ветвь Сельджукидов.

Поскольку Иль-Арслан получил инвеституру от Санджара, обратимся к монетному чекану Хорезма периода его правления. О событиях, происходивших на Среднем и Переднем Востоке во второй половине XII в., в письменных источниках приводятся противоречивые сведения, что затрудняет установление их хроно-

логии [6, с. 77]. Уточнить многие исторические факты помогают нумизматические данные. Монеты общегосударственного чекана этого времени от имени Санджара с обозначением «Хорезм» пока неизвестны. Но известно, что после смерти Санджара в Хорезме по приказу Иль-Арслана был установлен трехдневный траур [16, с. 444]. Иль-Арслан также поздравил преемника Санджара в Хорасане Махмуда Сарвар-хана и притом называл себя только «искренним другом», тогда как его отец в письмах к Санджару называл себя «рабом» [16, с. 316; 6, с. 396].

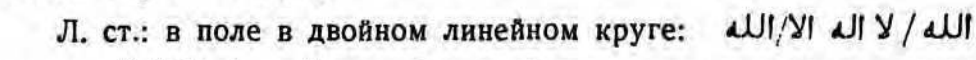
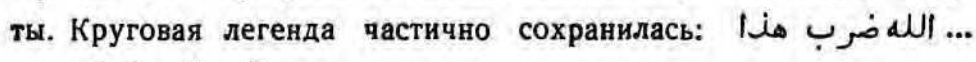
После смерти Санджара «султаном ислама» в Средней Азии, в обязанности которого входило освобождение мусульман от ига неверных, считали султана иракской ветви Сельджукидов — Мухаммеда, правнука Мелик-шаха. Последний отправил посольство Иль-Арслану и известил его о своем намерении идти с войском на восток. Однако беспокойное положение в иракском сельджукидском султанате, особенно вражда с халифом, не дали возможности Мухаммеду вмешаться в дела султаната. По Ибн ал-Асиру, в 1152 г. умер султан Мас'уд и с ним «умерло счастье сельджукидского дома». Халиф ал-Муктафи тотчас призвал население к восстанию и сумел вытеснить из Багдада и его области сельджукидские войска. Таким образом, светская власть аббасидского халифа, хотя и на очень незначительной территории, была восстановлена.

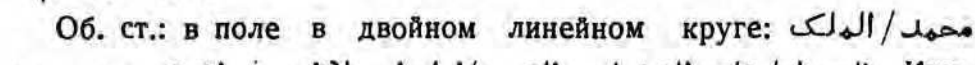
Мухаммед настойчиво требовал от халифа, чтобы в Багдаде в хутбе упоминалось его имя. Халиф столь же упорно ему в этом отказывал. Иль-Арслан поддерживал Мухаммеда и даже выступил посредником между ним и халифом. В инструкции послу Иль-Арслана при дворе Мухаммеда последний назван «государем мира, величайшим султаном, повелителем всей земли» [6, с. 395—400]. Однако, основываясь на указаниях средневековых историков, приведенных В. В. Бартольдом, нельзя утверждать, что Иль-Арслан признал себя вассалом Мухаммеда. Хотя Иль-Арслан одобрял намерение султана и называл его громким титулом, это, видимо, лишь дипломатический ход для поддержания дружественных отношений с Мухаммедом.

Поскольку план Мухаммеда не осуществился, Иль-Арслан решил выступить в роли освободителя Мавераннахра от ига неверных каракитаев, а Хорасана — от гузов. Обстоятельства благоприятствовали ему. По словам Джувейни, в 553 г. х. (1158 г.) самаркандский хан Джелал ад-Дин Али ибн ал-Хусейн убил Бейгу-хана, предводителя карлуков, живших в Мавераннахре. Другие эмиры карлуков во главе с Ладжин-беком нашли убежище в Хорезме. Иль-Арслан привлёк их на свою сторону и в джумаде 553 г. х. (август 1158 г.) с войском отправился в Мавераннахр. С помощью самаркандских имамов и улемов дело было улажено миром. Хорезмшах потребовал за это восстановления эмиров карлуков на своих местах с почетом и уважением, что и было выполнено. Затем он вернулся в Хорезм [16, с. 444].

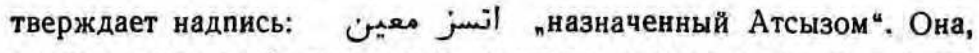
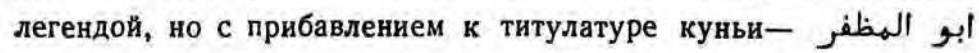
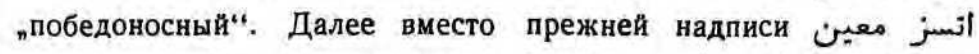
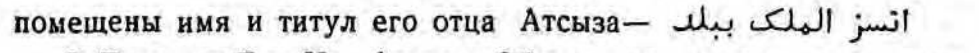
Ссылаясь на письменные источники, А. Мюллер и В. В. Бартольд характеризуют Иль-Арслана как независимого, самого могущественного государя восточной части мусульманского мира [4, с. 189; 6, с. 389]. Нумизматические данные полностью подтверждают эти выводы. На известных нам опубликованных и неопубликованных монетах, выпущенных с именем халифа ал-Мустанджида (1160—1170 гг.), помещено только имя самого Иль-Арслана.

7. Тадж ад-Дин Иль-Арслан. Хорезм, обозначение года чеканки не сохранилось [39].

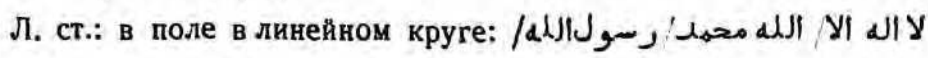
Л. ст.: в поле в двойном линейном круге: . Слова, бывшие справа и слева, стерты. Круговая легенда частично сохранилась: ...

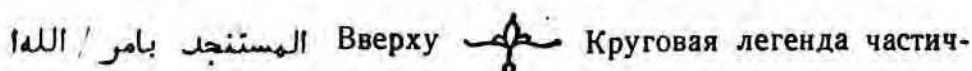
Об. ст.: в поле в двойном линейном круге: . Круговая легенда частично стерта и обрезана:

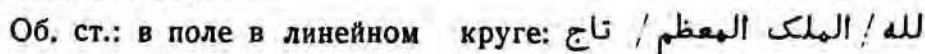
Диам. — 23,5 мм; вес — 2,91 г.

Междоусобная борьба в государстве хорезмшахов Ануштегинидов, вспыхнувшая после смерти Атсыза, отразилась и на монетном чекане Иль-Арслана. Законность его правления подтверждает надпись: „назначенный Атсызом“. Она, видимо, должна была продемонстрировать и друзьям, и врагам, что именно Иль-Арслан — законный преемник престола, назначенный Атсызом. Такие монеты чеканились и обращались продолжительное время. Имеется еще золотой динар с подобной легендой, но с прибавлением к титулатуре куньи — „победоносный“. Далее вместо прежней надписи помещены имя и титул его отца Атсыза —

8. Тадж ад-Дин Иль-Арслан. Обозначения места и года чеканки не сохранились [25].

Л. ст.: в поле в линейном круге:

Вверху   Круговая легенда частично стерта и обрезана.

Об. ст.: в поле в линейном круге:

Круговая легенда частично стерта и частично обрезана: الملك ببلد / ايل ارسلان بن اتسز / الدنيا و الدين / ابو المظفر /

Диам.—23 мм, вес—2,68 г.

Несмотря на свое прочное политическое положение в восточной части мусульманского мира, Иль-Арслан долго носил титул «малика» (арабское «царь», «государь»), который давался в XI—XII вв. владельцам небольших областей, находившихся в вассальной зависимости от верховного правителя — «султана» [26, с. 43]. Отсутствие точно датированных монет не позволяет установить, когда Иль-Арслан стал себя называть громким титулом «величайший султан». Неизвестно также, когда Иль-Арслан получил официальное юридическое право от халифа ал-Мустанджида выбивать свое имя на монете с титулом «султан». Ныне известна монета, носящая имя Иль-Арслана с этим громким титулом, чеканенная в Хорезме в 563 г. х. (1167—1168 гг.).

9. Тадж ад-Дин Иль-Арслан. Хорезм, 563 г. х. (1167—1168 гг.) [27].

Л. ст.: в поле в двойном линейном круге: لا اله الا الله محمد / رسول الله المستنجد بالله. Круговая легенда частично обрезана, сохранилась: ... دينار بخوارزم سنة ثلث ثنتين وخمسمائة.

Об. ст.: В поле в двойном линейном круге: لله السلطان الاعظم / تاج الدنيا و الدين ايل ارسلان بن اتسز. Круговая легенда сохранилась частично: ... الدينار بخوارزم سنة...

Диам.—23 мм, вес—2,55 г.

Как свидетельствуют письменные источники, к середине 60-х годов XII в. владения хорезмшахов значительно расширились. В Хорасане Иль-Арслан не сумел использовать выгодную для себя обстановку. По Ибн ал-Асиру, в 558 г. х. (1163 г.) он добился подчинения Гургана и Дахистана. Здесь хутба читалась на имя хорезмшаха, а после него на имя его союзника — эмира Инака. Мерв, Балх и Серахс находились в подчинении гузов, не признававших над собой ничьей верховной власти. Гератом владел дружественный гузам эмир Айтегин. В этих городах хутба читалась на имя давно умершего Санджара: «Боже, помилуй султана благословенного Санджара», а после него называлось имя правившего здесь эмира [16, с. 402]. Таким образом, в начале 60-х годов XII в. на территории восточно-сельджукидского государства образовался ряд крупных и мелких феодальных владений.

В джумаде 560 г. х. (март — апрель 1164—1165 гг.) владелец Нишапура Муайид Ай-аба попытался захватить Нису, но Иль-Арслан помешал этому. Там была установлена хутба с именем хорезмшаха. Оттуда последний пошел с войском на Дахистан.

Владетель Дахистана Инак перешел на сторону Муайида Ай-аба, который принял его самым лучшим образом и, послав к нему войско, помог отразить опасность со стороны Табаристана. Однако Инак потерял Дахистан, занятый хорезмским гарнизоном [16, с. 403—404]. Этот город стал важным опорным пунктом Хорезма на юге Средней Азии.

Укрепившись в Хорезме и расширив границы своего государства, Иль-Арслан присвоил себе громкий титул **السلطان الاعظم**.

Сохранилось представление, согласно которому всякая верховная власть в исламе исходит от повелителя правоверных халифа, а все султаны обязаны получить от него инвеституру и принести ему присягу. Однако на основании письменных источников В. В. Бартольд отмечал, что «достоинство мусульманского правителя, совершенно независимо от его отношения к аббасидским халифам, определялось исключительно степенью его могущества и характером его правления» [26, с. 43]. Известны случаи, когда мусульманские правители с оружием в руках лишали аббасидских халифов светской власти и, несмотря на упорное сопротивление последних, заставляли упоминать свои имена в хутбе в мечетях Багдада [16, с. 355; 26, с. 28—30].

В Хорасане при Иль-Арслане прочный порядок не был восстановлен. В обстановке внутреннего раздора в Средней Азии нечего было и думать о вытеснении «неверных» из Мавераннахра. Наоборот, хорезмшах должен был принять меры к защите собственной территории от нападения каракитаев. По свидетельству Ибн ал-Асира, в 567 г. х. (1171—1172 гг.) они пошли на Хорезм. Под предлогом несвоевременности посылаемой дани Иль-Арслан выступил против каракитаев, но заболел и поручил войско своему военачальнику Айяр-беку. Войска потерпели поражение, а их предводитель попал в плен. Хорезмийцам удалось спастись от окончательного разгрома лишь ценой разрушения плотины и затопления страны. Иль-Арслан вернулся больным в свою столицу Гургандж, где и умер 9 раджаба 567 г. х. (7 марта 1172 г.) [16, с. 404].

По данным средневековых письменных источников, все наместники и самостоятельные правители Хорезма из рода Ануштегина были названы «хорезмшахами» [16, с. 384, 443].

По сообщению Ибн Хордадбека, правители Хорезма в одном варианте носили титул «Хосров-и-Хорезм», в другом «хорезмшахи» [16, с. 146]. Аналогичные сведения сообщает Ибн Хаукал, на что обратил внимание С. П. Толстов [7, с. 205]. Известен еще один источник — официальное письмо к предводителю гузов Тути-беку от имени хорезмшаха Атсыза. В нем Атсыз называет себя и других вассалов султана Санджара, принимавших участие в подавлении восстания гузов, «маликами» [16, с. 318—319]. Н. И. Веселовский считал, что после второго (1143 г.) похода Санджара на Хорезм Атсыз объявил себя самостоятельным государем и с

этого времени владельцы Хорезма стали титуловать себя «хорезмшахами». Вместе с тем ученый полагал, что вряд ли допустила бы восточная дипломатия величать «шахом» наместника, назначаемого высшей властью. Видимо, правители Хорезма носили титул «вали» или «мутэвалли», т. е. «заведующий Хорезмом» [3, с. 60].

В. В. Бартольд и С. П. Толстов на основании письменных источников всех правителей из династии Ануштегинидов называют «хорезмшахами» [6, с. 386; 7, с. 274—275]. К. Э. Босворт считает, что при султане Мелик-шахе наместником Хорезма был Ануштегин. «Его преемники стали наследственными правителями и приняли титул хорезмшахов» [28, с. 154].

Исследованный нумизматический материал позволяет внести ясность в этот вопрос. Изучение опубликованных и неопубликованных золотых монет показало, что правители Хорезма не называли себя «хорезмшахами». Атсыз на монетах титулован «маликом» [20; 21; 22; 23; 24], и вероятно, пользовался таким титулом в течение всего своего правления. В этом отношении показателен золотой динар, чеканенный его сыном и преемником Иль-Арсланом, называвшим себя *بن اتسر الملك ببلد*, т. е. сыном Атсыза, великого государя [25]. Иль-Арслан тоже титуловал себя «маликом». Иногда на монетах, выпущенных с титулом «малик», он указывал свою кунью «победоносный» [25], что весьма интересно в свете данных письменных источников.

По Джувейни, Иль-Арслан носил кунью «отец победы» [16, с. 443]. Возможно, эту кунью он носил при жизни Атсыза. Последний, по нумизматическим данным носил кунью «победоносный» [24]. После смерти Атсыза, Иль-Арслан долго пользовался титулом «малик». Вследствие отсутствия точно датированных монет нельзя установить, когда именно он взял титул «султан». Неизвестно, получил ли Иль-Арслан вообще официальное юридическое право от повелителя правоверных халифа ал-Мустанджида выбивать свое имя на монетах с данным титулом. По ан-Насави, никто из халифов не называл великих властителей титулом «султан» [29, с. 297].

В настоящее время известен золотой динар Иль-Арслана с громким титулом «величайший султан», чеканенный в Хорезме в 563 г. х. (1167—1168 гг.). К этому времени он укрепил свое положение в Хорезме, значительно расширил границы государства [16, с. 402—404], и ему уже не соответствовал титул «малик». И, вероятно, после побед в Хорасане Иль-Арслан присвоил себе титул «султан». «Султаном,— пишет В. В. Бартольд,— мог называть себя только глава независимой династии..., при этом у такого государя не должно быть меньше 10 000 всадников войска. Если владений и войска у него больше, то его называют «величайшим султаном» [26, с. 43]. Прежние царские титулы — арабское «малик» и персидское «шах» — в XI—XII вв. стали даваться вас-

сальным владетелям, находившимся под верховной властью султана [26, с. 30; 30, с. 573]. Данные средневековых письменных источников о том, что «хорезмшах» — титул правителей Хорезма, пока еще не подтверждаются монетами Атсыза и Иль-Арслана. Преемник Иль-Арслана, Ала ад-Дин Абу-л-Музаффар Текеш (1172—1200 гг.) на своих монетах называет себя сыном хорезмшаха [31, с. 63; 20, с. 93, № 8], на что обратил внимание В. В. Бартольд [32, с. 526]. Возможно, титул «хорезмшах» употребляется в хутбе. Приводим данные монетного чекана о титуле Атсыза и Иль-Арслана:

Титул	Монетный двор	Год чеканки (г. х.)
Атсыз		
1. الملك المعظم اتسز	Не сохранилась	530 [20, с. 90, № 2].
2. الملك المظفر اتسز	Хорезм	538, 539, 547 [11, с. 92; 22; 23]
الملك العادل علا الدنيا و		
3. الدين ابو المظفر اتسز	Не сохранилась	[24]
4. الملك ببلد اتسز	Не сохранилась	[25]
Иль-Арслан		
1. الملك المعظم تاج الدنيا و الدين ايل ارسلان	Хорезм	[33, p. 145, № 7; 20, с. 92, № 6; 39]
2. الملك المعظم تاج الدنيا و الدين ابو المظفر ايل ارسلان	Не сохранилась	[25]
3. السلطان الاعظم تاج الدنيا و الدين ايل ارسلان	Хорезм	563, 567; 567 [27, 34]

Сохранившиеся золотые динары Атсыза и Иль-Арслана показывают, что чеканились они только в Хорезме. Функционировали ли монетные дворы в других городах государства хорезмшахов, пока неизвестно. Видимо, вся территория этого государства до начала 70-х годов XII в. пользовалась монетами центрального чекана. Правители Хорезма, вводя в оборот монеты собственного чекана, очевидно, не препятствовали и обращению золотых монет других государств. Об этом свидетельствует находка клада в Хорезме, содержащего сельджукидские и хорезмшахские золотые динары [20, с. 90—94]. Приведенные факты вновь подтверждают выводы Г. А. Федорова-Давыдова о том, что золотые динары выходили за рамки выпускавшего ее государства и обеспечивали торговлю между отдельными частями мусульманского мира [35, с. 136, 189]. «Функция золотых монет,— отмечает Е. А. Давидович,— как средства обращения в XI—XIII вв. была развита

больше, чем в предшествующие (IX—X) и последующие (XIV—XVII) столетия» [36, с. 49].

Золотые динары Атсыза и Иль-Арслана — образцы обычных золотых монет хорезмшахов из династии Ануштегинидов, высокой пробы металла (750; 900; 958; 960), которому не соответствует качество техники исполнения легенд. Невысокое качество техники изготовления монет на монетном дворе хорезмшахов отмечено нумизматами [37, с. 141; 20, с. 92].

Обращают на себя внимание две монеты с пробитыми в них отверстиями и приделанными ушками. Одна из них — чекана Атсыза. На ней небрежно пробито три отверстия [24]. Другая монета, выбитая Иль-Арсланом, с одним отверстием и семью приделанными ушками [25]. На ушки были прикреплены цепочки из тонкой золотой проволоки. Такая цепочка сохранилась на одном из ушек. У многих народов Азии и Европы существовал обычай украшать монетами грудь или головной убор. Для этого использовали в основном внешне красивые, имеющие хождение на рынках монеты из драгоценных металлов. В большинстве случаев монеты привешивались в качестве тумаров-талисманов для предохранения от сглаза и всяких напастей. Такой обычай бытовал еще в VIII—X вв., о чем свидетельствуют продырявленные и с приделанными ушками халифские и саманидские дирхемы, находящиеся в составе многочисленных кладов на территориях Руси и других стран Северо-Восточной Европы. Этот обычай отмечен нумизматами [38, с. XXXIII; с. 4; с. 286; с. 71; с. 10].

Нам известны пока только золотые монеты Ала ад-Дина Атсыза и Тадж ад-Дина Иль-Арслана. Серебряные и медные монеты этими правителями, видимо, также чеканились, однако, пока не найдены.

ЛИТЕРАТУРА

1. В историко-археологической литературе эта династия названа «Великими хорезмшахами» (см. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 154; История Каракалпакской АССР, т. I. Ташкент, 1974, с. 83—84), а в нумизматической — по имени родоначальника династии Ануштегина (см. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, с. 297; Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории южного Туркменистана до 1946 г. — Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, с. 141; Давидович Е. А. Средневековый чекан Нисы. — Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, с. 440; Кочнев Б. Д., Ерназарова Т. С. Находки монет XI — начала XIII вв. на Афраснабе. — В сб.: Афраснаб, вып. IV. Ташкент, 1975, с. 731). Последнее толкование более приемлемо.
2. Эти вопросы рассматривались нами (см. Сайпанов Б. С. Образование государства хорезмшахов Ануштегинидов. — В сб.: Проблемы истории СССР, вып. VI. М., 1977, с. 27—39). В последние годы в процессе исследования коллекции Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа в Ленинграде нами обнаружены неопубликованные монеты чекана хорезмшахов, которые позволяют пересмотреть и уточнить некоторые выводы, сделанные в вышеназванной статье.
3. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивии.

- ском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877, с. 56, 57.
4. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Т. III (перевод с немецкого Н. А. Медникова). СПб., 1896.
 5. Бартольд В. В. Кутб ад-Дин Мухаммед.— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.
 6. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч., т. I, М., 1963.
 7. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Он же. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М., 1948.
 8. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
 9. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольд. СПб., 1899.
 10. Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932.
 11. Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (По данным нумизматики). Ашхабад, 1977.
 12. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
 13. История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.
 14. История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1955.
 15. История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1967.
 16. Материалы по истории туркмен и Туркменин, т. 1. М.—Л., 1939.
 17. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
 18. Рахмани А. А. «Сулджук-наме» Захир ад-дина Нишапури, как источник по истории Азербайджана.— «Известия Академии наук Азербайджанской ССР». Серия общественных наук, 1963, № 3.
 19. Карриев А., Мошкова В. Г., Носонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
 20. Ходжаниязов Т. Клад золотых монет XII в. из Куя-Ургенчского района Туркменской ССР.— «Эпиграфика Востока», XX, 1971.
 21. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин. Под редакцией В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.
 22. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1309; см. также Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 297, № 1.
 23. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1310.
 24. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1311.
 25. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1316.
 26. Бартольд В. В. Халиф и султан. Соч., т. VI, М., 1966.
 27. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1312.
 28. Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П. А. Грязневича. М., 1974.
 29. Шихаб ад-дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание султана Джелал ад-дина Манкбурны. Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973.
 30. Бартольд В. В. Очерк по истории туркменского народа.— Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
 31. Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова. ЗВОРАО, т. III. СПб., 1888; Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1186, 1321, 1323, 1324.
 32. Бартольд В. В. Хорезмшах. Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.
 33. Fraehn ch. m. *Recensio numorum Muhammedanorum*. Petropoli, 1826.
 34. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1313, 1314.
 35. Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии.— Нумизматика и эпиграфика, т. II, М., 1960; Он же. Клад золотых монет из Самарканда. Историко-нумизматический сборник. М., 1962.

36. Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972.
37. Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории южного Туркменистана.— Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949.
38. Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1947; Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья.— «Труды общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 1. Баку, 1926; Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии, зарегистрированные в 1917—1927 гг.— «Известия Средазкомстариса», вып. III. Ташкент, 1928; Он же. Исторический этюд по нумизматике Джагатаңдов (По поводу Таласского клада монет XIV века).— «Труды САГУ», вып. 109. Ташкент, 1957; Мушегян Х. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962.
39. Коллекция Государственного Эрмитажа, инв. № 1315.

РЕМЕСЛО ХОРЕЗМА в XIII—XIV вв.

Нашествие монголов было разрушительным для городов Хорезма и Средней Азии. Однако во второй половине XIII в. хозяйственная жизнь левобережного Хорезма начала возрождаться благодаря созидательному труду земледельцев и ремесленников. Особого подъема достигли экономика и культура Хорезма в середине XIV в. Сохранившиеся архитектурные сооружения Куня-Ургенча, Миздахкана, Замахшара, Шемахакалы, Шахрлика, найденные здесь керамика, железные предметы, каменные сосуды, украшения свидетельствуют о высоком уровне средневекового ремесленного производства. Не случайно А. Ю. Якубовский и С. П. Толстов этот период называли эпохой возрождения, эпохой высокой городской культуры [56, с. 42—43; 35, с. 309].

В данной статье рассматриваются виды ремесла, номенклатура ремесленных изделий, произведенных в Хорезме в XIII—XIV вв., без подробного исследования технологии и анализа керамического производства, поскольку последнее широко освещено в трудах А. Ю. Якубовского и Н. Н. Вактурской [55, с. 28—48; 9, с. 300—328].

Металлообрабатывающее ремесло. Ввиду отсутствия местной сырьевой базы в хорезмских городах металлургия не получила высокого развития. Однако для удовлетворения ряда повседневных хозяйственных и бытовых нужд в VIII, XII—XIV вв. в западной части Султануиздага и в Беркуткалинском оазисе производилась плавка медных и железных руд [20; 21, с. 101—103]. Нехватка железных руд могла восполняться завозом из соседних горнодобывающих районов. Судя по археологическим данным, местные кузнецы и литейщики обрабатывали сырую продукцию и выпускали разнообразные изделия: тесла, теша, лопаты, кетмени, ножи, серпы и топоры.

Ножи. Тип I. В основном длинные, черенковые, прямые, обычно треугольные в сечении (рис. 1, 1—2), спинки вогнуты, длина ножей — 18—22 см. В большом количестве они встречаются в средневековых памятниках Хорезма эпохи хорезмшахов и Золотой Орды. Внешняя поверхность ножей подвергнута сильной

коррозии, что затрудняет определение их размеров. Подобные ножи найдены в Шемахакале [9, с. 180, рис. 5, 3], в Шахрлике [11, с. 51, рис. 6, 9—10], в Куня-Ургенче [38, с. 526], в караван-сараях Учкудука [23, с. 11], в Талайханате [14, с. 460] и сельских поселениях [22, с. 111, рис. 64, 2—4, 8].

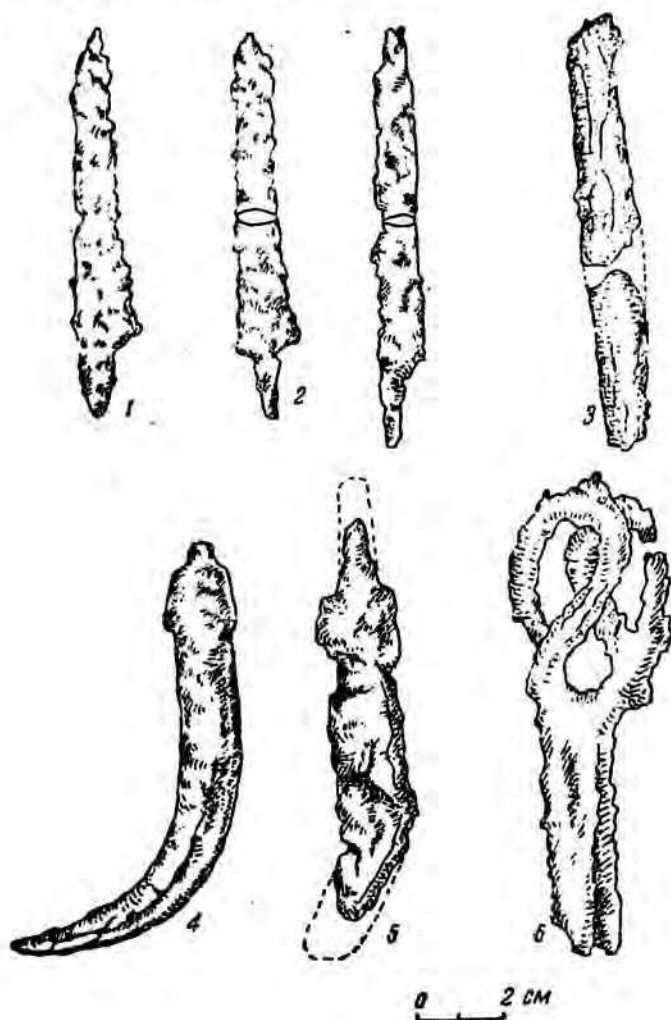

Рис. 1. Изделия из железа с памятников Хорезма:

1—3—Шемахакала, Шахрлик; 2—караван-сарай Учкудук; 4— Уйгарак; 5—Куня-Ургенч; 6—караван-сарай Булак.

Тип II. Ножи черенковые, серповидные, наподобие современных садовых (рис. 1, 4—5). Большое количество таких ножей найдено при раскопках сельских поселений Хорезма, связанных с поливным земледелием [21, с. 111, рис. 64]. Возможно, что здесь в XIII—XIV вв. занимались и садоводством. Это подтверждают

многочисленные остатки садово-парковых комплексов в Западном Хорезме.

Серпы. Они составляют особую группу железных изделий, встречаются в Шемахакале, Куня-Ургенче, Уйгараке и сельских поселениях Хорезма [48; 8, с. 180, рис. 5, 4; 36, с. 285, рис. 183, 4; 22, с. 132]. Серпы, аналогичные хорезмским, характерны для Поволжья и Средней Азии XIII—XIV вв. [45, с. 116, табл. III, 1; 6, с. 88, рис. 58, 10].

Лопаты. Один образец с двумя ушками найден при раскопках караван-сарая Талайханата, датированного XIII—XIV вв. (рис. 2, 1). Такие лопаты применяет и сейчас сельское население хорезмского оазиса [32, с. 258, рис. 2, 6—7]. Другой экземпляр найден во время раскопок в поселении Акча-Гелин. Лопаты и кетмени встречаются при раскопках сельских поселений золотоордынского Хорезма [14, с. 460; 22, с. 135, рис. 82, 5, 7].

Топоры и тесла представлены тремя экземплярами (по публикациям Е. Е. Неразик) [22, с. 110, 135, рис. 82, 1—3]. Один из них, с широким лезвием и узкой насадкой, по форме напоминает современные столярные топоры. Топоры с утолщенным клинообразным лезвием, видимо, использовались для другой работы. В число железных орудий входит и тесло (теша). Оно могло использоваться для обработки дерева при мелких земляных работах [23, с. 11].

Ножницы — редкая находка в Хорезме, встречаются в основном на памятниках золотоордынского времени (рис. 1, 6). Ручки их округлой и эллипсо-овальной формы. По одному экземпляру ножниц найдено в караван-сараях Талайханата [14, с. 469, рис. 13, 3] и Булака [24, с. 29, рис. 7], они датируются XIII—XIV вв. Аналогии встречаются в памятниках монгольского времени Поволжья [40, с. 117, табл. IV, 1] и в белореченских курганах на Кубани [26, с. 43, рис. 219]. В большом количестве обнаружены железные и бронзовые гвозди, крючки, подковы, пряжки. Подавляющее большинство образцов представлено фрагментарно, их форму не удалось восстановить.

Письменные источники сообщают о производстве в Хорезме в домонгольский период (XI—XIII вв.) замков, подков и седел [56, с. 3]. Как свидетельствуют арабские авторы Ан Нуейри, Ибн Абдазахра, такие изделия выпускались в Хорезме и в XIII—XV вв. Особенно славились в золотоордынский период хорезмские седла и уздечки с золотыми и серебряными насечками [33, с. 60, 100, 152]. Об изготовлении в Хорезме мечей, луков и стрел и о старых традициях ремесел упоминает также Антоний Дженкинсон, побывавший в Хорезме в 1558 г. [2, с. 178].

Металлообрабатывающее ремесло существовало здесь не только в городах, но и в сельских поселениях, что подтверждают находки железных шлаков на развалинах Акча-Гелин [22, с. 130].

Бронзовые изделия. Многочисленная группа археологических

находок представлена украшениями (особенно много серег), сосудами, зеркалами и предметами домашнего обихода.

Сосуды. Из бронзы изготавливали различную посуду, чаще всего блюда. Хорошо сохранившаяся бронзовая тарелка с орнаментом найдена в Куня-Ургенче [38, с. 526], а блюдо с таким же краем, украшенное орнаментом, — в караван-сараяе Талайханата (XIII—XIV вв.) [14, с. 460]. Обнаружены также миниатюрные

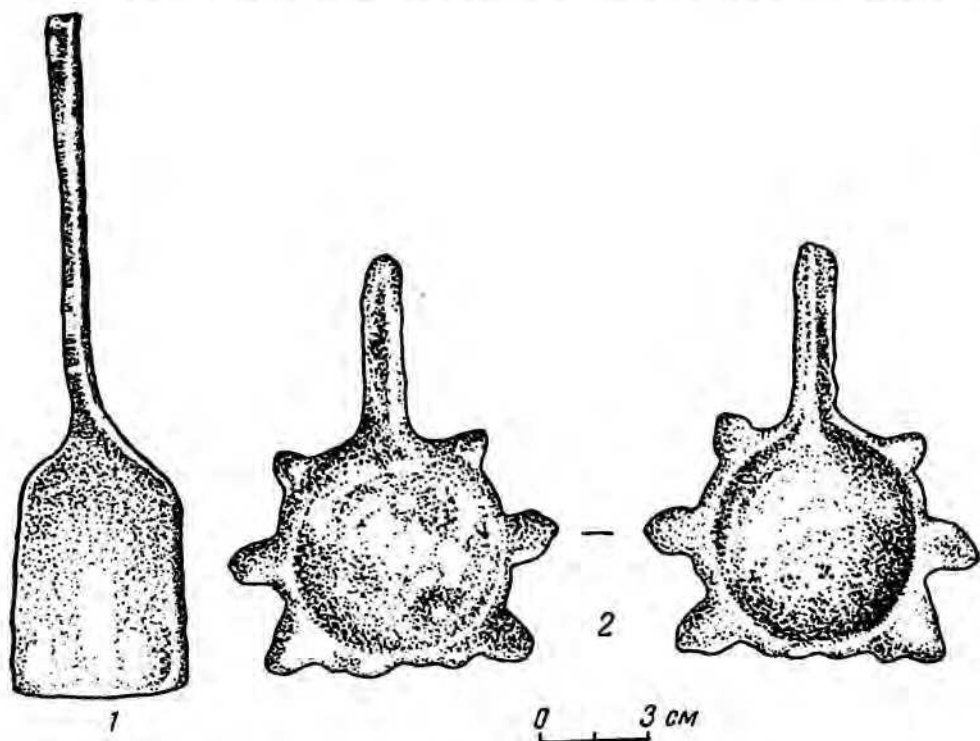

Рис. 2. Железные изделия с памятников Хорезма:

1—поселение Уйгарах; 2—Куня-Ургенч.

флакончики для жидкости, шаровидной формы, с тонкими прозрачными узорами, на кольцевидном поддоне.

Ложки. Известно два вида. К первому относится кованая ложка овальной формы с длинной витой ручкой [52, с. 91]. Такие, очевидно, изготавливались в Хорезме в XIII—XIV вв. Прямая аналогия этих находок встречена в средневековом Карабулаке [6, с. 91, рис. 62, 4], Поволжье [43, с. 163, табл. III; 35, с. 164, табл. IV, 17]. Второй вид представлен миниатюрной плоской ложкой с короткой ручкой.

Булавка. Найдена в золотоордынском слое городища Хазарасп (рис. 7, 17). Головка ее украшена четырьмя вставками из бирюзы, с двух сторон к ней было подвешено по тонкому бронзовому щитку [16, с. 172, рис. 10, 3].

Зеркала. До недавнего времени находки бронзовых зеркал в Хорезме были единичными. Однако при археологических исследованиях памятников Хорезма XIII—XIV вв. здесь обнаруживаются все новые и новые экземпляры, что позволяет предполагать производство зеркал. На городищах Шемахакала, Джанпыккала, Миздахкан, в караван-сараях Устюрта и сельских поселениях найдены фрагменты следующих типов дисковидных бронзовых зеркал.

Тип I. Зеркала без орнамента, с гладкой поверхностью, по краю выпуклый валик. Диаметр 6—10 см (рис. 3, 2) [23, с. 10; 24, с. 29].

Тип II. Дисковидные зеркала с рельефным орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток на точечном фоне в окружении цепочки лепестков с плоским утолщенным краем (рис. 3, 1). Диаметр 8—10 см [53, с. 105, рис. 49, 12; 20, с. 173].

Тип III. Зеркала с растительным и геометрическим орнаментом. Геометрические узоры в виде неполных переплетенных кругов, охватывающих края, по которым проходит выпуклый валик. Диаметр зеркал 7—8 см, толщина 0,2 см (рис. 3, 3—4). Фрагменты таких находок единичны, поэтому не поддаются полному описанию [11, с. 51]. Аналогичные образцы встречаются в столицах Золотой Орды [39, с. 269, рис. 16, с. 262, рис. 10] и на памятниках Северного Хорезма [36, с. 183].

Тип IV. Бронзовое зеркало с бортиком в виде дугообразной каймы с выпуклыми фигурами рыб (рис. 3, 5) найдено во время раскопки подсобных помещений мавзолея Мазлумхан-сулу, датируется XIV в. Подобные зеркала на территории Хорезма встречаются впервые. В золотоордынских городах Поволжья их находят повсеместно [42; 46, с. 163]. Близкие аналогии характерны для памятников Дальнего Востока XII—XIII вв. [48, рис. 6].

Близость художественных элементов дальневосточных и золотоордынских зеркал позволяет предполагать, что последние сложились под влиянием первых [46, с. 166]. Возможно, и в Хорезме бронзовые и серебряные зеркала изготавливали по образцам китайских.

Серьги. Часто встречаются на городище Шахрлик в левобережном Хорезме и сельских хорезмийских поселениях XIII—XIV вв. [13, с. 249; 22, с. 136, 151, рис. 97, 1—3]. Все они в форме вопросительного знака (рис. 7, 9—16). Сделаны из бронзовой проволоки в виде незамкнутого кольца с длинными стерженьками. Стержень украшен закрученными проволочками, иногда к его концу прикреплены бусы из стеклянной пасты. Такие же находки обнаружены в памятниках золотоордынского времени в Поволжье и в кипчакских погребениях XIV в. Появление вопросовидных серег в хорезмских памятниках, возможно, связано с влиянием культуры кочевников. Об этом свидетельствуют аналогичные образцы, встречающиеся в этнографических материалах народов Хорезмского оазиса, в этногенезе которых участвовали кипчаки

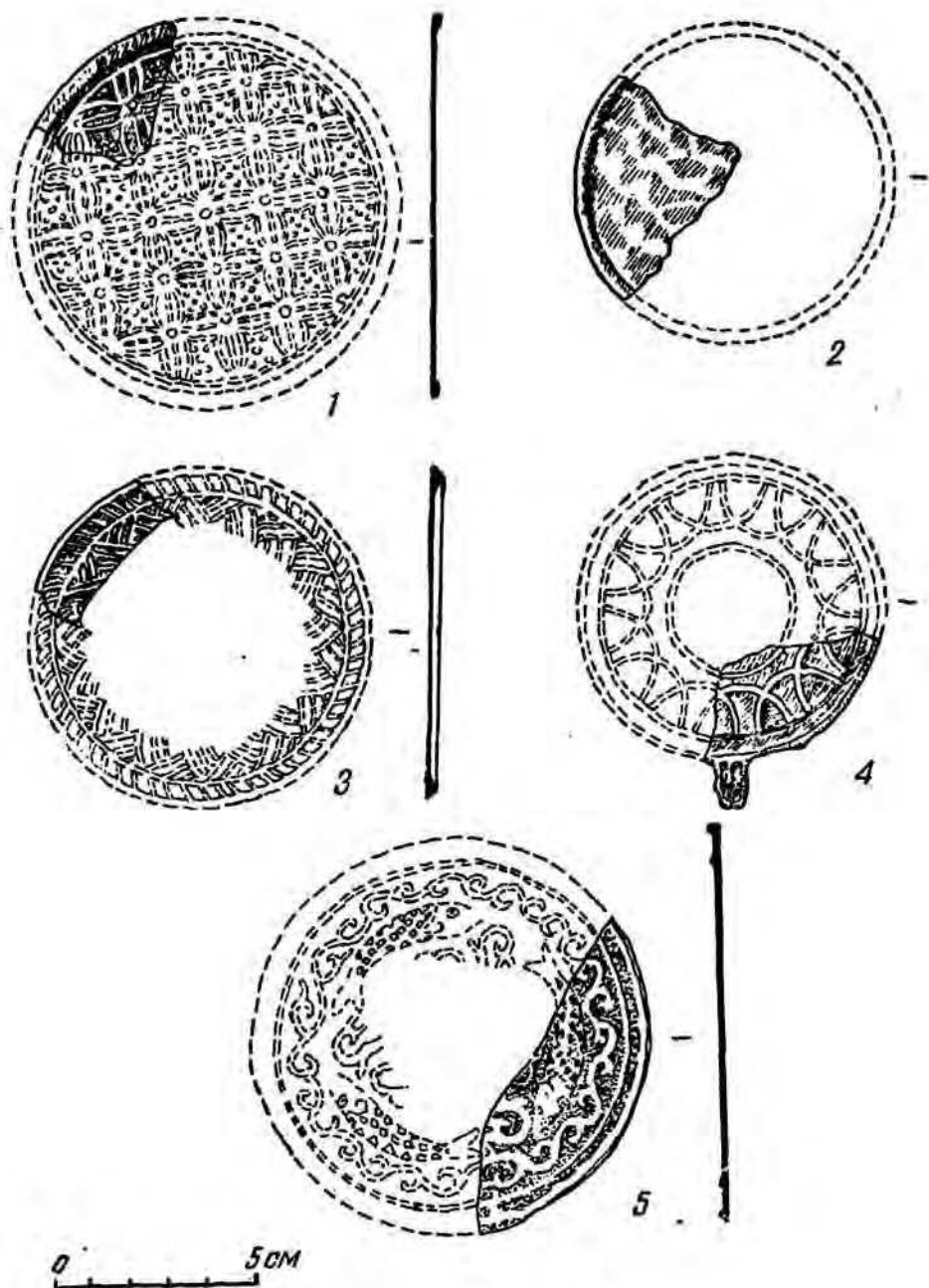

Рис. 3. Бронзовые зеркала с памятников Хорезма:

1, 5 — Мазлумхан-сулу; 2 — караван-сарай Учкудук; 3, 4 — городище Джанпыккала.

[12, с. 252]. На городище Шахрлик найдены также золотые серьги в вопросовидной форме.

Браслеты. Известны лишь единичные экземпляры в Миздахкане [22, с. 106], Ваянгане в слоях XIII—XIV вв. Особенно много их в сельских поселениях. Они изготовлены из литой округло-плоской проволоки с ровной поверхностью [53, с. 105, рис. 49, 10—11; 25, с. 29, рис. 8—9]. Сопоставление браслетов XIII—XIV вв. с домонгольскими экземплярами показывает, что образцы XII—XIII вв. отличаются более изысканным орнаментом, техникой изготовления.

Кольца. Встречаются три вида: ободковые, пластинчатые, лентообразные и перстни. Они известны на многих памятниках Хорезма эпохи Золотой Орды. Основным материалом служили медь, железо. Ободковые кольца круглого сечения изготовлены путем литья в готовую форму. Перстни круглого сечения в отличие от ободковых колец имеют прямоугольный щиток, орнаментированный сложным рисунком одинаковой композиции [53, с. 105, рис. 49, 3]. Другой экземпляр перстня имел округлое сечение, щиток украшен бирюзовыми вставками. Подобные находки из меди и серебра довольно часты в подъемном материале Миздахкана. Пластинчатые лентообразные кольца сделаны из плоской ленты, полученной путемковки. Такие украшения характерны для сельских поселений Хорезма XII—XIV вв. [22, с. 151, рис. 97, 6—7].

Бубенчики. Обнаружены единичными экземплярами во фрагментах в хорезмских городах XIII—XIV вв. При раскопках, проводившихся в сельских поселениях Хорезма XII—XIV вв., извлечены целые образцы шаровидной формы, спаянные из двух сегментовидных половин. Иногда они украшались точечными шпешечками, а также рифлением [22, с. 106, рис. 59, 9—14]. Возможно, производились и в XIII—XIV вв.

Среди бронзовых изделий особое место занимает чаша весов с тремя ровно расположенными ушками по краю. Внутренняя и наружная стороны чаши украшены концентрическими кругами [38, с. 526, рис. 9]. Подобные сосуды встречаются на хорезмских поселениях XII—XIII вв. [22, с. 99, 100]. Бронза применялась также для облицовки железных изделий.

Особого размаха достигло в Хорезме в средние века камнерезное ремесло. В горах Султануиздага обнаружено несколько выработок по добыче аметиста, бирюзы, мрамора и тальковых камней. Добыча камня в Хорезме начинается по археологическим данным с IV—III вв. до н. э. [20, с. 192—194] и усиливается в средние века. Ал Омари упоминает о выработке камней в Хорезме [38, с. 242]. Добыча талькового камня, мрамора, бирюзы, судя по археологическим данным, производилась и в XIII—XIV вв. Каменные изделия, особенно котлы, вывозились из Хорезма в соседние области. Виды каменных изделий весьма разнообразны: котлы, светильники, архитектурные и строительные детали, украшения.

Каменные сосуды. Среди каменных изделий наиболее многочисленны котлы, представленные в основном фрагментами. Но сохранились и целые образцы. Один из них был опубликован А. Ю. Якубовским еще в 1930 г. Котел, вероятно, ритуального назначения, был найден на некрополе Миздахкана у мазара Шамун-Наби (рис. 4, 2). Это четырехгранный, расширяющийся кверху сосуд высотой 76 см, размеры верхних краев — 95×95 см. Каждая сторона сосуда орнаментирована резными рисунками в виде кругов, шести- и восьмигранных звезд. По бокам в верхних углах нанесен стилизованный растительный орнамент. По сохранившейся надписи котел датируется 1322 г. [54, с. 578].

Примечателен сосуд из талька — уникальный образец высокого мастерства хорезмских камнерезчиков XIII—XIV вв. Котлы изготовлены из темно-серого талька. Один с широким дном, с круто поднимающимися кверху стенками. Второй — такой же, но меньше размером, имеет крышку. Наружная сторона котлов украшена нарезным вертикальным рельефным орнаментом (рис. 4, 3—4). Большинство сосудов с четырехгранными ушками-выступами [36, с. 285, рис. 183, 9; 52, с. 75, рис. 2, 9]. Аналогичные каменные котлы встречаются на памятниках Поволжья [43, с. 102], Северного Кавказа [31, с. 157] и Средней Азии [3, с. 83; 27, с. 139, рис. 281].

В Хорезме изготавливались каменные крышки для ташны и сосудов. Их фрагменты найдены в Каваткалинском оазисе [22, с. 75] и Джанпыккале, датированные XIII—XIV вв. [20, с. 172]. В материалах Джанпыккалы обнаружены светильник и «ковши» из талька [52]. Светильники имеют полузакрытый шестигранный корпус, длинный граненый носик, а на противоположной стороне сохранился след отломанной ручки. Корпус украшен резьбой в виде вертикальных полос и носиком — четырехлепестковый вырез для фитиля [рис. 5, 7].

Среди изделий хорезмских камнерезчиков — каменные базы колонн двух видов: квадратные и четырехгранные, ступенчатые. Для их изготовления использовался мрамор и песчаник. Ступенчатые базы существовали в Хорезме с эпохи античности до позднего средневековья (рис. 4, 1) [30, с. 146, 150; 38, с. 512; 49]. Подобные образцы известны в Каваткале, сельских поселениях западного Хорезма [22, с. 75, 82].

О высоком мастерстве хорезмских камнерезчиков свидетельствуют мраморные плиты с великолепным орнаментом, найденные в Куня-Ургенче и в доме № 60 в Каваткалинском оазисе [22, с. 75].

В число находок входят бусы и подвески из камня [48; 15, с. 67]. Они встречаются в основном на памятниках XII—XIII вв. [14, с. 466; 29, с. 116—117]. Представляется, что бусы из камня изготавливались и в XIII—XIV вв.

Стеклоделие. В Хорезме, как и во всей Средней Азии, в домонгольский период производилось в большом количестве бытовые стеклянные сосуды и оконное стекло [37, с. 423]. В XIII—

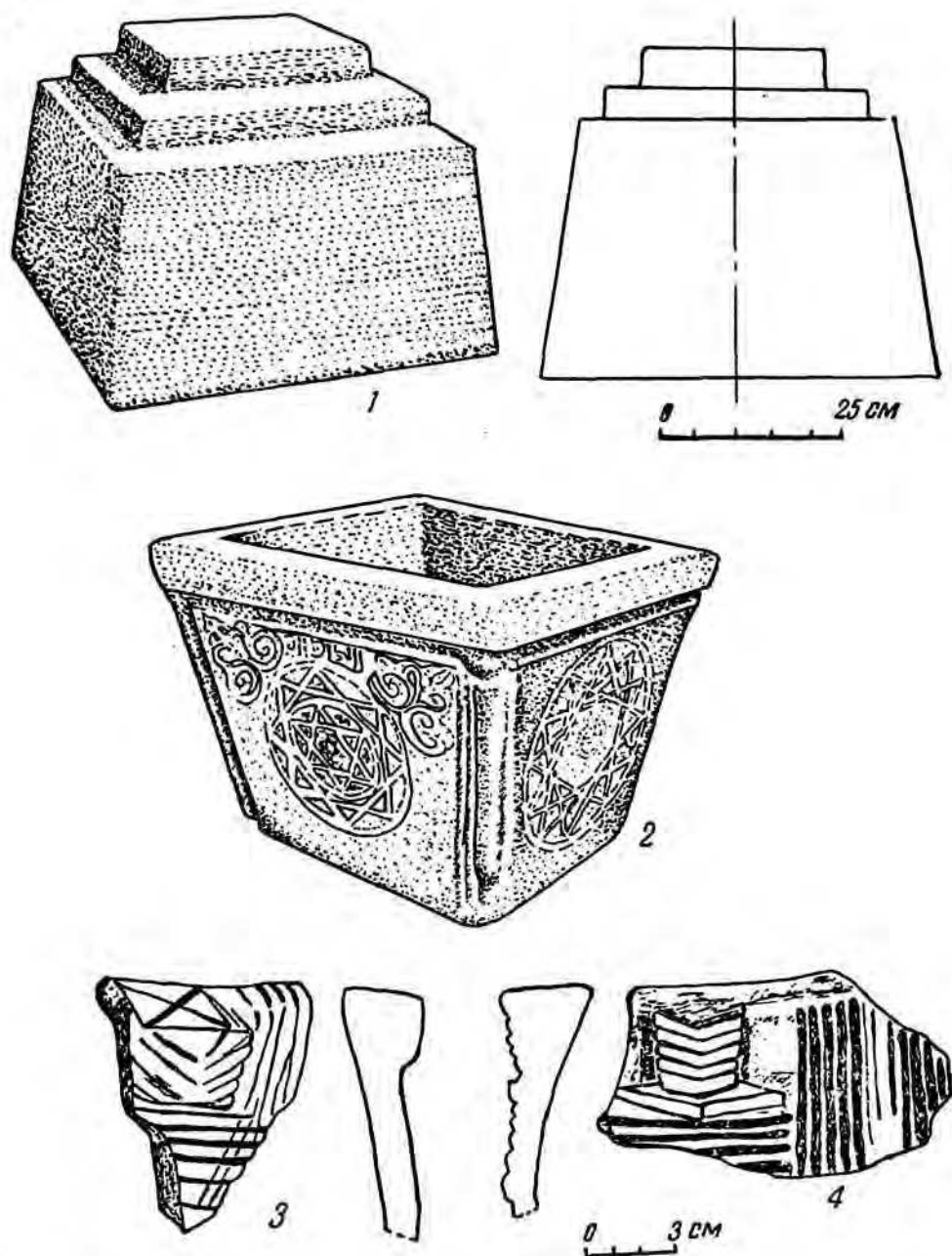

Рис. 4. Каменные изделия:

1—каменная база (Джанпыккала), 2—каменный сосуд (Миздахкан); 3, 4—фрагменты тальковых котлов (Мончаклы, Бограхан).

XIV вв. хорезмские стеклодувы изготавливали сосуды, оконное стекло и украшения, пользуясь традиционными и разнообразными приемами. Остатки стекольного производства обнаружены в Кую-сае [37, с. 427—430], Шахрлике [11, с. 46, 47] и на Садваре [14, с. 499].

Оконное стекло. Его изготовление производилось путем дутья под действием центробежных сил [37, с. 422]. Многочисленные фрагменты оконного стекла из хорезмских городов XIII—XIV вв. плохо сохранились, поэтому трудно восстановить его размеры. Оконные стекла были, вероятно, круглой формы, разной толщины (рис. 6, б). В средневековом городе Замахшаре, датированном XII—XIV вв., найдено оконное стекло с гипсовой решеткой [37, с. 422]. Стекла прозрачные, но иногда встречаются мутно-зеленоватые. Оконное стекло встречается в Куния-Ургенче, Шемахакале, Шахрлике, Миздахкане и сельских поселениях Хорезма вплоть до XVII в. [11, с. 50; 37, с. 526].

Бытовые сосуды. Основную массу стеклянных изделий составляют чаши, кувшины, банкообразные сосуды (туваки), бокалы и флаконы (рис. 6, 1—8, 11). Стекла разнообразные: желтые, синие, бирюзовые, а также зеленовато-прозрачные. По многочисленным уцелевшим деталям можно представить форму сосудов. Флаконы, кувшины имели горло с венчиком, округло-сферическое тулово и ручку. Они украшались стеклянными налипными нитями того же цвета, что и сосуд.

Часты находки фрагментов банкообразных сосудов (туваков) и сумаков. Они мало отличаются друг от друга по цвету и материалу. Восстановлен по сохранившимся фрагментам тувакообразный сосуд, найденный на Шах-Санеме, с высоким, расширяющимся кверху цилиндрическим туловом и рельефным орнаментом из неправильных шестиугольников. Верхний край сосуда утолщен. Туваки, изготовленные из прозрачного голубовато-зеленого стекла, найдены в Шемахакале [447], Шах-Санеме [37, с. 426]. Вместе с сумаками они входят в комплект детских люлек. Аналогичные хорезмийским XIII—XIV вв. стеклянные бытовые изделия широко распространены в домонгольских памятниках Средней Азии и Нижнего Поволжья [7].

Украшения (рис. 7, 1—8). Шаровидные, ребристые, биконические, уплощенно-шаровидные и зонные хорошо сохранившиеся стеклянные бусы — частые находки в городах и сельских поселениях Хорезма XIII—XIV вв. [22, с. 128, 136].

В Хазараспе и Куния-Ургенче в слоях золотоордынского времени обнаружены единичные экземпляры стеклянных браслетов.

Из стекла изготавливали также подвески — неправильно-цилиндрические и фигурные, орнаментированные разноцветными прожилками. Аналогичные украшения встречаются в единичных экземплярах на городище Куния-Ургенч, Шахрлик и на сельских поселениях золотоордынского времени в западном Хорезме [11, с. 60; 15, с. 60, рис. 4, № 16].

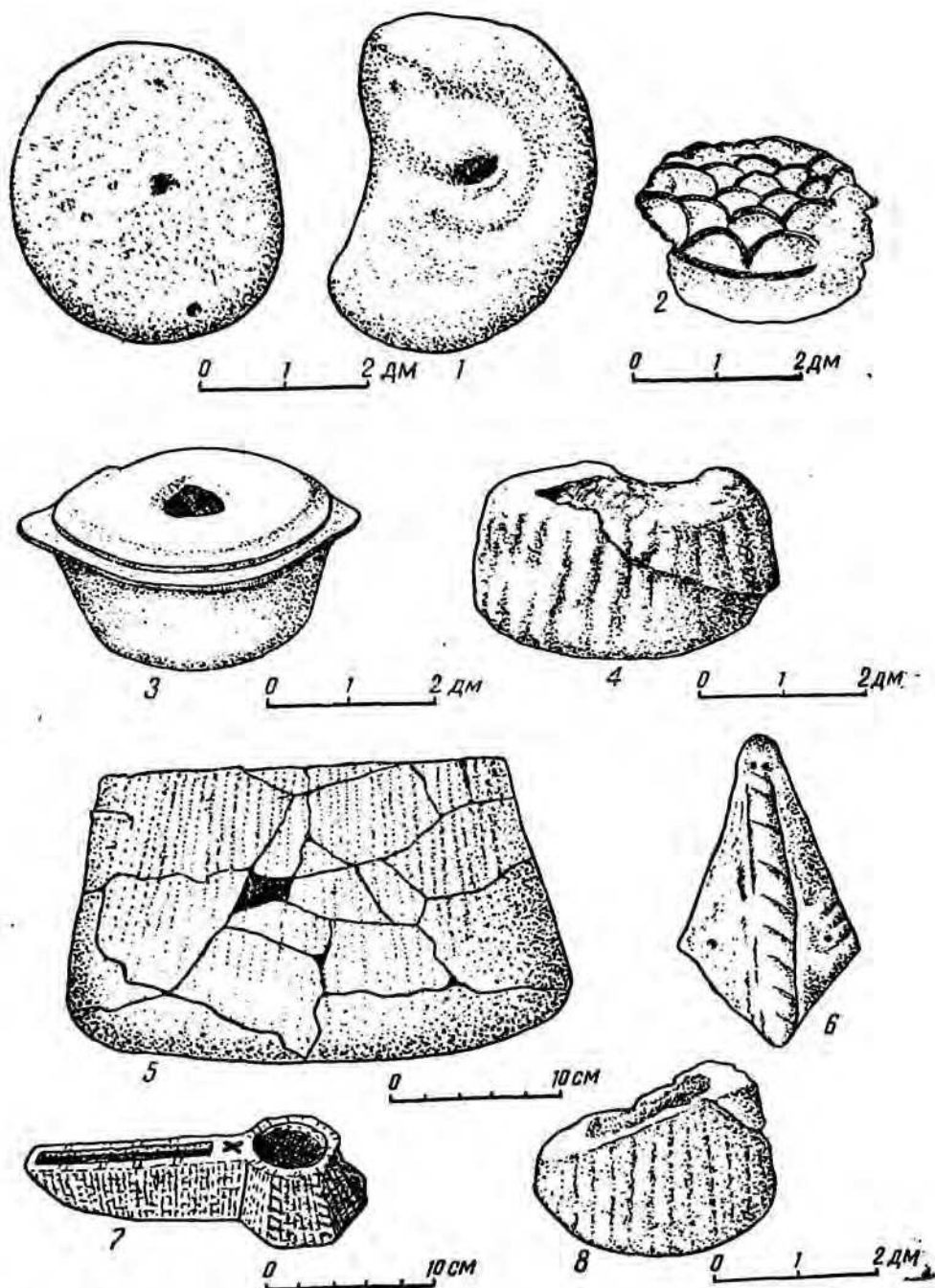

Рис. 5. Каменные изделия:

1—дигирман (жернов); 2—крышка ташны; 3, 5—тальковые котлы; 4, 8—полуфабрикаты из талька; 6—подвеска; 7—тальковый светильник.

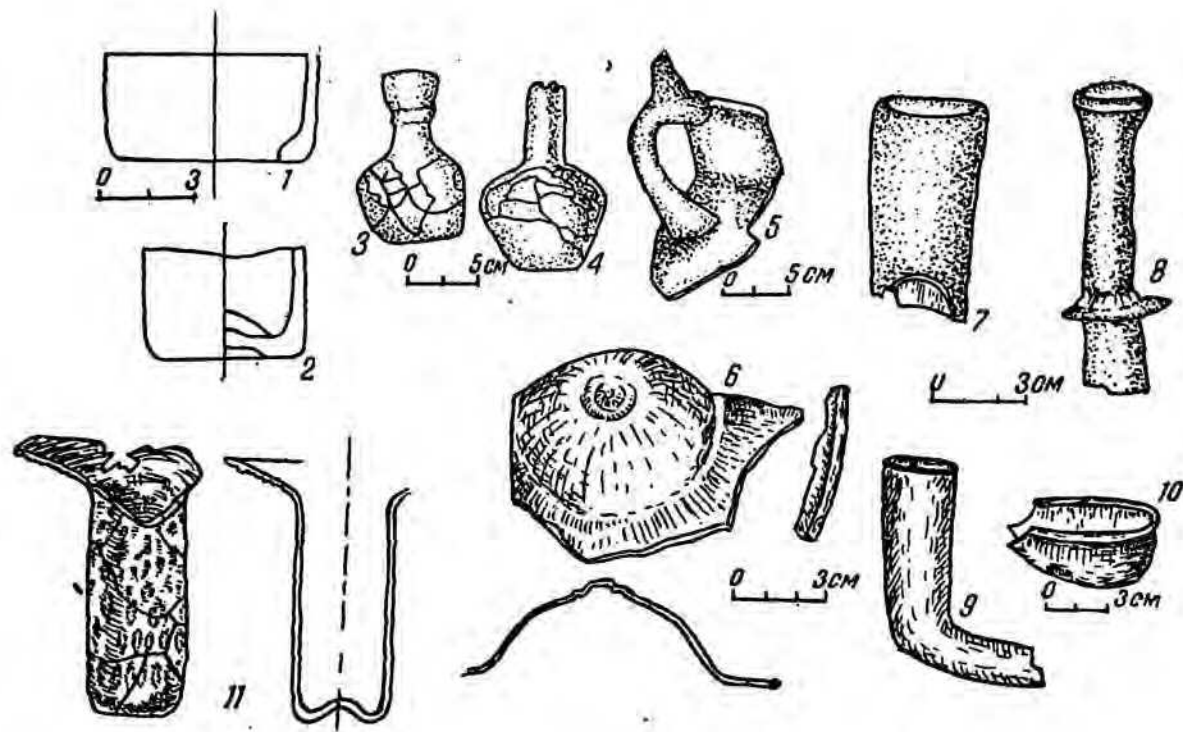

Рис. 6. Стекланные изделия с памятников Хорезма:

1, 2, 5, 6, 9—Шемахакалы; 3, 4—Миздахкан; 7, 8—Куня-Ургенч; 10—Шахрлык; 11—Шахсанем.

Обработка кости. В хорезмских городах XIV в., Ургенче, Шемахакале и других широкое распространение получило изготовление предметов быта из кости [18, с. 181; 38, с. 525—526]. В XIII—XIV вв. косторезы продолжали традиции домонгольских мастеров Хорезма. На домонгольских и послемонгольских костяных изделиях Хорезма преобладает циркульный и штрихово-ажурный орнамент. Такой способ обработки костей известен здесь с VIII в., о чем свидетельствуют находки полуфабрикатов из кости в Тешиккале (VII—VIII вв.) [34, с. 142, табл. 55—56]. В XIII—XIV вв. кость, в основном, применялась для обкладки рукояток ножей и кинжалов. Иногда эти изделия тщательно обрабатывались и орнаментировались. Узор вдавливался на готовой костяной пластине горячим штампом или гравировался. В XIV в. специализированная косторезная мастерская существовала в Ургенче, где в 1952 г. найдены костяные трубочки, кольцо для стрельбы из лука. Хорезмские мастера изготавливали также стержни для музыкальных инструментов, украшения — шпильки, пуговицы. Разнообразные изделия из кости, полуфабрикаты из слоев XIII—XIV вв. свидетельствуют о высоком развитии косторезного ремесла в Хорезме.

Обработка дерева. Деревянные элементы интерьеров жилищ, продукции плотников и столяров в археологических памятниках Хорезма почти не сохранились. Остатки деревянных конструкций с резьбой встречаются в дворцовых комплексах Каваткалы, датированных XII—XIII вв. [19, с. 502; 34, с. 345, табл. 67, 3]. На применение в строительстве Хорезма дерева указывает также Ибн Баттута, посетивший в 1333 г. Хорезм. Он дает следующее описание внутреннего интерьера дома хорезмского эмира Кутлуг-Тимура: «...Мы прибыли к нему домой и вошли в большой павильон, большинство комнат которого деревянные. Затем вошли в малый зал с деревянным позолоченным куполом и со стенами, украшенными разноцветным сукном...» [17, с. 140].

Текстильное производство. В Хорезме в домонгольский период производились женские вуали, плащи, наволочки для подушек, ткани «арзандж» и ковры [4, с. 273]. Источники XIII—XIV вв. не упоминают об их производстве в золотоордынское время, лишь Абд ар-Рашид ал-Бакуви (XIV—XV вв.) писал о существовании в Хорезме ткацкого ремесла: «Их женщины (Ургенча.— М. К.) выделывают иглой прекрасные изделия: шьют и ткут золотом» [1, с. 91]. Очевидно, традиции хорезмских текстильщиков развивались в монгольское время. Это подтверждают археологические находки: обрывки тканей из хлопка, шерсти, а также многочисленные пряслица.

В XIII—XIV вв. в Хорезме получило развитие и кожевенное производство. В этом убеждают обрывки кожи в культурных слоях археологических памятников Хорезма рассматриваемого периода. Кожевенное производство представлено ремнями для конских сбруй, уздечек.

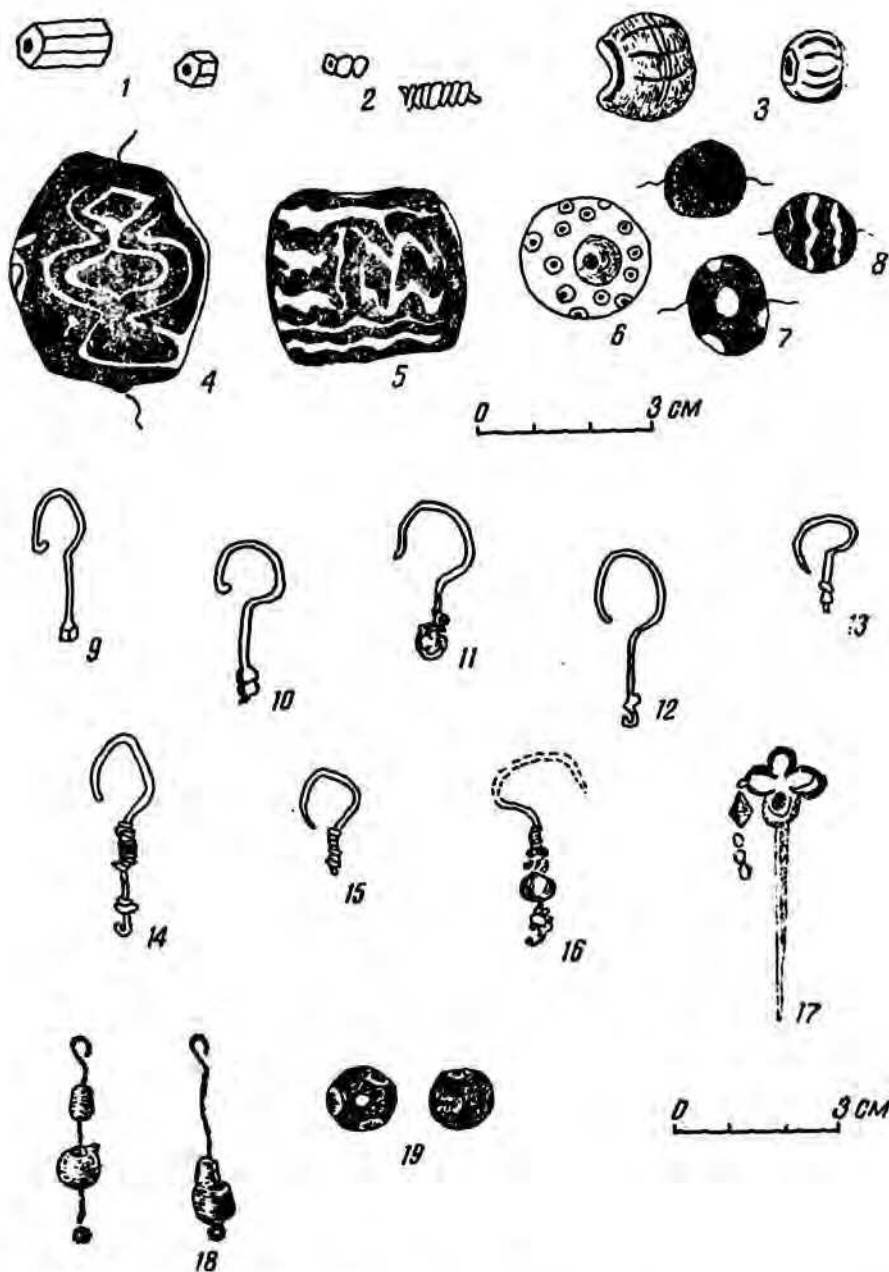

Рис. 7. Стекланные и бронзовые украшения:

1, 4, 7, 8—бусы из Шемахакалы; 5, 6—бусы из Куя-Ургенча; 2, 3—бусы из сельских поселений Хорезма; 19—бусы из Миздахкан; 9, 10, 11, 12, 13—бронзовые серьги из Шахрлика; 18—серьги из Миздахкана; 14, 15, 16—серьги из сельских поселений эпохи Золотой Орды; 17—бронзовая булавка.

Накануне монгольского нашествия в Хорезме существовала высокоразвитая экономика и культура. Этому способствовало расположение Хорезма на пересечении торговых путей. О роли хорезмских городов в развитии торговли писал агент флорентийской торговой фирмы XIV в. Бальдучи Пеголоти: «Кто хочет отправиться из Генуи или Венеции... в Китай, то пусть везет с собой ткани и идет в Ургенч, а в Ургенче купит на них серебро и идет дальше в Китай» [42, с. 179]. Как типичный средневековый феодальный город Ургенч был центром ремесленного производства. Сюда приходили караваны, странствовавшие с ними ремесленники.

Возрождению ремесленного производства в Хорезме способствовало возвращение монголами уведенных в плен ремесленников [18, с. 79; 28, с. 111]. Заинтересованные в прибылях монгольские ханы и аристократия поощряли развитие ремесла и торговли. Они широко использовали дешевый рабский труд, обеспечивающий возросшие потребности ремесленного производства [39, с. 261; 40, с. 239; 45, с. 83].

Выявление в Герате, Самарканде и городах Поволжья процесса специализации наводит на мысль о возможности существования в хорезмских городах корпорации ремесленников, поскольку Хорезм в средние века поддерживал тесные экономические контакты с ремесленными центрами Средней Азии, Поволжья.

Характерно, что подъем ремесленного производства наблюдается только в левобережных городах Хорезма. Возрождение хозяйственной и ремесленной жизни Левобережья объясняется еще и прорывом вод Амударьи в Сарыкамышскую впадину, в результате которого обводнились старые русла Дарьялыка и ДAUDANA. В бассейнах данных рек появляются неукрепленные поселения и городища. Через них проходила главная караванная дорога. Все это сыграло значительную роль в возрождении ремесла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. *Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар*. М., 1971.
2. Антоний Дженкинсон. Путешествие в Средней Азии в 1558—1560 гг.— В кн.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.* Л., 1933.
3. Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973.
4. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. *Средневековый город Средней Азии*. Л., 1973.
5. Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв.— *ТОВЭ*, т. II, Л., 1940.
6. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
7. Бусятская Н. Н. Стекланные изделия золотоордынских городов Поволжья. Автореферат канд. дисс. М., 1973.
8. Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Ше-маха-кала Туркменской ССР.— *ТХАЭЭ*, т. I, М., 1952.
9. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— *ТХАЭЭ*, т. IV, М., 1959.

10. Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г.—ТХАЭЭ, т. 1, М., 1958.
11. Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма.—МХЭ, вып. 7, М., 1963.
12. Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик.—В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
13. Вактурская Н. Н. Раскопки средневекового города Садвара.—АО—1973. М., 1974.
14. Вишневская О. А. Раскопки караван-сараяв Як-Айла и Талайхан-Ата.—ТХАЭЭ, т. 11. М., 1958.
15. Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма.—МХЭ, вып. 7. М., 1963.
16. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.—МХЭ, вып. 6. М., 1963.
17. Ибрагимов Н. «Путешествие» Ибн Баттуты (1333 г.) как источник по истории Средней Азии.—В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
18. История Хорезма. Ташкент, 1976.
19. Курочкин Г. Н., Гультов С. Б., Деянов Е. В. Исследования в Каваткалинском оазисе. АО—1975. М., 1975. М., 1976.
20. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султанунздага эпохи античности и средневековья. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1973.
21. Неразик Е. Е. Сельское поселение афригидского Хорезма. М., 1966.
22. Неразик Е. Е. Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.). М., 1976.
23. Отчет об археологических работах на караван-сараяе Учкудук. Научный архив отдела археологии КК ФАН УзССР. Нукус, 1973.
24. Отчет об археологических работах на караван-сараях Булак и Косбулак. Научный архив отдела археологии КК ФАН УзССР. Нукус, 1977.
25. Отчет об археолого-топографических изысканиях на территории Хорезмской области УзССР в 1973 г. Научный архив отдела археологии КК ФАН УзССР.
26. Отчет археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898.
27. Отчет археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.
28. Очерки истории Каракалпакской АССР, т. 1, Ташкент, 1964.
29. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.—ТХАЭЭ, т. 1. М., 1952.
30. Рапорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гир 1 в 1958 г.—МХЭ, вып. 6. М., 1963.
31. Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджара.—СА, 1972, № 3, М., 1973.
32. Сазонова В. М. К этнографии узбеков южного Хорезма.—ТХАЭЭ, т. 1. М., 1952.
33. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884.
34. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
35. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
36. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
37. Труновская С. А. Стекло с городища Шах-Санем.—ТХАЭЭ, т. 11. М., 1958.
38. Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала.—ТХАЭЭ, т. 11. М., 1958.
39. Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.—СА. М., 1964, № 1.
40. Федоров-Давыдов Г. А. Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 гг.—СА. М., 1966, № 2.
41. Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода.—Нумизматика и эпиграфика, т. V. М., 1965.
42. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

43. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— В сб.: Поволжье в средние века. МИА, М., 1970, № 164.
44. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
45. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища).— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.
46. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
47. Федоров-Давыдов Г. А. Итоги пятилетних работ Поволжской экспедиции на новостройках и некоторые вопросы археологии Поволжья. Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов». Тезисы докладов. М., 1977.
48. Фонды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
49. Шавкунов Э. В. Клад чжурчженских зеркал.— МИА, М., 1960, № 86.
50. Экспозиция Музея искусств Каракалпакской АССР.
51. Экспозиция Краеведческого музея КК АССР.
52. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи.— МХЭ, вып. 6. М., 1963.
53. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
54. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан.— ЗКВ, т. V. Л., 1930.
55. Якубовский А. Ю. Хорезм в керамике Сарая.— ИГАИМК, вып. 3. М., 1931.
56. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой.— В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М.—Л., 1932.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ВКФ — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
 ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР.
 ЗРГО — Записки Русского географического общества.
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
 ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
 КК ФАН УзССР — Каракалпакский филиал АН УзССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.
 СА — Советская археология.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
 САИ — Свод археологических источников СССР.
 ТОВЭ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
 ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии.
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Юсупов. Из истории изучения археологических памятников приаральской дельты Амударьи	3
Е. Бижанов. К вопросу о хронологии неолита Устюрта	14
Е. Бижанов. Новые памятники каменного века Чурукского массива (Северо-Восточный Устюрт)	22
Ю. П. Манылов, Г. Хожаниязов. Городища Аязкала I и Бурлыкала (К изучению фортификации древнего Хорезма)	32
Ю. П. Манылов. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры	50
М. Мамбетуллаев. Городище Кят (левобережный) и Зарлыкшанбобо	65
В. Н. Ягодин. Городище Хайванкала — раннесредневековый Кердер	78
Б. С. Сайпанов. Новые данные к политической истории Хорезма конца XI—70-х годов XII в. (Опыт историко-нумизматического исследования)	103
М. Ш. Кдырниязов. Ремесло Хорезма в XIII—XIV вв.	123

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАКАЛПАКИИ

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор М. Л. Карась
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор Т. Кормушина

ИБ № 1098

Сдано в набор 24.04.81. Подписано к печати 3.06.81. P04634. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 1000. Заказ 84. Цена 1 р. 40 к.

Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена — 1 р. 40 к.

